ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 25 ИЮНЬ 1987

ПАРУСА НАДЕЖДЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 25 (3126)

20—27 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Ветром полны паруса. (См. в номере стр. 12.)

Фото Глеба КОСТЕЦКОГО

Оформление Е. Н. КАЗАКОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 01.06.87. Подписано к печати 16.06.87. А 00397. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1793. Заказ № 703.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

А КУБОК ВСЕГО ОДИН...

ПОЗДРАВЛЯЕМ ФУТБОЛИСТОВ КИЕВСКОГО «ДИНАМО» С ПОБЕДОЙ — 8-й ПО СЧЕТУ — В ФИНАЛЕ КУБКА СССР!

Можно сказать, что и десяткам миллионов зрителей, смотревших этот матч по телевидению, и 75 тысячам болельщиков, пришедших на лужниковские трибуны, повезло: в тот вечер они видели футбольный спектакль, исполненный подлинной спортивной страсти, беспредельного напряжения и острейшего драматизма. Самому искусному и азартному любителю прогнозов и присниться не мог столь замысловатый и непредсказуемый сценарий поединка. А в этом сюжете было все. И, казалось бы, безоговорочно посрамленная точка зрения большинства специалистов, отдававших накануне финала предпочтение киевским динамовцам: их минские одноклубники по ходу поединка вели в счете 3:1. И те роковые для минчан 15—20 секунд, которых им не хватило, чтобы завоевать заветный приз: неотразимый удар Александра Заварова, лучшего футболиста страны за минувший сезон, лишил их этой возможности. Возможности, но не шанса. Для него оставались еще дополнительные полчаса. Но и их не хватило для того, чтобы кто-нибудь из соперников, несмотря на ярость борьбы, смог положить на чашу победы хотя бы один мяч.

И наконец, решительная — до результата! — серия из пяти пенальти. Кто не дрогнет? (Точнее, у кого первого сдадут нервы?!) Не будем называть фамилии (даже с учетом гласности) тех двух опытнейших игроков минской команды, которые пробили неудачно,— они отдали борьбе все силы. Киевляне же пробили свою серию безупречно, не упустив в труднейшем поединке своего шанса.

Те, кто видел этот памятный матч — поистине Большой Финал! — объективно заключат, что оба соперника достойны награды. Но мы-то, болельщики, знаем, что Кубок, увы, всего один... А значит, тем ценнее победа.

Фото Анатолия Бочинина

УЗНАВАНИЕ

*Редактор Уолтер Андерсон часто публикуется у себя в «Пэрейде».
Я нечастый гость на страницах «Огонька».
У всех свои принципы, но сегодня для пользы дела мы решили опубликовать собственные монологи одновременно в двух изданиях — и в «Огоньке», и в «Пэрейде».
Таково было соглашение: на двух языках, русском и английском, обратиться друг к другу и к миллионам читателей.
Собственно, обращения уже отзвучали, как речи, в Америке, и мы условились опубликовать тексты неизмененными, поскольку готовили их, не советуясь друг с другом. Да будет так.
Я выступал в США как гость страны, Андерсон делился впечатлениями об увиденном в СССР со своими соотечественниками.
Это определило различие наших с ним интонаций; впрочем, различий между советским и американским писателями сегодня немало во всех отношениях, это естественно, если иметь в виду мышление людей, воспитанных капитализмом и социализмом.
Главное — в понимании того, что мы должны дискутировать на уровне слов, не провозглашать проблем, подлежащих разрешению только на поле боя.
Главное — чтобы новое мышление помогало в борьбе за спасение человечества, а значит, и советского, и американского народов, от ядерной гибели.
Мне доводилось бывать в Соединенных Штатах много раз. Андерсон приезжал к нам впервые. Будучи не просто редактором, активно работающим в пропаганде у себя дома, но и являясь ее одним из самых заметных лидеров, он, бесспорно, объективнее и наблюдательней очень многих.
Хоть желание поучать в американском редакторе неизбывно — если уж он оценивает советскую перестройку, то с точки зрения человека, считающего себя способным мгновенно разобраться в ней и судить ее с налету, сразу же, будто мы учиняли все свои гласности для него лично.
Впрочем, и для него. Выступая в Америке, я неизменно подчеркивал, что происходящее в Советской стране — пример для многих народов, а для Америки с ее нынешним «ирангейтом» — во многом образец политической принципиальности.
Поэтому, когда американский публицист мимоходом судит наше правосудие, отмахиваясь от мнения советского министра*

Виталий Коротич родился в 1936 году в Киеве. Там же окончил медицинский институт, работал врачом; в 1961 году был принят в Союз писателей, в 1965-м стал главным редактором киевского журнала «Ранок» и навсегда расстался с медициной. Автор более чем сорока книг; наиболее популярные из них сборники стихов, а также публицистические книги — «Лицо ненависти» и «Кубатура яйца». Лауреат Государственных премий СССР и УССР. С 1986 года — главный редактор журнала «Огонек». С 1981 года — секретарь правления Союза писателей СССР. Депутат Верховного Совета УССР.

На границе штатов Иллинойс и Огайо мне показали огромные хранилища для зерна. Похожие на нефтеналивные баки, серые цилиндры хранили в себе источник энергии не менее важной — энергии хлеба. Местные фермеры рассказывали, какого труда стоило построить и вырастить все это, о том, как зернохранилища стали еще и наблюдательными вышками в необозримой степи — с высоты их крыш можно разглядеть далеко и многое.

Мне предложили подняться на самый верх одного из «зернобаков». А может быть, я сам попросил об этом. Так или иначе, но по стене серого цилиндра спустилась к нам маленькая кабина подъемника, и мы втроем — двое американцев и я — сели в нее.

Подергиваясь — мухой по стене,— кабина поползла вверх. А проехав около сотни футов, уже на самом верху почти вдруг дернулась и остановилась. Зрелище было весьма унылым: серая коробочка, трясущаяся на металлическом боку зернохранилища очень высоко. И вот в тот момент, когда показалось, что здесь нам и жить, а спасения из подъемника не предвидится, один из моих спутников выскользнул из него, мгновенно оказался на крыше кабины и там, на огромной высоте, начал что-то чинить.

Через небольшое время кабина еще раз дернулась и поехала — уже без остановок.

Всегда должен найтись человек, который рискнет во имя других. Подумает о том, что он сможет сделать — на собственном уровне компетенции,— и начнет делать.

Думаю, что Михаил Сергеевич Горбачев явился в моей стране именно таким лидером — смелым, даже способным на риск, но... во имя не своего лично, а нашего общего блага.

Сейчас, путешествуя по Америке, я думал о том, сколь велика наша взаимная соединенность и взаимная ответственность, сколь важны решения, принимаемые к пользе многих. Пожалуй, это единственная «сверхсила» — наша общая воля к совместному выживанию на земле, к общей работе. И на уровне главы государства, и на уровне фермера, и на уровне журналиста можно сделать сегодня многое, чтобы мир выжил, а мы стали умнее и лучше.

Меня многому научил Чернобыль. Когда вырвалась наружу страшная, убийственная сила и молодые — совсем еще мальчики — пожарные пошли в огонь и погибли, но спасли миллионы людей, само восприятие жизни обострилось. У любого великого народа должны быть дети, готовые умереть во имя блага живущих рядом. Точнее, готовые жить, помня о том, сколько беды вокруг и сколько самоотверженности необходимо, чтобы этой беды убавилось.

Чернобыль стал трагедией потому, что нашлись люди безответственные до подлости. Реактор взбунтовался как символ злой силы, постоянно существующей рядом с нами.

Люди и страны раз за разом оказываются на краю гибели из-за чьей-то нерадивости, из-за того, что героизм приходится проявлять в ситуациях, где самые нормальные ответственные решения, принятые вовремя, сделали бы куда больше.

Мы говорим сегодня о гласности и политике открытости в моей стране так, будто есть что-то экстраординарное в печатании вчера еще запрещенных книг, в освобождении из-под стражи невинно осужденных людей. А все-то дело в том, что это нормально. Но совершенно ненормально, когда на книжных полках незаконно пустовали места для книг Пастернака, Гумилева и других. Все это должно было публиковаться. Норма в этом, а не в необходимости выносить детей из пожара. Надо, чтобы дома, библиотеки, атомные электростанции не горели, вот и все. Очень просто.

Чернобыли духовные не менее опасны, чем тот самый запылавший ядерный реактор. Крик «Спасите наши души!» сегодня актуален, как никогда.

Сегодняшняя Америка потрясла меня зрелой доброжелательностью, массовым пониманием того, сколь важны доброжелательность и доброе отношение человека к человеку, страны к стране. Это произошло, утвердилось за последние годы, и счастьем было ощутить это. В 1982 году осенью меня поразили американская угрюмость, антисоветизм, въедающийся во все поры заокеанской жизни. Еще не вышел «Рэмбо-II», еще не сняли «Красный рассвет» и «Рокки-IV», но можно было предугадать их появление. Сейчас я думаю, что Америка выдержала испытание ненавистью. Великий народ не озверел и не сосредоточился на нелюбви к моей стране, а ведь какой хороший громоотвод пытались выстроить из ненависти некоторые политики. Лицо ненависти подрожало-подрожало в реке времени и уплыло. По крайней мере уплывает. Хорошо было ощущать это, хорошо было знать, что самые страшные мои опасения не сбылись. Духовный Чернобыль не сжег Америку изнутри, она так и осталась разнообразной, от Рэмбо до Микки Мауса,— всем зная цену и ко всем относясь по-разному.

И—напоминанием о том, что не все просто, осталось в моей памяти лицо женщины из аэропорта в Атланте, которая вздрогнула и отскочила испуганно в сторону, услышав, что я из СССР. Ее испуг стоил миллиард. На этот испуг поработали недобросовестные газетчики и кинопродюсеры. Ее испуг был, как вздрогнувшая память, в которой наслоилось немало зла и обмана. В прошлый раз, для того чтобы мы стали союзниками, понадобилась угроза на уровне Гитлера. Неужели только предчувствие всеобщей беды снова сблизит нас? Неужели я никогда не смогу преодолеть сопротивления денежных мешков, израсходованных на дезинформацию? Надо преодолеть...

В Аппалачах, возле одного из лучших на свете музеев народного быта, собранного с великой любовью Джоном Райсом Ирвингом, я принял участие в фермерском празднике. Вместе со мной был Алекс Хейли, автор одной из глубочайших книг нашего времени, «Корни».

Мы разговаривали, пели, даже плясали, постоянно ощущая фон, на котором существуем. Он — преодоленное рабство, трудный и честный путь к свободе. Я — преодоленную ненависть, которую пытались навязать нашим народам, радость от фермерских рукопожатий и улыбок.

Сколько миллиардов было израсходовано зря! Сколько бумаги и кинопленки извели впустую, пытаясь разделить разноязычных людей, работающих и желающих будущего. Наверное, можно было бы накормить всех голодающих африканцев за счет одного только кинобюджета, посвященного ненависти. Кинобюджет этот не сработал. Еще летят осколки от продолжающих взрываться бомб ненависти, но убитых ими все меньше.

Вспоминаю свои встречи в Чикаго и Новом Орлеане, в Вашингтоне и Нью-Йорке. Мы далеко не во всем соглашались друг с другом, но всякий раз искренне пытались друг друга понять. В этом и есть открытость, в этом и есть перестройка.

Я вовсе не склонен к идеализации. Знаю, что в Америке есть немало людей, в улучшении обстановки не заинтересованных. Знаю таких людей и у себя в стране. Создавая и нагнетая напряженность в отношениях между народами, они пытаются оправдать собственное существование. Любой шаг к нашему взаимному пониманию делает их жизни, все, что они делали и делают, бессмысленным. Ненависть куда проще любви, война куда проще мира. У сторонников конфронтации огромный аппарат, газеты, телестудии, памятники генералам, высокие амбиции. У тех, кто ищет сотрудничества, инфраструктура, так сказать, лишь создается. И тем не менее мы сильнее.

Мне очень не нравится, что кое-кто хочет привнести во встречи добрых людей США и СССР обстановку заговора. Мне очень не по душе, когда при встречах советских с американцами тут же начинают высчитывать, кто кого покупает, кто будет иметь выгоду от лучших отношений между странами и народами. Пора накрепко усвоить, что выгода очевидна.

Я буду иметь выгоду. Новоорлеанские портовики останутся в прибыли.

по этому же поводу, преувеличивает роль «диссидентов» или совершает другие ошибки такого же рода, можно лишь посетовать о пропаганде, годами воспитывавшей именно такую систему ценностей, и пожелать американскому коллеге больших открытости и вдумчивости, новых приездов к нам, углубленных и откровенных попыток разобраться в советской жизни. Уолтер Андерсон хочет этого. Он искренне стремился понять происходящее в СССР именно в связи с судьбой своего народа и всего человечества, обращался с вопросами к прохожим на улице, к случайным знакомым.
Его определения вроде «один писатель», «один паренек» документированы метрами звукозаписей и сотнями фотокадров. Попросту нашему недавнему гостю надо еще разобраться во многом. Верю, что в следующие приезды он напишет не только статьи, но и книги, устремленные к взаимному пониманию.
А писать Андерсон умеет — недавно издал роман свой, ставший бестселлером.
Журнал «Пэрейд» и его редактор широко известны в стране — тридцатидвухмиллионный тираж «Пэрейда» небывал даже по американским масштабам.
Многие известные писатели страны — как Н. Мейлер, Э. Доктороу, А. Хейли — почитают за честь сотрудничать с «Пэрейдом». Здесь же сосредоточены лучшие фотохудожники США — одного из них, Э. Адамса, мы представим вам в следующем номере.
Видеть мир, рассказывать о мире, общаться с читателями — журнал неутомим в этом стремлении. Он постоянно расширяет круг своих авторов — не так давно в «Пэрейде» выступил посол СССР в США Ю. В. Дубинин.
На одной из встреч с фермерами в штате Теннесси ко мне подошли два старика, проведшие в родных горах всю жизнь.
«Как огромен мир,— сказали они,— как важно жить и выжить в нем вместе...» Истина, как видите, глаголет не только лишь устами младенцев. В стремлении к истине мы должны быть неутомимы, тем более к такой высокой, как жизнь, или мир, или социальная справедливость.
Редактор Уолтер Андерсон — в возрасте ответственности и зрелости. Хочется, чтобы жизнь его, преодолевая барьеры, но не задерживаясь у них, шла к вершинам ответственности и правды. Отметая ложь и предвзятость, потому что надо остановить их, нельзя позволить, чтобы ненависть и война уничтожили человечество. Уолтер искал слова, определяющие смысл борьбы за взаимное понимание.
Возможно, здесь новые слова и не нужны — такие, как «мир», «ответственность», «сотрудничество», неизменно вдохновляющи и высоки. Надо сохранять верность их смыслу.

Виталий ***КОРОТИЧ***

Фермеры Иллинойса и Теннесси тоже. И виноделы Грузии заодно с ними.

Кто-то и проиграет. Я давно уже не видел безработных бюрократов и генералов, на которых поглядывают с иронией. Надо дать им шанс поражения. Надо им помочь проиграть.

Вы можете не верить в гласность, за которую сражается нынешнее руководство моей страны. Вы можете не доверять коммунистам, как делали это всегда. Но понять, что от взрыва в Чернобыле или от неурожая в Огайо никому лучше не станет,— вовсе не трудно. Мы должны в сумерках нащупывать друг друга. Если в Афганистане и Никарагуа, в Анголе и Сальвадоре людей будет гибнуть меньше, станет лучше всем нам. Мы обязаны возрождать в себе ощущение человечества, потому что нам не выжить иначе. Государства должны дать своим гражданам свободу избирать место проживания по собственному усмотрению—это очевидно. Но те из нас, кто уже навсегда определил свои страны: как жить нам? Как научиться совместной радости, всеобщей боли, одной надежде на всех?

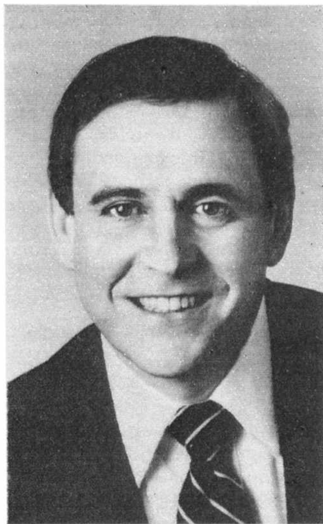
Сегодня вечером, когда Америка отсмотрит свои телевизоры и уляжется спать, в моей стране начнется день. Мне очень хочется все сделать для того, чтобы он был мирным.

Я думаю о том, что моя статья написана после поездки по великой стране, уставшей от ненависти, от раздуваемых в ней шовинистических комплексов, находящей свое реальное место в реальном мире — в сообществе народа и людей, жаждущих жизни, свободы и равенства. Может быть, гласность и перестройка нужны сегодня не только нам, определенно, не только нам. Убеждаюсь, как непросто сегодняшняя Америка приходит к правде о себе самой, к осмыслению не только всех своих великих дел, но и всех несправедливостей, которые она совершила и совершает. Я не хочу поучать Америку; но когда в воскресенье я видел цветную трансляцию с того самого стадиона в чилийском Сантьяго, где американский проповедник проклинал коммунистов и твердил, что не может быть мира и согласия с ними, мне было больно.

Не хочу попрекать Америку ее голодными, бездомными и отчаявшимися. Они болят во мне, потому что стали частью всеобщей неустроенности. Великая держава не берется заботиться о своих детях, помогая убивать детей в Анголе, Сальвадоре и Никарагуа, посылая оружие, взрывающее пути к миру в Афганистане.

Ненависть стоит дорого. И в прямом смысле, и в переносном. Не достаточно ли уже заплачено за нее, не становимся ли мы на пороге новой бездны?

Америка светлеет изнутри. Несмотря ни на что, я убежден в этом.

Уолтер Андерсон — известный американский журналист, лауреат целого ряда престижных премий в США, ветеран войны во Вьетнаме. Свою журналистскую деятельность Уолтер Андерсон начинал в качестве репортера в таких изданиях, как «Нью-Йорк» и «Ринг». Его яркие, острые материалы появлялись в телевизионных и радиопередачах. Особую популярность Уолтер Андерсон приобрел после того, как была издана его первая книга — «Мужество — короткое слово». В 1978 году Уолтер Андерсон стал главным редактором журнала «Пэрейд».

День был мрачный, промозглый и сырой, тот колючий мартовский день, когда я стоял у подножия огромной статуи в Волгограде — сталинградского мемориала — статуи женщины с мечом в руке, зовущей соотечественников присоединиться к ней, защитить ее и отдать, если придется, свои жизни. Именно здесь, в давящей непроглядной и звенящей тишине, присущей этому месту, я начал кое-что понимать.

Ни один американец, понял я, не может прийти сюда и говорить с этими людьми о войне. Эти люди знают, что такое война, и знают не понаслышке. 20 миллионов было убито во время второй мировой войны. Война задела каждую семью. И все-таки один вопрос гложет меня: смогут ли они выдержать мир?

Хотя Советский Союз дал кров миллионам людей после разрушительной войны, сегодня заметно, что углы многих домов обшарпаны, бывают перебои с продовольствием, да и качество продуктов потребления нередко вызывает подозрение. Более того, процветает черный рынок, понижается уровень жизни, растет алкоголизм и увеличивается число прогулов на работе. Я встречался с людьми в Советском Союзе в наиболее важный период со времени войны — период, когда страна начала новую политику, так называемую политику гласности, которая, если достигнет цели, улучшит жизнь страны.

Что же такое гласность?

Я отправился в Советский Союз, чтобы узнать. Я поехал с надеждами и, без сомнения, с некоторыми предубеждениями.

За две недели я побывал в Москве, Ленинграде, Волгограде, Киеве и Тбилиси. И теперь, когда я пишу эту статью, зная, что она появится в «Пэрейде» и в журнале «Огонек» на русском языке, мне хотелось рассказать американским читателям, что собой представляют советские граждане, и в то же время поведать советским читателям, что собой представляю лично я, поскольку я говорю только от своего имени. Мне хочется также, чтобы советские люди узнали, что я думаю о них и об их стране.

Как ни странно, именно контрасты Советского Союза произвели на меня наибольшее впечатление. Хотя религиозные убеждения в стране официально не поддерживаются, многие иконы, например, Андрея Рублева в Загорске, считаются поистине сокровищем. Несмотря на то, что многие из прекрасных литературных произведений моей страны — книги Марка Твена, Джека Лондона, Фолкнера, Хемингуэя, Мейлера и Апдайка — можно достать в школах и библиотеках, с другой стороны, честная информация об Америке крайне редка. Хотя число разводов и абортов растет с ужасающей быстротой, быстрее даже, чем в США, семейные связи и любовь между людьми настолько очевидны и даже завидны, что нередко возникало ощущение, что эти люди являются не только членами одной нации, но и одной семьи.

Но самый резкий контраст появился в результате войны.

Отдельные люди, с которыми я встречался, не хотят войны, и нежелание ее основывается на глубоко личных, чаще всего детских впечатлениях. Затаив дыхание я слушал рассказ известного художника Ильи Глазунова, как умирали от голода его родители во время блокады Ленинграда, когда он был еще мальчиком. Поэт и редактор Виталий Коротич вспомнил, какой ужас он испытал в детстве, когда однажды в Киеве нацистский солдат подозвал его и медленно вынул из кармана своей куртки не пистолет, а губную гармошку. В Волгограде я услышал, как уже после второй мировой войны от взрыва захороненных мин и снарядов погибли дети.

К сожалению, и в этом опять заключается контраст, на улицах Киева, Тбилиси, Волгограда, Москвы или Ленинграда нельзя не заметить молодых солдат, приехавших на побывку, или не замечать войны, которую Советский Союз, кажется, не собирается прекращать в Афганистане: конфликт, который, как отметили почти все, с кем я говорил, должен кончиться в течение двух лет. И, конечно же, у многих американцев вызовет удивление — это удивило, кстати, и меня,— что есть советские люди, как среди интеллигенции, так и рабочих, которые опасаются, а иногда даже и ожидают ядерного удара со стороны Соединенных Штатов.

Проводник в поезде сказал мне: «У ваших лидеров мышление войны». Его, да и других граждан, без сомнения, удивит то, что миллионы американцев думают то же самое о советских лидерах.

Учитель в Москве доказывал: «Даже если ваш президент никогда не нажмет кнопку, ваша страна наращивает вооружения, и мы должны расходовать все деньги на то, чтобы не отстать от вас, а в результате это приводит к тому, что мы не можем поднять уровень жизни нашего народа». И опять эта точка зрения может удивить многих американцев.

Вряд ли кому-то удастся за две недели хорошо узнать страну. Во всяком случае, я не смог. Люди слишком сложны, чтобы так просто было их понять, раковина в раковине, как популярная маленькая деревянная матрешка, которую продают по всей России, где каждая оболочка скрывает другую, еще более интересную, потом еще и еще. Кроме того, я американец, американец, твердо убежденный в правильности главных прин-

ципов, заложенных в основе моей нации.

Исходя из этого, понимаю ли я Советский Союз?

Я понимаю Советский Союз лучше.

Достаточно ли хорошо?

Нет, просто лучше.

Является ли гласность реальностью?

Да, мне кажется, что это реальность. Это одно из наиболее значительных и важных событий нашего времени, борьба лидера, который стремится оживить общество, подходя к решению проблемы в корне, а не поверхностно, включая граждан в этот процесс, предполагающий критику и самоанализ. Это еще не демократия — власть все еще сильна наверху,— но гласность является возможностью противостоять жесткому бюрократическому контролю. По моему мнению, советской системе не хватает именно рассуждения, открытой беседы, того, что придает жизнестойкость Соединенным Штатам. И никто не знает, сработает ли гласность в Советском Союзе и что произойдет, если нет.

Что же в действительности гласность?

Строго говоря, это идея, которую провозглашал Ленин, основатель Советского государства. Но сегодня это означает гораздо большее, это означает открытость. Юрий Андропов, Генеральный секретарь ЦК КПСС, начал этот процесс, который впоследствии получил развитие и связывается сейчас с именем Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева, который приветствовал и даже требовал критических высказываний и выражения идей. Гласность, как я ее вижу, представляет собой попытку вернуть граждан к управлению государством, поощряет народ играть более значительную роль в системе. Один коммунист, хорошо образованный человек, сказал: «Сейчас, впервые за все время моего молчания, я стал активно действовать, по-настоящему участвовать — меня попросили представлять других и повести за собой, я даже получил возможность критиковать».

Мы видим гласность, когда читаем статьи в прессе по поводу чернобыльской катастрофы или затонувшей атомной подводной лодки, когда слушаем сообщения о таких внутренних проблемах, как проституция и преступность, проявилась гласность и в том, что выпустили из заключения Андрея Сахарова, Юрия Орлова и Анатолия Щаранского, были опубликованы запрещенные до сих пор работы Владимира Набокова и Бориса Пастернака. Один русский писатель, до войны просидевший в тюрьме три года по особому обвинению, сказал мне: «С гласностью, я думаю, у нас есть будущее».

Почему гласность возникла именно сейчас?

Советский Союз отстает сегодня от Запада по потребительским товарам, и даже через семьдесят лет после революции иногда не хватает продовольствия. Как это ни удивительно, страна с такой богатой культурой и природными ресурсами напоминает временами развивающуюся страну. Один украинец объяснил мне, что многочисленные инициативы снизу десятилетиями подавлялись различными приказами сверху. «Как вы видите,— сказал мне один русский, много поездивший по свету,— наш уровень жизни должен быть выше. Сейчас, когда действуют больше людей на местах, а не просто получают указания от начальников, я действительно верю, что мы продвинемся вперед благодаря нашей реконструкции, или, как мы ее называем, перестройке».

Должны ли этому содействовать Соединенные Штаты?

Если гласность сработает, Советский Союз будет, конечно, сильнее. И я думаю, американцам нужно решить для себя, кто им опаснее: люди, которые придут к власти в случае, если Михаил Горбачев потерпит неудачу, или те, кто придет к власти, если Михаил Горбачев достигнет цели.

Будет ли гласность жить?

Я не знаю. При изучении истории возникают сомнения, когда читаешь о чистке партии при Сталине, о хрущевском падении, о брежневском возвышении. Однако, если Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев так предан гласности, как он официально говорит об этом, если он в силах снискать в Кремле скорее поддержку, чем оппозицию, тогда этот гражданский пыл в борьбе за гласность имеет существенное значение.

Все, почти без исключения, с кем я откровенно говорил, просто жаждут продолжения гласности.

Главный режиссер Ленинградского Большого драматического театра Георгий Товстоногов сказал мне: «Теперь мы можем выбирать пьесы без чьего-то разрешения. Сегодняшний спектакль, который называется «Театр времен Нерона и Сенеки», до гласности был запрещен. Теперь мы не так связаны с бюрократией. Я мечтаю, чтобы этот процесс продлился. И это мечта всей интеллигенции. Нам надо знать больше о других странах и способствовать тому, чтобы их народы знали больше о нас. После того, как канцлер ФРГ Гельмут Шмидт увидел спектакль «История лошади», он сказал: «Это стоило пяти международных конференций!» Видите, он понял это только тогда!»

— А в чем проблемы? — поинтересовался я.

— Существует сопротивление гласности,— сказал он,— жесткое сопротивление со стороны бюрократии, и есть люди, которые, привыкнув к старому образу жизни, спрашивают себя: «Зачем нам это надо?»

Один московский писатель объяснил: «Есть писатели, художники и другие деятели искусства, которые выступают против гласности, потому что вся их карьера поддерживалась противоположной точкой зрения. Они чувствовали себя в полной безопасности, им нельзя было ни в чем возразить, и их положение было незыблемым. А теперь в мире идей они столкнулись с соперничеством, и лично я думаю, что они чувствуют нависшую над ними угрозу, боятся потерять контроль, потерять возможность самим легко решать, какие произведения увидит или услышит публика. Может, их беспокоит то, что людям больше понравятся новые таланты.

А что касается бюрократов, то они до гласности пользовались непомерной властью и спокойно принимали решения, указывали людям, что они могут делать и чего они делать не должны, всегда обвиняя, но никогда не принимая обвинения на свой счет и почти всегда говоря «нет». Теперь же эти чиновники должны отвечать за свои решения — должны делиться, спорить, слушать и даже в некоторых случаях прислушиваться к мнению рабочих. Это означает то, что чиновник уже не может спрятаться за своим столом... Некоторые потеряли работу. Я думаю, такая участь ждет еще многих».

Почему некоторые люди сопротивляются?

«Многие изменения не по вкусу,— сказал мне паренек в Волгограде,— мои родные, например, привыкли жить по-старому. Другие за них принимали решения. Ведь легче, когда можно свалить вину на другого, когда тебе самому не надо думать. И я слышал много раз: «Почему мы должны читать о чем-то плохом? Что в этом хорошего?» Мои родители делали, что им говорили, читали, что им давали, смотрели на то, на что им указывали. Им сейчас трудно, но гласность, на мой взгляд, лучше».

В Киеве заместитель министра культуры Украины Александр Трибушный сказал: «У нас есть и рок-музыка, и брейк-данс, больше стало пьес, больше мнений. Гласность набирает силу».

Сохранится ли гласность?

«Да»,— сказал он мне.

«Но у вас уже были краткосрочные периоды открытости и раньше, например, при Никите Хрущеве,— напомнил я,— почему вы считаете, что теперь будет по-другому?»

«Слишком много людей вовлечено сейчас в этот процесс,— сказал Трибушный,— а у Хрущева был только узкий круг соратников. И потом, раз что-то уже сказано и обнародовано, нельзя же об этом умолчать или сделать вид, что ничего не было. Но самое важное — то, что эту политику поддерживает большое число людей».

Несмотря на то, что в течение сорока лет советские люди знали о Соединенных Штатах только полуправду, они с любопытством и даже страстью относятся к американскому. Я помню, как две глухонемые девочки возбужденно жестикулировали, осматривая в Ленинграде выставку живописи Уайетов; как известный режиссер ленинградского театра прикурил от зажигалки с надписью «Я люблю Нью-Йорк»; как шофер такси в Москве подпевал передаваемой по радио мелодии «Бесс, теперь ты моя» из оперы Джорджа Гершвина «Порги и Бесс» и как стал качать головой в такт последовавшей музыке хэвиметалл; как от гордости сияли лица грузинских студентов и учителей, библиотекаря в Волгограде, членов актерской семьи и поэта в Киеве, партийных работников почти во всех городах, когда они могли показать некие предметы, связанные с памятью о встречах с американцами, и чаще с уважением, чем недоброжелательно, отмечали качество американских изделий — и вопросы, вопросы, вопросы об Америке.

Уже то, что эту статью прочтут советские люди, является подлинным выражением гласности, и мне бы хотелось, чтобы все они получше узнали меня, рядового американца. Уже в самом начале моей поездки я увидел, что люди, которых я встречал в Советском Союзе, хорошо разбираются в культуре моей страны, может, даже лучше, чем многие американцы вообще знают об СССР, но, с другой стороны, непонимание нашей страны в целом оказалось намного глубже.

И хотя мы сами в Америке нередко конфликтуем — раса с расой, религия с религией, мне кажется, дело не в этом, а в том, что стремление к терпимости является такой же частью нашего характера, говорил я грузинскому журналисту, как ваша любовь к родной земле, родине, как вы ее называете. Такие же американцы, как я, поддерживают тех советских евреев, кто хочет выехать из Советского Союза, и делаем мы это потому, что считаем себя обязанными так поступать. Я рассказал ему, какую человеческую радость и гордость я испытал в зале заседаний в Волгоградском политехническом институте. Там мы разговаривали, пили чай с сыновьями и дочерьми крестьян, которые своими руками построили это здание, молодыми людьми, которые получили высшее образование и держат теперь советскую науку на мировом уровне,— еще одно подтверждение того, какими удивительными возможностями обладают простые люди. Как мне признать, что общество, которое фактически возродило себя из грязи менее чем за полвека, одело и дало жилье своему народу, не может стать выше своего отрицания свободы? Вы ведь лучше этого.

Я попросил русского друга в Москве, чтобы он попытался дать определение русскому характеру.

«Сильный,— сказал он,— находчивый и жесткий». Он запнулся, а потом добавил, подчеркивая: «И мы не хотим войны».

«Все это,— сказал я ему,— можно отнести и к американскому характеру»...

Неужели наши народы все-таки не похожи?

Я так не думаю.

Я нахожу, что многие советские люди искренние и без претензии, как и лучшие представители моей страны, способны на настоящую теплоту и любовь. Я почувствовал это, когда известный киевский актер Александр Заднепровский запел со своей женой Ксенией народную песню у себя дома после ужина, и то же испытал, когда гениальный грузинский режиссер Реваз Чхеидзе показал мне православную икону, которая висела у него в кабинете, и рассказал о своих личных взглядах на религию... Я был поражен глубиной культуры, школьным образованием, гостеприимностью и благородством, порой благородством совершенно неожиданным. Вот, например, Илья, маленький мальчик, который напомнил мне моего собственного сына в таком возрасте. Мы встретились в вестибюле волгоградской гостиницы, когда он, отойдя от группы школьников, подошел, стесняясь, ко мне и попросил рассказать ему про Америку; заодно он хотел попрактиковать свой английский. Илья признался мне, что любит футбол, что им задают много домашних заданий и что, когда он вырастет, будет микробиологом. Потом Илья поблагодарил меня и достал из кармана подарок — цепочку для ключей, которую он купил для себя.

Неужели наши страны такие разные?

Да.

Никогда еще не казалось мне, что мы такие разные, как когда я слушал министра высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодина в его кабинете в последний день моего пребывания в Москве. «Политика гласности — это хорошо,— говорил он,— она поможет выявлять и исправлять ошибки людей в правительстве, но она, в свою очередь, создает проблему: «Если кто-то считает, что я не прав, а я в своей правоте уверен,— что прикажете делать?»

Я помню, как министр Ягодин старался убедить меня в провале американской системы правосудия, напоминая мне недавний нашумевший процесс в Нью-Йорке. «Мафию оправдали,— сказал он,— они побоялись осудить их. И вы называете это правосудием».

Да, заметил я, и у них есть имя. Мы называем их присяжными, и эти присяжные — согласны мы или нет с их решением — сделали то, что можно делать в Америке: отклонили точку зрения правительства.

Более того, и сам процесс, и решение по нему проводятся открыто.

Если даже такой высокообразованный человек, как министр Ягодин, не чувствует важности такой свободы и ответственности, то что говорить об остальных. Ведь во многих других нашумевших судебных делах американские присяжные отклонили позицию правительства.

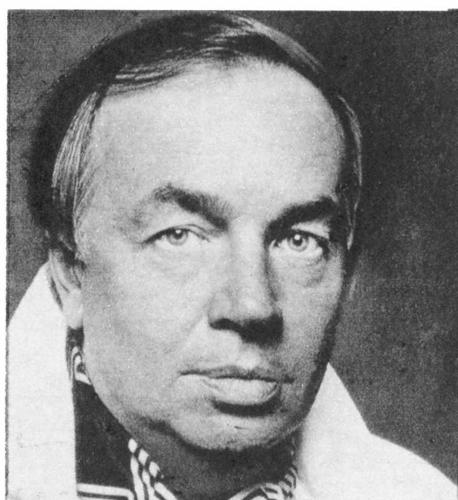
Я попросил одного русского сказать мне, что они знают о коррупции. Он не смог ответить. Я спросил у других людей — никто не знал. Один, правда, признал: «У нас существуют проблемы в правовой системе, но гласность должна помочь!»

Я тоже надеюсь на это.

Советский Союз и Соединенные Штаты стоят, несомненно, перед лицом многих серьезных проблем, не только угрозы войны. У нас есть чему поучиться друг у друга. Ведь существуют общие для наших стран проблемы — алкоголизм, наркомания, преступность. Мы можем сообща улучшить качество здравоохранения. Общими для нас являются проблемы образования и поощрения молодых людей.

Сможем ли мы вместе отстоять мир?

«Мы можем только догадываться, как далеко вперед шагнем, если будем вместе работать над общими для наших стран проблемами»,— сказал вице-президент Академии педагогических наук Юрий Бабанский. И еще, подумал я, какое нас ожидает опустошение, если начнется война.

У стен тоже есть память, и концертный зал имени Чайковского наверняка помнит совсем юного Андрея Вознесенского. Тощего, звонкого.

Художник первородный —
Всегда трибун,
в нем дух переворота
и вечно бунт!

Это давние, в чем-то наивные, но искренние строки. На этом вечере звучали иные стихи:

Зал этот строился для Мейерхольда.
Сборная духа пошла под дуло.
Нынче игра за этап переходный.
Не проиграй ее, сборная духа.

Да и слушатели были иные — хоть большинство зала была тоже молодежь,— ведь с той давней поры прошло тридцать лет. Впрочем, настоящая поэзия живет долго, и на концерт лауреата Государственной премии СССР А. А. Вознесенского пришли и те поклонники его поэзии, что были тогда тоже молодыми. Скептики хнычут: поэзия не идет. Это враки. Настоящая поэзия находит и читателя, и слушателя. Ей не хватает залов, аудиторий. Недаром, открывая вечер, народный артист РСФСР Николай Губенко призывал администрацию впустить людей, не получивших билеты и осаждавших зал с площади Маяковского.

Три с половиной часа без перерыва собравшиеся не отпускали поэта. Записки требовали ответов на безапелляционные вопросы: «Выдюжит ли перестройка?», «Читайте поэму «Ров», «Тем, кто сомневается, напомните ваши стихи о портретах Сталина на стеклах автомашин»...
Стихи, стихи... И давние, и сегодняшние, только что написанные.
Если забывалась строка, аудитория напоминала ее. Помогали стены зала Чайковского, который все помнит.
Как много раз собиралась здесь сборная духа — лучшие из лучших в нашем искусстве.
Звучат философские стихи, лирика, публицистические, злободневные строки.
В свое время с трибуны писательского съезда А. Вознесенский выступал против утвержденного проекта памятника Победы на Поклонной горе. Ему, как архитектору, было ясно, что гигантское знамя из красного гранита на фоне неба против солнца смотрелось бы черным силуэтом.
Отсюда и название новой поэмы — «Черное знамя», как образ-метафора двойного мышления, нанесшего столько бед нашей стране.
Стихотворение «Зал Чайковского» слушатели потребовали прочитать дважды.
Итак, весна-87! Звучит поэзия.
Через несколько дней вечер Андрея Вознесенского состоялся в переполненном зале Дворца культуры города Люберцы...
Итак, слушайте...

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СБОРНАЯ ДУХА

РЕПОРТАЖ С ВЕЧЕРА ПОЭЗИИ

ЗАЛ ЧАЙКОВСКОГО

В зале Чайковского лгать не удастся.
Синие кресла сжаты друг к другу —
с белой каймою, как «адидасы».
Здесь тренируется сборная духа.

Если подымется к выходу ряд,
небо полоской плеснет синеву.
Центр духовности, как говорят,
перемещается в нашу страну.

Где еще в мире так жаждут Живаго?
Нет облепихи. С продуктами туго.
Где еще в мире подобная жвачка?
Но есть олимпийская сборная духа!

Сборная духа — дети идеи,
вы — духовница Ван Гога без уха,
ты — озаренная синим сиденьем,
вы — олимпийская сборная духа!

С Бронной и синего Селигера
всем не хватает пока «адидасов».
«Прости нас, Есенин!» Идут
к Англетеру.
В сборную духа есть кандидаты.

Ангелы с хоров стоят без комфорта.
«Чайник» в партере кипит за супругой,
будто сидит на горящей конфорке.
Вы—кандидат. Но не в сборную духа.

Дарвина чтите, предков любите!
Кому Сарасате, кому зоосады.
Рушат компьютеры неолуддиты,—
«перед Европою с голым задом»?

Новой идее грозит Вандея.
Сборная стягивается чернуха.
Утро вечера мудренее.
Это еще тренировка духа.

Зал этот строился для Мейерхольда.
Сборная духа пошла под дуло.
Нынче игра за этап переходный.
Не проиграй ее, сборная духа.

ЖРЕБИЙ

Успеть бы свой выполнить жребий,
хотя бы десятое спеть,
заветное слово «Свобода»
по-русски осмыслить успеть!

Сжать мышцы брюшные железно,
когда тебе врежут поддых,
не дать запороть иноходца,
жеребчика из молодых.

Успеть бы издать Ходасевича,
суметь не продаться за снедь,
в метель — обнаженную розу
к ногам Твоим бросить успеть.

Такси с петушиным гребнем
уже кукаречит чуть свет —
спешит ежедневный наш жребий
к удмуртам и в Витебск успеть.

Успеть бы исполнить свой жребий
на флейте пронзительных дней,
на списанной флейте надежды,
на внутренней флейте Твоей.

Не мысля толпе на потребу,
но именно потому
успеть бы свой выполнить жребий
народу помочь своему.

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

I

Дух двусторонний,
хамелеонный,
в плен страну мою не бери.
Черное знамя горы Поклонной,
черная птица Поклонной горы.

Как гениальна
бездарь в исканье!
Окаменело в мемориал
черное знамя из красного камня —
тяжкой эпохи двойная мораль.

Кто против солнца — в мрак
обратится.
Когтится бульдозеров громадье.
Я отогнал тебя, черная птица,
но почернело сердце мое.

II

В пору сомнений, в темную пору,
с рукопожатием в сорок тонн
демагогическим Командором
черное знамя
входит в мой дом.

За небеса мои разрешенные,
за то, что с глаз сорвал пелену,
и за отбитую у него женщину —
мою страну.

Вблизи гранит оказался серый.
Лживый идол дышал с трудом.
Разило ворами, обманом, серой.
Камни расшатывали мой дом.

И погибая от тех каменьев,
тюрьмы раскрывший, сам раб еще,
словно взбесившееся затменье,
кричал с кулаком на меня Хрущев!

Души ломали. Шли самосвалы.
Кто против солнца —
с тем знаменем шли.
Черный край его целовали
дети слепые моей земли.

Все проверяется небесами.
Все, что фальшиво, глядят на свет.
Сгинь, двустороннее это знамя,
диалектический силуэт.

Да расколдуйтесь же и очнитесь!
Перемолчали? В мозгах ни зги?
Как от волчанки или черники,
затмились губы и языки.

Как мы врали своим любимым!
Камни сменялись. Пробило три.
Не защищаюсь. Камни лупили.
Ложь сотрясала мой дом изнутри...

«Гору отдай»,— говорят каменья.
В кухне Помпея. Свет потух.
«Мне конкурс не скоро найдет
замену,
Я, черное знамя — эпохи дух.

И не устраивай больше хипеж.
Знамя в самом тебе, идиот.
Ты под развалинами погибнешь,
черное знамя тебя убьет».

Я отвечал: «Бой идет веками.
Знамя-затменье. И света знамя.
На нем начертано «Человек».
Знамя света одержит верх».

III

Утро...
Ура! — кричат в телефоны.
Все москвичи с одного двора.
Мчатся колонны
к спасенной Поклонной.
Знамени нету.
Где ты, гора?

БРАЙТОН БИЧ

Небоскребы и высотки.
Синагоги. Крестный ход.
Беззаконный сын Высоцкого —
Вилли Токарев поет.

Вспоена не кока-колой,
местной мафии опричь,
мафия одесской школы
потеснила Брайтон Бич.

И таксисты, если снобы,
крутят над Москвой-рекой:
«Небоскребы, небоскребы.
А я маленький такой».

А потом, мотор застопорив,
с подружкой потравив,
под луной, с тобою, Токарев,
отдыхают на троих.

Разве вынесешь за скобки
эти толпы с их судьбой?
Небоскребы, небоскребы,
а я маленький такой...

Виллин ус черней, чем юмор.
Подошел ко мне и встал.
Мне в пиджак кассету сунул,
и пиджак мой заиграл.

Небоскребы. Небоскребы.
Завтра мне лететь домой.
Безграничны небосклоны.
Шарик маленький такой.

Добрая традиция — заводить и беречь семейные альбомы. И радоваться надо, если ушедшие, как живые с живыми, говорят с их страниц. И обидно, если многое сбереженное остается немым. К счастью, есть в некоторых семьях свои летописцы. Судьба подарила нам встречу с Ириной Исааковной Окуловой, дочерью

1917 • 1987

и племянницей известных революционеров-большевичек Екатерины и Глафиры Окуловых. Наш рассказ о Глафире Ивановне. Но мы не дали бы о ней полного представления, не поведав и о ее семье, друзьях. А помог в том семейный альбом Окуловых.

ЖЕНЩИНЫ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ

Леонид ЛЕРОВ, Григорий ХАИТ

Г. И. Окулова — начальник политотдела Восточного фронта.

Ссыльные А. С. Шаповалов, Ф. В. Ленгник, В. К. Курнатовский, Е. В. Барамзин в гостях у Окуловых в деревне Шошино. Первая слева — Глафира Ивановна.

ТАК ВХОДИЛИ В РЕВОЛЮЦИЮ

На одной из страниц — фотография выдающейся русской актрисы Полины (Пелагеи) Антипьевны Стрепетовой с ее автографом: «Екатерине Ивановне Окуловой. П. Стрепетова. На память о 30-м ноября 90 г.». То был промозглый день поздней осени. В Александринке шли «Без вины виноватые» — прощальный тогда спектакль Стрепетовой на сцене театра. Задолго до начала толпа молодежи заполнила Екатерининский сад перед театром. В руках юношей и девушек — букеты цветов. В антрактах и после спектакля они будут брошены на сцену с верхних ярусов под крики: «Вы наша!», «Не уходите!», «Оставайтесь с нами!», «Спасибо великое за талант!». А сколько тогда было преподнесено Полине Антипьевне адресов. Были они и от слушательниц Высших (Бестужевских) женских курсов, в их депутации — и Екатерина Окулова, получившая фотографию на память от великой русской актрисы.

Сохранился до наших дней и приветственный адрес бестужевок опальному больному писателю Н. В. Шелгунову, преподнесенный ему весной 1891 года. Среди подписавших его — Ольга Ульянова, сестра Владимира Ильича, и Екатерина Окулова. Через пять лет Окулова будет слушать выступления делегатов Лондонского конгресса II Интернационала. И стоит ли удивляться тому, что Екатерина и ее сестра Глафира оказались 18 ноября 1896 года в Москве, среди студентов, пришедших на Ваганьковское кладбище отдать последний долг жертвам ходынской катастрофы. Это была демонстрация, и обе угодили тогда с товарищами в Таганскую тюрьму.

На всю жизнь запомнила Глафира первый арест. «Надзиратель,— напишет она позже,— гремя связкой ключей, с лязгом открыл замок. Передо мной распахнулась тяжелая железная дверь. Я вошла, дверь захлопнулась, и снова загремел замок... Не раздеваясь, опускаюсь на койку, и в голове ясная, отчетливая мысль: «Отныне я иду по этой дороге».

Так она вошла в революцию.

Сестер выслали к родителям в Сибирь — в деревню Шошино Минусинского уезда Енисейской губернии. Отец, Иван Окулов, удачливо разбогатевший сибирский старатель, мечтал механизировать добычу золота, даже ездил в Америку за оборудованием, но разорился. Однако детям постарался дать образование.

НА ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В начале 1897 года Глафира Окулова, раздумывая о том, что ожидало ее, если бы она вышла замуж за отпрыска преуспевающей семьи, сообщала подруге: «Я думала, что я выйду замуж... буду частной благотворительницей-культурницей, и только. Это меня мучило так, что ты себе представить не можешь... Мысль, что за личное счастье я отдаю убеждения, не давала покоя...»

Убеждения! Каковы они были тогда у девушки? Кто помогал их формированию? В семейном альбоме сохранилась групповая фотография. Сделана в конце прошлого века в деревне Шошино, в саду дома Окуловых. Здесь и молодые Окуловы, и ссыльные революционеры-ленинцы. Объектив запечатлел одну из встреч, о которых Г. И. Окулова рассказывала подруге в конце 1898 года: «Какое воспитательное значение имела для меня ссылка, ты себе представить не можешь! Я увидела столько хороших людей, людей, готовых отдать свою жизнь за дело, сколько едва ли я увидела бы в Москве... Ссылке глубокая благодарность!..»

Разглядываем еще одну фотографию. Ссыльный Г. М. Кржижановский в Минусинске. Пройдет шестьдесят лет, и он на заседании ученого совета Музея Революции СССР в связи с 80-летием Г. И. Окуловой (Теодорович) * скажет: «...Теперь, когда я читаю строки биографии Глафиры Ивановны, в которых она подтверждает, что чаще других она встречалась в ссылке с Г. М. Кржижановским и В. В. Старковым и под их руководством стала знакомиться с марксистской литературой и скоро сделалась социал-демократкой, я могу только порадоваться такой нашей партийной удаче...»

«Ссылке глубокая благодарность!» Глафира Ивановна адресовала эти слова и ссыльным, запечатленным на групповом снимке: и бесстрашному революционеру Виктору Курнатовскому, и Фридриху Ленгнику — верному большевику-ленинцу, ставшему вскоре членом ЦК партии, талантливому инженеру и философу, и большевику Александру Шаповалову, питерскому рабочему, штрихи жизни которого известны по кинотрилогии о Максиме, и даровитому художнику Егору Барамзину. Александр Шаповалов тогда в Сибири написал о Глафире Ивановне: она «таит в себе черты женщины будущего — прекрасной и сильной, как прекрасен идеал будущего». Такая не смогла не стать единомышленницей В. И. Ленина и его соратников.

«Владимира Ильича,— рассказывала она,— я встретила только осенью 1898 года в Красноярске... Встретила очень мимолетно... Но, когда я вспоминаю этот период своей жизни, мне кажется, что я все время находилась под непосредственным влиянием Владимира Ильича. Мне постоянно приходилось слышать от ближайших друзей Владимира Ильича... восторженные отзывы о нем. Не было спора, не было разговора, чтобы они не говорили: «А вот Ильич по этому вопросу думает так-то» или: «Интересно, как об этом думает Старик?».

Когда Глафиру Ивановну присудили к месячному тюремному заключению за самовольную отлучку с места ссылки, Владимир Ильич написал апелляционную жалобу, и арест был заменен... трехрублевым штрафом.

БОЕВОЙ АГЕНТ «ИСКРЫ»

Встречи, встречи. Незабываемые, ожиданные и неожиданные.

1899 год. Из автобиографии Г. И. Окуловой: «Ссылку я окончила в начале февраля... С осени... я начала свою партийную работу в пропагандистских кружках Киева...» 1899 год — год ее вступления в партию, год перехода на нелегальное положение.

В 1900 году местом ее постоянной работы будет Иваново-Вознесенск. Но сперва — в Москву, к легендарному Н. Э. Бауману. Он послал ее к иваново-вознесенской революционерке О. Варенцовой, дал явки. Однако на месте выяснилось, что комитет РСДРП арестован. Окулова не растерялась, нашла, «с кем связаться», помогла восстановить Иваново-Вознесенский комитет партии, придав ему ленинское направление.

...На одной из улочек, где жили рабочие, Окулова сняла избушку, ставшую штабом революционной работы в Иваново-Вознесенске. Это были ее первые самостоятельные шаги как агента «Искры». Она выпускала листовки, встречалась с рабочими, вела занятия в подпольных кружках и горячо, бескомпромиссно спорила с «экономистами». К ней приезжали А. С. Шаповалов, Ф. В. Ленгник, не раз бывавшие у Окуловых в Шошине, и ученик Ильича — рабочий И. В. Ба-

* Она работала там в последние годы своей жизни.

бушкин. Они привозили нелегальную литературу, помогали советами.

Шпики шли по следам Окуловой, и вскоре стало ясно, что оставаться ей здесь опасно. Она списалась с Бауманом, было решено: надо уезжать.

Активный агент «Искры», Глафира Ивановна по делам газеты «путешествует» по городам и весям России. В Саратове ей удалось получить согласие о материальной помощи «Искре» графа А. Д. Нессельроде — губернского предводителя дворянства.

В Киеве в 1901 году получила письмо Н. К. Крупской: «Что делается в Киеве? Есть ли «Искра» и «Заря»? И как к ним относятся? Пришлите адреса для посылки нелегальщины в конвертах». В Самаре усилиями Кржижановских Окулова становится нелегальным «Зайчиком», которого снаряжают в Москву.

«ЗАЙЧИК» ВСТРЕТИЛСЯ С ГОРЬКИМ

В один из октябрьских дней 1902 года именно эта молодая женщина появилась на Страстном бульваре в доме князя Горчакова. Здесь проходила встреча искровцев и представителей Московского комитета РСДРП с М. Горьким. Они В. И. Ленину сообщили — писатель «произвел на всех нас чудное впечатление... Было крайне отрадно слышать, что все его симпатии лишь на нашей стороне... Единственным органом, заслуживающим уважения, талантливым и интересным находит лишь «Искру» и нашу организацию — самой крепкой и солидной...».

Горький поддержал «Искру» и Московский комитет РСДРП морально и материально. Та встреча с ним в доме Горчакова не была единственной. Сохранились воспоминания Глафиры Ивановны еще об одной встрече по делам «Искры» осенью 1902 года: «...В Художественном театре в артистической ложе во время спектакля. Шла, кажется, какая-то пьеса Немировича-Данченко. Наша деловая беседа происходила в аванложе. После ее окончания Горький предложил мне посмотреть пьесу. Мы вошли в ложу и сели, но вскоре акт кончился, занавес опустился, в зале вспыхнул свет. Публика, заметив Горького, начала аплодировать, а я, будучи нелегальной, поняла, что являюсь совершенно неподходящим к нему приложением, и поспешила скрыться».

Стоит напомнить, что сюда, в адрес Художественного театра, на имя Василия Ивановича Качалова приходили от Н. К. Крупской письма и номера «Искры». В школе театра учился брат Окуловой, Алексей.

СВАДЬБА ПОД ТЮРЕМНЫМИ СВОДАМИ

Не перечислить все явки в Москве, Петербурге, Туле, Пскове, куда по условленным паролям к единомышленникам приходила тогда «Зайчик» — Окулова. Приходила, забирала, доставляла нелегальную литературу. Она, по выражению Г. М. Кржижановского, оказалась «в авангарде московских искровцев».

В первых числах ноября 1902 года в Пскове состоялась историческая конференция по воссозданию Организационного комитета по созыву II съезда партии. В число его кандидатов на случай провала была включена и Г. И. Окулова. Ей передали финансовую часть этого комитета. Однако недолго пробыла Окулова на воле. Агенты охранки в Петербурге следили за ней, хотя ни разу она «не доводила» их до своей квартиры. А в тот декабрьский день случилась беда. Написав письмо Н. К. Крупской, Глафира Ивановна вышла на улицу, чтобы бросить конверт в почтовый ящик. Вдруг ее схватили за руку: «Позвольте, я опущу!» Она резко отдернула руку с письмом. Тогда незнакомец жестко объявил: «Вы арестованы». По дороге в полицию она ловко опустила «крамольное» письмо из рукава шубы в снег. Но при обыске в сумке обнаружили чернила для тайнописи. И ее отправили в Москву, в Таганскую тюрьму...

Однажды Окулова получила там коротенькую записку от политического заключенного, давнего своего друга Ивана Теодоровича. Он сообщал, что всех их отправят до приговора в ссылку, и, чтобы ехать вместе, просил обвенчаться. В тюрьме и состоялась свадьба, а «свадебным путешествием» стали хождения по этапам в якутскую ссылку.

Она была мучительным испытанием стойкости Окуловой, потерявшей тут первого ребенка, с трудом сохранившей второго.

ТЕ ТЯЖКИЕ ГОДЫ

Из ссылки Окулова вернулась в Петербург, когда там шли повальные обыски и аресты, свирепствовала реакция. Муж в тюрьме: он тогда бежал из ссылки за границу, потом вернулся в Петербург, по заданию ЦК партии поехал на Урал, но в Екатеринбурге был схвачен жандармами. Не сегодня-завтра они заявятся и к Глафире Ивановне...

В пасмурный вечер на квартире Окуловой появился человек невысокого роста, в пенсне. Поздоровался и тихо, но внятно сказал: «Вам привет от мужа». Она встрепенулась, испуганно посмотрела на гостя: это был Яков Михайлович Свердлов, он сидел в одной камере с Теодоровичем, от него и получил адрес Окуловой. С ним жена Клавдия Тимофеевна. Окулова не была знакома с ними, но встретила тепло, как самых близких людей.

...Несмотря на строжайшую конспирацию, полиция напала на след Свердлова и однажды нагрянула с ордером на арест Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны...

Глафира Ивановна бережно хранила письмо от 9 мая 1911 года, полученное из петербургской тюрьмы: «Увы и ах, Глафира Ивановна, я все еще не покинул сих прекрасных мест. Могу Вас уверить, что остановка не за мной. Большое Вам спасибо за кепки, не стоило лишь посылать 2, с меня хватило бы и одной... А как у Вас дело с отъездом продвигается? Здесь-то я не узнаю этого наверное. Вот если бы моя мечта увидеться с Вами перед отъездом осуществилась, тогда бы знал... Эх, хорошо бы увидеться! Как ребятенки, здоровы? Шалят вовсю?.. Спасибо Вам большое за все, за все. Крепко жму руку. Я. Свердлов».

1911 год. Из автобиографии Г. И. Окуловой: «...Слежка за мной усиливается. Теодоровича для отбывания каторги... пересылают в Александровский централ Иркутской губернии. Я переезжаю с ребятами туда. Там кое-чем помогаю каторжанам, за что подвергаюсь обыскам и допросам. Все время не порываю связи с партией»...

Рыцари революции, они и здесь ощущали заботу партии: «Село Александровское, Иркутской губ., Глафире Ивановне Теодорович». Эта запись Н. К. Крупской в адресной книге ЦК РСДРП (1912—1914 гг.). Сюда, в Александровский централ, пришел денежный перевод Теодоровичу от В. И. Ленина — он знал о его бедственном положении на каторге, а с ним были и жена, и дети.

И после окончания срока каторги супругов не оставляла в покое тревожная мысль о судьбе детей: где им учиться? На семейном совете решили: ехать Глафире Ивановне с ними в Красноярск.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

Грянул 1917 год. В Красноярске в ту пору собрались крупные политические силы. В сборе и большевистская семья Окуловых: сама Глафира, член Красноярского губкома партии, президиума губисполкома, братья ее Алексей—председатель исполкома в период Октября семнадцатого года, Владимир — комиссар по телеграфу; включилась в революционную деятельность и Екатерина. Рука об руку, плечом к плечу с красноярскими большевиками С. Г. Лазо, Г. С. Вейнбаумом, Я. Е. Боградом — их именами названы улицы города — боролись они за власть Советов.

В городе жизнь кипела. Глафира и Алексей уходили из дома рано, возвращались за полночь. Митинги, партийные собрания, совещания, заседания Совета, схватки с меньшевиками и эсерами...

Идет собрание женщин Красноярска. На трибуну поднимается Глафира Ивановна. Безуспешно пытаются сбить оратора меньшевики и эсеры. Она стоит на своем: у работниц не может быть общих интересов с хозяевами! Освобождение рабочих и работниц— дело их самих. Участницы бурного собрания отказались записываться в создаваемый кадетами «Союз равноправных женщин»...

С тревогой доносил в Петроград министру внутренних дел енисейский губернский комиссар: «Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов развивает свою деятельность совершенно самостоятельно, игнорируя Комитет общественной безопасности, игнорируя прокурорский надзор и мои права».

Из воспоминаний Г. И. Окуловой (Теодорович): «Когда в Красноярске была получена телеграмма из Петрограда об Октябрьском восстании, комиссару Временного правительства Крутовскому было объявлено о том, что свои функции он может считать оконченными... Он не сопротивлялся, сложил свои полномочия. Таким образом, в Красноярске «переворота» не было, он произошел постепенно в промежуток между февралем и октябрем. Но пассивное сопротивление все же было оказано... Яростную агитацию против нас вели меньшевики и эсеры... Я в то время часто дежурила как член президиума губисполкома. В эсеровской газете появились такие частушки: «Ныне править городом будет баба с норовом»...

Сборочный цех Красноярских железнодорожных мастерских. Двухтысячный митинг рабочих. Решение единодушное: «Всеми силами поддерживать власть, вышедшую из недр самого революционного народа, власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В ответ эсеры созвали гарнизонный митинг — ставка на крестьян в солдатских шинелях. Держат речи лидеры меньшевиков и эсеров, выступают начальник гарнизона и казачий есаул. Солдаты колеблются. Кто-то крикнул: «Мягко стелете!» И в это мгновение стремительно поднимаются на трибуну Глафира Окулова и Сергей Лазо. В октябрьские дни 1917 года он был командиром роты, занявшей в городе ключевые позиции. После их выступлений участники митинга проголосовали за большевистскую резолюцию. Солдаты доверяли Советам и вопреки приказам офицеров оружия не сдали. Подстрекателей, требующих повесить Окулову и Лазо, не послушали...

18 (5) ноября 1917 года «Правда» сообщила: «...В Красноярске власть перешла к губернскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Организован революционный комитет... В городе спокойно, порядок сохраняется».

Вскоре Г. И. Окулова (Теодорович) покидает Красноярск. Делегат III съезда Советов, она едет в Петроград, а затем в Москву.

И снова встреча с Я. М. Свердловым, теперь уже Председателем ВЦИК. Глафира Ивановна — член ВЦИК и Президиума ВЦИК, ближайший помощник Якова Михайловича. Огромен круг государственных вопросов, в обсуждении которых она принимала непосредственное участие. Среди подписавших Конституцию РСФСР, принятую на съезде Советов,— и Г. И. Окулова.

ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА

Долгие и поначалу безуспешные просьбы Глафиры Ивановны послать ее на фронт наконец-то поддержал Яков Михайлович.

«Выдано это удостоверение члену Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета тов. Г. И. Теодорович в том, что она откомандировывается для работы на Восточном фронте с оставлением ее членом Президиума.

Председатель ВЦИК Я. СВЕРДЛОВ».

Это удостоверение она получила 29 ноября 1918 года, на следующий день выехала на фронт. Среди большевистских комиссаров появилась молодая красивая женщина в буденовке, столь же скромная, сколь и смелая, прирожденный агитатор *, чей проникновенный голос призывно звучал с трибун самых разных митингов. Начальник политотдела Восточного фронта, член Реввоенсовета 1-й и 8-й армий, она всегда появлялась на передовой, там, где ослабевал наступательный порыв красных.

...8-я армия. Под ее натиском Деникин начал отступать. И вдруг заминка — часть полка, укомплектованного по преимуществу крестьянами, отказалась занять новые позиции: «Свою землю мы отвоевали, больше воевать не будем». Ночь. В полк отправилась группа политработников во главе с Окуловой. Начали митинговать. Мятежники глухо, недобро гудели. Из задних рядов раздались враждебные выкрики. И тогда в гущу солдат протиснулась Глафира Ивановна. Ее страстная, убедительная речь закончилась при всеобщем одобрении. Рано утром полк занял новые позиции и нанес удар по деникинцам.

Член Реввоенсовета писала листовки, заметки в красноармейскую газету «Набат Революции». В Центральном государственном архиве Советской Армии хранится около трехсот ее информаций о положении на фронте в 1919 году. Одна из них подписана: «Костянина». Это дань материнскому горю: в Красноярске на попечении брата Володи остались ее дети — Костя и Нина, их имена и составили псевдоним. С братом зверски расправились белые, и дети оказались в Красноярске, захваченном белыми. Глафира Ивановна глубоко схоронила в своем сердце муки матери и сестры.

* * *

...Мы прощаемся с Ириной Исааковной, благодарим ее за помощь, советы. На столе — семейный фотоальбом и книга, с первой обложки которой на нас смотрит улыбающаяся Глафира Ивановна. Книга называется «В революционной семье. Документальная хроника». Она вышла в Красноярском книжном издательстве. В течение нескольких лет ее тщательно готовила наша собеседница. Она говорит:

— На странице дневника тети Глаши есть запись: «Жить до смерти. Давать радость людям». Она была верна этому девизу до последнего часа своей жизни.

* Она была одним из организаторов курсов агитаторов и инструкторов ВЦИК, превратившихся впоследствии в известный Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

Валерий АГРАНОВСКИЙ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

О почестях и наградах

ТЕМА ЭТА НЕВЕРОЯТНО ЩЕПЕТИЛЬНАЯ, ДО БОЛЕЗНЕННОСТИ. ДАЖЕ МЯГКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ К НЕЙ В ПЕЧАТИ, НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ВЫЗВАЛО МГНОВЕННЫЙ И ВЕСЬМА ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ОТКЛИК ШИРОКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ. И В САМОМ ДЕЛЕ: ЧЕМ ТОЛЬКО У НАС НЕ НАГРАЖДАЮТ! ОРДЕНАМИ, МЕДАЛЯМИ, ПОЧЕТНЫМИ ГРАМОТАМИ, ЗВАНИЯМИ, ЛАУРЕАТСТВОМ РАЗНОГО ДОСТОИНСТВА, ДИПЛОМАМИ, ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ, ЗНАМЕНАМИ... НЕТ СПОРА, ХОЗЯЙСТВО СОЛИДНОЕ, ЗА ПОРЯДКОМ В НЕМ УСЛЕДИТЬ НЕЛЕГКО, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ПОРЯДКА ЭТОГО В НЕМ ИЗНАЧАЛЬНО НЕ БЫЛО.

Попробуем разобраться для примера в почетных званиях. Отправимся сверху вниз: от «народного» к «заслуженному». Хаос и путаница. Судите сами. Сначала появились у нас в качестве народных артисты, причем первым получил это звание в 1918 году Ф. Шаляпин. Потом к артистам прибавились художники, архитекторы, врачи, учителя, в некоторых республиках — писатели, поэты и прозаики. К слову сказать, почему только в некоторых и почему обойденными оказались, если брать этот ряд, драматурги, переводчики, критики, очеркисты? Должен заметить, слово «почему» будет часто срываться с кончика моего пера, пока наш разговор касается ассортимента наград и лиц, подлежащих награждению. Понимаю: двусмысленно прозвучит «Народный критик Узбекской ССР», но это вовсе не означает, что боевой отряд литературных работников из-за странностей в звучании должен остаться за пределами общественного признания, как остались там почему-то ученые, журналисты, железнодорожники, строители, механизаторы. Чем они хуже архитекторов и врачей?

Практика пошла в некоторых случаях по пути заимствования почетных званий у родственных профессий: так, скульпторы стали получать «народных художников» (Л. Кербель, В. Мухина), дирижеры, композиторы, режиссеры и кинооператоры — «народных артистов» (А. Мелик-Пашаев, Н. Богословский, Э. Рязанов, Р. Кармен). Но если в принципе так можно, почему бы и поэтам, нередко выступающим со сцены перед огромными аудиториями, не присваивать по аналогии званий «народных артистов»? А разве (беру уже из другого ряда) Н. Злобин не «народный строитель»? Т. Мальцев не «народный полевод»? Ю. Черниченко и С. Соловейчик не «народные журналисты»? Я мог бы продолжить перечисление, но оставлю это пустое занятие, поскольку мы уже поняли главное: никакой логики, оправдывающей наличие звания «народный» для одних профессий и таинственное отсутствие его для других, нет.

Коснемся теперь мешанины из всевозможных «заслуженных»: это звание дают и мелиораторам, и работникам культуры, и зоотехникам, легче сказать, что имя им — легион. Кто против того, чтобы был легион, тем более что все это народ, как правило, честный и работящий, по заслугам награждаемый. Но почему в список не вошли шоферы, повара, токари, сталевары, штамповщики, химики, столяры... Дальше перечислять? Путаница идет как по вертикали, так и по горизонтали: нет единообразия и внутри «заслуженных», нет его и в цепочке «заслуженный — народный». Автономно живут в нашем наградном государстве спортсмены, а кому и за что давать «заслуженных деятелей», вообще неизвестно, они тоже особняком. Так, знаменитому архитектору И. Жолтовскому почему-то присвоили «заслуженного деятеля науки и искусства РСФСР», а вовсе не «народного художника», как многим его коллегам-архитекторам. Добавлю к сказанному, что «деятель» — звание республиканское, общесоюзного, как, к примеру, у изобретателей, странное дело, нет. При всем желании вы не обнаружите ни в одном из современных словарей разницы между понятиями «деятель» и «работник»: почему один киносценарист становится «деятелем искусств», а другой «работником культуры», понять нельзя. Практика, однако, подсказывает нам, что «деятель» по каким-то невидимым параметрам все же выше «работника»: первые, во всяком случае, хоть поддаются счету. И еще одно существенное различие: если деятель может быть оценен как ступенька к «народному», то у всех работников культуры нет ни начала, ни продолжения. Звание-одиночка.

Впрочем, сколько бы мы ни искали, никогда не найдем достаточных аргументов, чтобы восстать против обилия почетных званий и неразберихи с ними, но и другая сторона, сколько бы ни пыталась, тоже не придумает доводов в защиту хаоса. Мы, конечно, привыкли к бездумному: если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно, но все же позвольте спросить: кому?

Давайте теперь спокойно поговорим об орденах. Мы не жили в те времена, когда потомственные или жалованные бароны, графы и князья носили в петлицах «владимиров», когда «анны» болтались на их тонких шеях, а на могучих солдатских грудях красовались «георгии» четырех степеней. Однако, если судить по литературе, и в ту пору хватало злоупотреблений, и тогда люди отдавали богу душу из-за инсультов и инфарктов, которые, правда, назывались «ударами» и «разрывами сердца».

Семнадцатый год освободил наше общество от царских почестей и наград, а затем постепенно стал создавать свои. Первым был учрежден в 1924 году орден Красного Знамени, потом к нему прибавились Красная Звезда, орден Ленина и «Знак Почета», а потом уже и не сочтешь, сколько сегодня орденов.

Наибольшую лепту в общее количество внесла война, но эти награды я хочу сознательно исключить из нашего разговора: уж больно дорогой ценой они доставались воинам (помните: «А почестей мы не просили, не ждали наград за дела, нам общая слава России солдатской наградой была»?), и хотя в те тяжелые годы тоже хватало несправедливостей, не мне о них говорить. Послевоенное время тоже дало немалый урожай орденов: Октябрьской Революции, Дружбы народов, Трудовой Славы трех степеней (как будто Трудового Красного Знамени и медалей «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» нам было мало), я уж молчу о великом множестве других наград, в том числе «За спасение утопающих».

Нет, что ни говорите, а вышел у нас с орденами избыток. Если в семье шестеро детей, седьмой вроде как незаметен. Видишь иногда на груди иконостас и думаешь: чтобы оценить степень заслуженности человека, счет приходится вести уже на «пятерки» — пять орденов, десять, пятнадцать, двадцать, а в колодках разобраться и вовсе невозможно, считаем уже не по количеству планок, а в квадратных сантиметрах. Известно между тем, что недобор всегда был ближе к умеренности, чем перебор, который обычно труднее оправдывать.

Не то плохо, что у нас много орденов, а то, что из-за их обилия поплыли критерии для награждений. И хотя в каждом конкретном случае специальным постановлением регламентировано, кто, за что и чем может быть награжден, практика размыла не только различия между наградами, но и стерла поводы для их присуждений. Чем, к примеру, можно объяснить присвоение звания Героя Советского Союза крупным военачальникам через тридцать, а то и через сорок лет после окончания Великой Отечественной войны, но как бы за ратные подвиги, хотя кому непонятно: за выслугу лет дали эту награду, а то и просто за должность. Вручили Героя, положим, десяти крупным чинам, а обесценили высокое звание у нескольких тысяч, заслуживших его на поле боя, пролив кровь и рискуя жизнью.

Было время: идет по улице человек с орденом на груди да еще на красной подкладочке, за ним мальчишки стайкой, а у встречных дыхание перехватывает — орденоносец! По титрам старых фильмов и вы, читатель, можете сегодня увидеть: главные роли исполняют «орденоносец» Любовь Орлова и «орденоносец» Николай Черкасов. Нынче же, пока сосчитаешь, сколько орденов у заслуженного человека, пока сообразишь, какого они достоинства, и восторгаться уже некогда: телеоператор переводит камеру на другого. Единожды Герой Социалистического Труда, дважды Герой, а то и трижды, на родине этому замечательному человеку бронзовый бюст давно соорудили, а мы глядим на него, живого, и кто он такой да за что награжден — не знаем. И на душе у нас ни радости, ни восхищения. Кто же в этом виноват? Определенно знаю, что не мы, ни тем более сами герои, а те виноваты, которые не рассказали о награжденных как следует, и те, кто, меры не ощущая, все навешивали и навешивали на иные груди награды. Вот и получились сплошные будни вместо праздников.

Когда-то, кроме общественного признания и искреннего почтения, награжденные еще получали от Министерства финансов деньги за некоторые ордена. Небольшие, прямо скажем, суммы, ни машин на них не покупали, ни дач не строили, да разве в этом было дело? Внимание было дорого, дороже любых миллионов. А потом и эти рубли отменили, накладно, видать, все-таки получалось, перенаградили народ, вот Минфин и спохватился.

Господи, кого только и за что у нас не награждают! И корабли, и газеты, и научно-исследовательские институты, и заводы, и воинские подразделения, и населенные пункты, и оркестры, и целые области с республиками, и киностудии, ну и людей, конечно, авансом и с опозданием, прижизненно и посмертно: за подвиги, за надои молока, за открытия, за лыжные переходы, за поимку преступников, за выслугу лет, за полеты в космос, за спортивные достижения, за выполнение плана, за удачную операцию, просто за хорошую работу...

Если награждаем населенные пункты, то почему только города, начиная с райцентров и кончая столицами, а деревни и села не можем? Почему нет городов — Героев труда, а только города — Герои военные? Если вручаем ордена заводским коллективам, почему нельзя награждать отличившиеся экипажи самолетов, образцовые семьи или хоккейные команды, тем более что у иных мастеров клюшки по два-три ордена уже есть.

Поставим вопрос и так: что реально дает людям награждение их учреждения или города орденом? Моральное удовлетворение, что, конечно, немало, но, положа руку на сердце, откровенно скажем, что и немного. А в материальном смысле слова? Нет, мне не стыдно об этом спросить, тем более что мы знаем: роман писателя, ставшего лауреатом, немедленно переиздается массовым тиражом, причем по высшей ставке за каждый печатный лист. А что выигрывают жители города-орденоносца? Снабжение по более высокой категории? Увеличение санитарной нормы жилья? Больше денег по бюджету, расходуемых, положим, на озеленение? А, может, нужны именно такие льготы?

Принятая у нас процедура выдвижения кандидатов на ордена, если сказать о ней одним словом, странная. Это делают, как правило, городские, областные или республиканские руководители (территориальный принцип), руководители ведомств и организаций (принцип производственный). Поводы еще недавно преобладали «юбилейно-событийно-датные»: положим, шестидесятилетие Советской власти, отмечаемое всей страной, или конец пятилетки, причем выполненной или проваленной, значения не имеет, двухсотлетие Академии наук СССР, закладка «золотого рельса» на БАМе, пуск первой очереди металлургического комбината и т. д. Заблаговременно, как я себе представляю, наверх идет от областей или ведомств документ, в котором отражена просьба, выраженная цифрой «вала» и «ассортимента», просят, по-видимому, и по

Окончание на стр. 26.

ПАЛИТРА

Театрализованные представления, праздники, карнавалы, «комнаты смеха» с их кривыми зеркалами и парковая скульптура оказали сильное влияние на его живописные концепции...

ФАНТАЗИИ БАЛАБАНОВА

«Три часа ночи... Опять он пришел ко мне. Зажег свечи. Сидит напротив, говорит уверенно, положив ногу на ногу. Правая рука, когда не жестикулирует, упирается в бок. Такое впечатление, будто он позирует перед зеркалом. Он — это художественный редактор, который служит на телевидении в программе «Время». Наверное, этим обстоятельством объясняется то, что он чуть нервно поглядывает на свои электронные часы».

Он — это двойник художника, а приведенный выше текст — отрывок из дневника Валерия Балабанова.

— Иногда мне кажется,— продолжает тему Валерий,— что где-то

Фото Льва МЕЛИХОВА

В. Н. БАЛАБАНОВ. Род. 1939. ПОРТРЕТ СЕРГЕЯ АЛИМОВА. 1985.

ТЕАТР ЗВЕРЕЙ. 1984.
(ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА.)

очень глубоко, в левой части, сидит неспокойный человек — назовем его «п о э т о м». Ночной гость, отраженный в серебряном амальгамном пространстве,— мое второе «я». Однако к утру вместе с солнечными лучами «поэт» растворяется и, пододевшись в тройку с галстуком, превращается в Балабанова-«ч и н о в н и к а». «Поэт» в свои ночные часы-визиты внушает художнику:

— Нужно писать сокровенное, незапрограммированное, писать обнаженным нервом.

«Чиновник» же, затягивая утром потуже галстук, ворчит:

— Балабанов, у вас семья, которую кровь из носу нужно обеспечить всем необходимым.

Кстати, Валерий, будучи человеком въедливо-дотошным, долго искал лингвистические истоки своей фамилии. Оказывается, она происходит от корня «б а л о б а н», которым обозначен его зоологический двойник — сокол-балобан.

— В Красной книге об этом пернатом сказано, что это «редчайший, недостаточно изученный» у нас вид, который в неволе не размножается, яиц не откладывает. Но я,— смеется Валерий,— даже отработав двадцать лет на Центральном телевидении, все-таки умудряюсь писать в год по 3—4 картины, хотя, работая в программе «Время», хронически испытываю недостаток времени...

— А теперь, Валерий, объясни мне, пожалуйста, а заодно и многочисленным читателям «Огонька», почему на твоем холсте у народного художника РСФСР, членкора Академии художеств СССР Александра Павловича Васильева на голове вдруг вырос целый огород из деревянных предметов?

— Впервые, когда в 1983 году я выставил это полотно на Беговой, жюри тоже было шокировано такой интерпретацией образа Васильева. Собственно, идею мне подсказал сам художник. На его персональной выставке два или три зала были целиком посвящены теме балбеток. Оказывается, в Белоруссии картофель мнут специальными толкушками. А поскольку там картошку именуют бульбой — Александр Павлович назвал свое изо-изобретение балбетками. Будучи театральным художником с неординарным воображением, он стал их одухотворять, одевая в сарафаны, костюмы, платья, составляя своеобразные театрализованные композиции. Так у меня и возникла идея написать эти балбетки торчащими прямо из цилиндра маэстро.

— Получается, что твое формо-

Продолжение см. на вкладке 3.

АЛЬПЫ В ЭТИХ МЕСТАХ ЗИМОЙ СЧИТАЮТ НЕПРОХОДИМЫМИ. ИМЕННО ПОЭТОМУ И БЫЛ ВЫБРАН ТАКОЙ ПУТЬ. НИЖЕ, НА ЮГО-ЗАПАД, ПРОХОДИЛА ШОССЕЙНАЯ ДОРОГА, КОТОРУЮ ПАТРУЛИРОВАЛИ ГИТЛЕРОВЦЫ, ПОД ИХ НАБЛЮДЕНИЕМ БЫЛИ И НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ. И, ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ЗАПУТАТЬ СЛЕДЫ, БЕГЛЕЦАМ ТРЕБОВАЛОСЬ СКОРЕЕ ДОЙТИ ДО ПЕРЕВАЛА.

«...ПРИБЫЛ И БОРЕТСЯ ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО»

Екатерина **МОСИНА**

Их было двое. Более молодой и сильный встал на лыжи и несколько километров тащил на санках товарища. На перевале бросили и лыжи, и санки.

Из концентрационного лагеря, расположенного в итальянском местечке Стелла, бежали молодой итальянец, санитар лагеря Марио Романо и русский военнопленный Вадим Шверубович.

Когда началась война, Вадиму Шверубовичу, сыну Василия Ивановича Качалова и Нины Николаевны Литовцевой — актрисы и режиссера Московского Художественного театра, было сорок. По возрасту его не призывали. И тогда он записался добровольцем в ополчение. Понимал, предчувствовал многое из того, что недоступно молодым: война будет долгой и кровопролитной. В одном из писем того времени «предсказал», что менее четырех лет она не продлится и потребует от людей не только громадного мужества и страстного желания бороться, но и *умения*. И, надев солдатскую шинель, усердно постигал тонкости обращения с оружием, артиллерийские премудрости, все то, что должно было пригодиться в бою.

...Короткий отдых в городе Больцано у надежных людей, там сменили одежду и снова в путь. Но теперь каждый пошел своей дорогой.

В вагоне фуникулера Шверубович увидел двух эсэсовцев и итальянку, лицо которой показалось ему знакомым. Где он видел ее? Память подсказала: в концлагере. Неужели предательница? Но она едва заметно кивнула ему и отвернулась.

Такое воспринимается, как кадры детективного фильма. Однако за этим стоит отрезвляющая реальность—цена человеческой жизни. В те часы уже все полицейские посты провинции были извещены о побеге.

Несколько дней Шверубович скрывался в монастыре бернардинцев, пока там не стали рыскать ищейки жандармерии. Снова пришлось искать спасения на крутых альпийских тропах. Тогда-то в маленькой деревушке и произошла встреча с партизанами, точнее, с маленькой группой отважных антифашистов. С нее и началось формирование отряда.

В основном его бойцами были молодые парни из окрестных селений. Опыт Вадима Васильевича, солдата, фронтовика, сразу же пригодился.

Организационно бойцы итальянского Сопротивления объединялись в манипулы, бригады. Шверубович называл их про себя привычно русским словом «ватага».

От других партизанских групп, действовавших по соседству, отряд отличало, пожалуй, одно: он был интернациональным. В нем воевали итальянцы, поляки, немцы-антифашисты, американцы, сербы.

В отряде были и кадровые военные, однако в руководство единогласно избрали и Шверубовича, не имевшего даже офицерского звания. И на то были свои причины.

В буднях свойства человеческого характера, его суть могут быть долго не замеченными даже близкими. В условиях экстремальных они проявляются с поразительной быстротой и силой.

Двадцать довоенных лет были отданы сцене, делу, сугубо мирному. Когда же пробил час суровых испытаний, Вадим Васильевич оказался подготовленным к ним. Заговорила родная кровь: боевым русским офицером был брат его отца. Отвага, понятие воинской чести и доблести — все это привлекало в Шверубовиче соратников. Вместе с тем его влияние на окружающих вырастало многократно благодаря высочайшей духовной культуре, которая стояла за ним и которую он нес сам. В доме Качалова исповедовали строгие этические нормы Станиславского и горели огнем его творческого поиска. Здесь находила отзвук провидческая лира Блока. Здесь звучал голос Горького. Здесь понимали и ценили в людях все чеховское — интеллигентность, скромность, такт, юмор...

Было у Вадима Васильевича и еще одно уникальное качество, которое сыграло немаловажную роль в тех условиях. Вокруг него оказались люди, оторванные от родной земли, от звучания родного языка. А он свободно владел английским, французским, польским, мог объясняться на испанском, а в немецком и итальянском знал даже диалекты. Он стал бессменным переводчиком интербригады. И не только переводчиком. Ведь Шверубович объездил с театром полмира. И где бы ни привелось ему оказаться, везде заинтересованно изучал культуру, национальные традиции. Теперь это дало добрые всходы. Люди тянулись к нему, чтобы вспомнить свою родину, и проникались уважением к народу, сыном которого он был.

Но однажды знание языка чуть не стоило Шверубовичу жизни. Было это еще до Италии, когда в первые месяцы плена он оказался в концентрационном лагере Юхнов (лагерь этот назывался «пересыльным», но никого оттуда никуда не «пересылали». Тот, кто не был убит, через 10—15 дней погибал от голода и жажды). Фашисты заставили Шверубовича и четверых его товарищей вкатить на машину огромную бочку. Все были обессилены, изнурены голодом. Вадим Васильевич скрывал свое знание немецкого, но тут не выдержал, крикнул охраннику, чтобы прекратил издевательство. На глазах остальных тот пистолетом в кровь разбил ему лицо и, приставив дуло к виску, прошипел: «Если эти свиньи не вкатят бочку на машину, я тебя пристрелю!» Переводить его угрозу товарищам не пришлось. Они вкатили...

Но он знал, за *что* будет бороться, *что* защищать. И в окопах, и за колючей проволокой Вадим Васильевич вспоминал знакомое с детства здание театра, занавес с белокрылой чайкой.

Когда Василий Иванович Качалов провожал единственного сына на фронт, ему было шестьдесят пять лет, одолевали недуги. Свидятся ли они еще? В самые отчаянные минуты Вадима Васильевича не оставляла надежда вернуться к тем, кто его ждет. Спустя многие годы он напишет воспоминания о первых месяцах войны и плена и посвятит их жене, Елене Владимировне Дмитраш: «Дорогой моей Лелечке, спасшей меня своим умением ждать».

Шли жестокие бои. Вершился справедливый суд над гитлеровцами. Партизаны, уже способные на дерзкие и отважные вылазки, не прятались, а сами переходили в наступление, взрывали машины, уничтожали обозы, склады боеприпасов. И вот что было совершенно непонятно и удивительно: простые итальянские парни в суровых горах над Кортина д'Ампеццо ходили в атаку под русское «Ура!»...

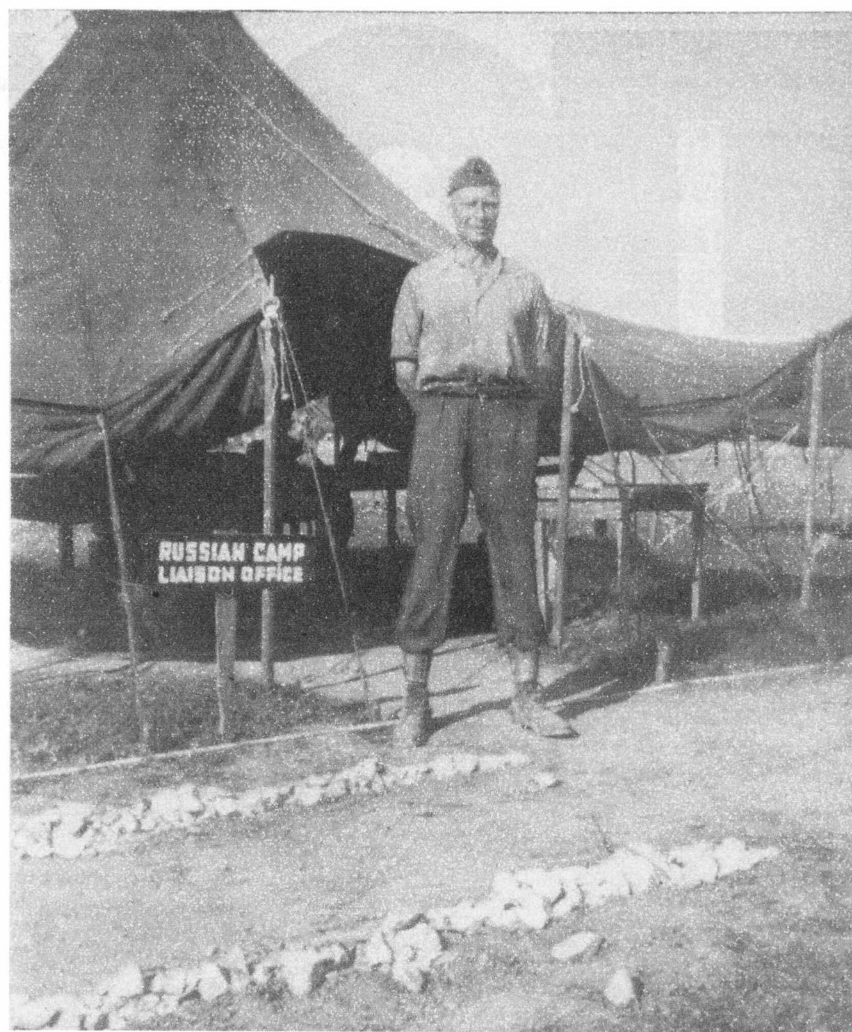
Много боевых товарищей Вадима Васильевича осталось на полях сражений. Не вернулся в родной Сиэтл близкий друг, американец Харри, погибший в последние дни войны. Неизвестной осталась послевоенная судьба его спасителя Марио и сражавшихся с ним уроженца Южной Африки Фила, отрядных запевал, поляков Янека и Владека. Но все они, и живые, и мертвые, остались в его памяти. Он рассказал о них в своей рукописи «Путь на Родину», которая хранится в его архиве.

Может быть, самые трогательные и благодарные строки посвятил Вадим Васильевич итальянской девушке Бруне Стольчис. Ей было семнадцать, но она наравне с другими участвовала в освободительной борьбе. Именно Бруна рекомендовала Шверубовича руководству движения Сопротивления, организовавшего его побег из концлагеря. Он не забыл ее. И она не забыла своего русского друга. В 1974 году Бруна отыскала среди гостившей в Италии делегации советских кинематографистов человека, знавшего Шверубовича, и передала с ним письмо и свою фотографию...

Долгие годы после войны Вадим Васильевич руководил постановочной частью Московского Художественного театра, а потом возглавил постановочный факультет мхатовской студии, заведовал кафедрой, у него сотни учеников, он автор интереснейших книг и по технике, и по истории театра.

Шверубович был человек удивительно скромный. Мы, его ученики, при жизни мало что знали о том героическом периоде его жизни. Блистательный рассказчик, он щедро делился с нами своими воспоминаниями о первых годах Художественного театра, о Станиславском, которого боготворил, о Качалове и Книппер, Алексее Толстом, Булгакове, о старой Москве. Но редко говорил об Италии. А если и упоминал, то вскользь, мимоходом. Стали об этом говорить и вспоминать позднее, уже после смерти Вадима Васильевича. И лишь теперь открылось для многих то, что стоит за скупыми строчками пожелтевшего листка бумаги, бережно хранящегося в семейном архиве:

«Комитет Национального освобождения уведомляет, что русский военнопленный Шверубович Вадим, который бежал из концентрационного лагеря Дессау, прибыл в Комитет и борется за общее дело».

В. В. Шверубович. Италия. 1945 год.

ПОМНИ!

По себе знаю, как трудно возвращаться памятью в годы войны: горьким комом подступает она к горлу, застит глаза непрошеными слезами...

Художники военного и послевоенного поколений создали немало картин о войне. Это полотна прекрасные и грозные, полные горя и гордости, величия подвига и соленого солдатского юмора... Но ни один художник нашего времени не рискнул сделать анализ страшной сущности войны, ее противочеловеческого нутра, превращающего живые, трепетные тела, молодые, жаждущие жизни, в бесформенные куски кровавого месива. Никто! Кроме Геннадия Доброва. Он единственный, кто отважился на этот горестный труд — тревожить человеческую память о самом безмерном злодеянии войны. Отважился пропустить сквозь себя, сквозь свою душу все страдания, выпавшие на долю уцелевшим инвалидам войны.

С тридцати пяти его графических листов каждым штрихом, каждой, даже самой мелкой, деталью кричат, взывают к людям Земли ее защитники, заплатившие войне страшную дань — молодостью, здоровьем, красотой, юной своей любовью, даже привязанностью близких, потому что далеко не каждому под силу постоянно видеть перед собой живые останки навеки изуродованных людей, прикованных к постели, обездвиженных, обездоленных... Такое не всем матерям посильно, кроме одной — Матери-Родины.

Еще в детстве, в Омске военных лет, куда ежедневно длиннющие санитарные поезда доставляли израненных защитников Родины, чудом вырванных из лап смерти, шестилетний Генка Добров часами ходил за каким-нибудь солдатом, громыхающим по булыжным мостовым на низенькой тележке. Мальчонка не понимал еще толком, куда эти дяденьки подевали свои ноги, но его сердце уже тогда переполнялось протестом, проникалось непоправимостью беды инвалидов, надрывалось от горя за них, искренне радовалось, когда перепадала искалеченным людям веселая минутка, наполнялось гордостью, когда мальчик видел, с каким достоинством носят они свои боевые награды, и поражалось бесконечному терпению, с каким принимали бывшие бойцы свою судьбу.

Сочувствие к обезображенным, сознание величия их подвига, восхищение их неозлобленностью, добротой, их внутренней силой вели Геннадия по жизни, пока не пришло к нему ощущение долга перед теми, кто отдал Родине все, что имел, и продолжал еще отдавать свой посильный труд...

Долгие годы тратил художник свои невеликие средства, силы, талант на поездки по интернатам, где жили, а иногда и работали искалеченные войной люди. Он отыскивал уцелевших инвалидов то в Карелии, то на Сахалине, то в родном Омске, то в Клину, то в Волгограде...

Первый графический лист-портрет вышел из-под руки художника в 1974 году. Работа подвигалась не быстро. В процессе создания серии Геннадий выслушивал множество противоречивых мнений. Порой таких, что руки опускались... Жизнь потребовала от Геннадия огромного мужества, чтобы не прекратить начатую работу. Выставки не брали работ Доброва. Чаще всего вежливо отказывали по причине «неэстетичности» его графической серии. И он терпел. Он помнил терпение самих инвалидов. Настойчиво, шаг за шагом он пробивался к зрителю.

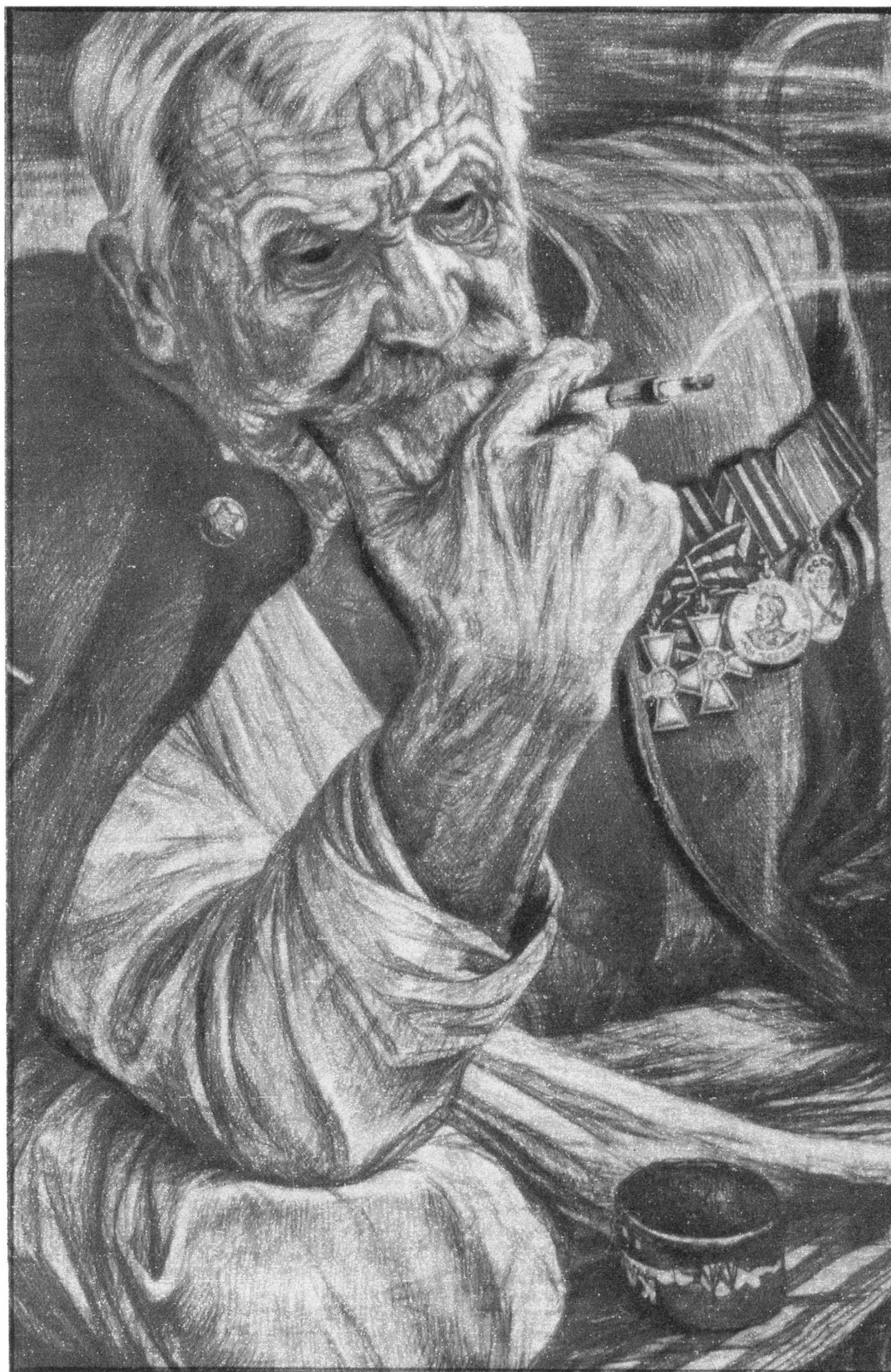
Лишь в ноябре 1986 года серия «Автографы войны» увидела свет. Правда, только «в щелочку». Доброву разрешили ее выставить в крохотном помещении на задворках выставочного зала на Кузнецком мосту в момент смены экспозиции в основных залах. Выставка длилась... два часа!

Но тем не менее она вызвала шквал отзывов: «Такие работы надо размножать и показывать везде и всюду!», «Работы художника Доброва непременно должна смотреть молодежь!», «Серия Доброва — острая память человечества о жестокостях войн!», «Спасибо за правду истории, правду искусства!», «Спасибо за мужество и смелость!»...

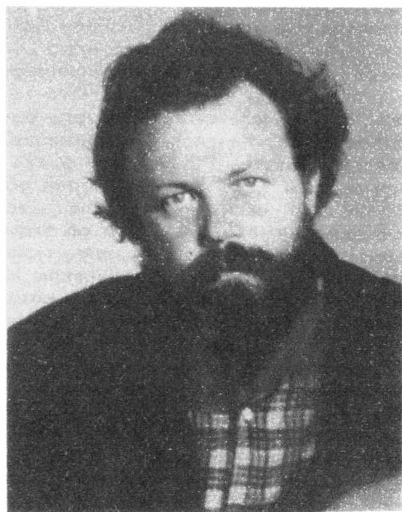
19 февраля 1987 года «Автографы войны» увидели журналисты АПН, а несколькими днями раньше в Пресс-центре МИД СССР — советские и зарубежные участники брифинга, посвященного борьбе за безъядерный мир, за выживание человечества.

Журналисты, писатели, ученые, общественные деятели — все, кто присутствовал на выставке, были потрясены. Гневный протест художника против всех и всяких войн, прошедших, настоящих и будущих, слился с их собственными чаяниями и справедливо был поставлен в один ряд с «Капричос» Гойи, «Герникой» Пикассо, «Слепыми» Брейгеля, «Апофеозом войны» Верещагина...

Тамара ВОЛЖИНА

Геннадий Добров.

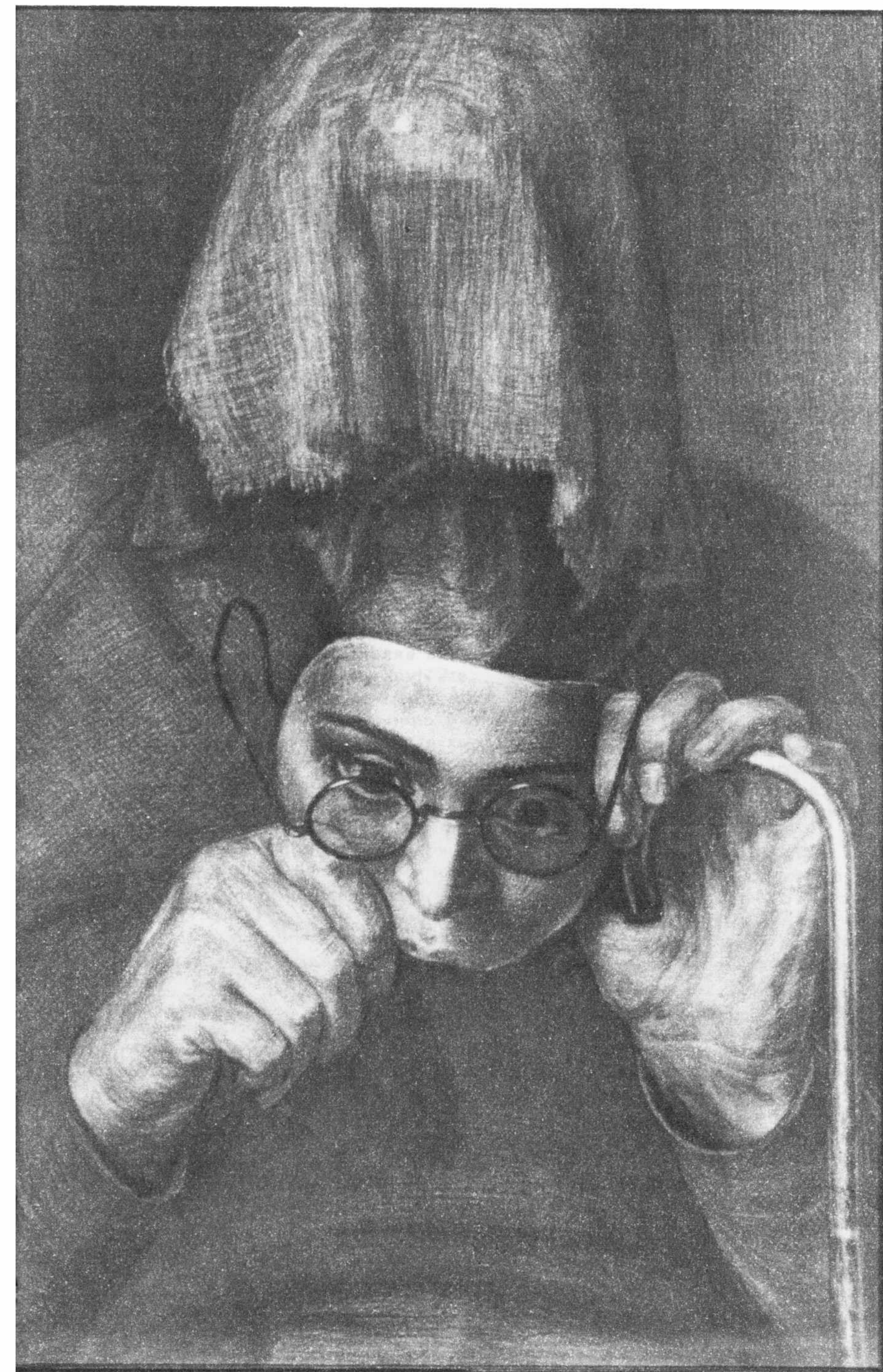
ЛИСТЫ СКОРБИ И МУЖЕСТВА

Известно, что искусство творит прекрасное, и мы зачастую воспринимаем эту творимую красоту как покой, как мечтательную передышку в сутолоке дней. Искусство становится очередным бытовым удобством, и мы даже обижаемся, когда кто-то пытается нарушить эту комфортную грезу. Даже величайшие драмы истории, Великую Отечественную войну в том числе, иные из предприимчивых деятелей культуры превратили в псевдоисторический вестерн, позволяющий приятно и необременительно убить время.

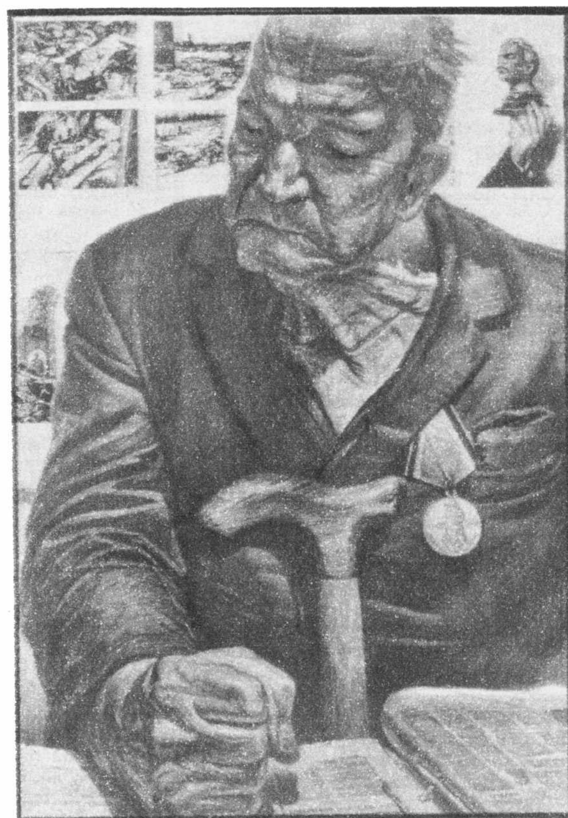
Видимо, эта инерция, откровенная боязнь искусства «дискомфортного»,

ВСЕ МЕНЬШЕ ОСТАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ ТЕХ, КТО В «СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ» ЗАЩИТИЛ НЫНЕ ЖИВУЩИХ ОТ ЧЕРНОЙ ЧУМЫ ФАШИЗМА.

УХОДЯТ БЫВШИЕ ФРОНТОВИКИ, УХОДИТ ПАМЯТЬ... СОХРАНИТЬ ЕЕ — ДЕЛО НЕ ЛЕГКОЕ ДАЖЕ ДЛЯ САМИХ УЧАСТНИКОВ БЫЛЫХ БОЕВ.

● СТАРЫЙ ВОИН. 1974.

● ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ С СОЖЖЕННЫМ ЛИЦОМ. 1976.

● «НОВОЙ ВОЙНЫ НЕ ХОЧУ». 1974.

● РЕКВИЕМ. 1975.

выводящего из созерцательного равновесия, и создает какую-то пагубную зону недоверия вокруг графики московского художника Геннадия Доброва, мешая ей выйти к зрителю.

Не просто и не сразу Добров стал художником. Работал и постовым в милиции, и санитаром в больнице имени Н. В. Склифосовского. Вновь и вновь ему приходилось сталкиваться с человеческими несчастьями в самом крайнем их выражении.

Во время учебы важнее всего для Доброва было общение с выдающимся графиком Е. А. Кибриком. Человек жизнелюбивого, мажорного темперамента, Кибрик откровенно не одобрял тематики ранних зарисовок Доброва, но сумел крепко поставить руку начинающего художника, привить ему любовь к сильной, энергичной, беспощадно правдивой линии. И именно Кибрик предугадал, как дарование Доброва могло бы проявиться лучше всего. Именно Кибрик, в очередной раз просматривая принесенные рисунки, вдруг произнес: «Знаешь что, поезжай-ка ты на Валаам, к инвалидам».

На Валааме, в интернате, разместившемся в постройках бывшего монастыря, началась серия «Инвалиды Великой Отечественной войны», работа над которой растянулась на несколько лет. Почти со всеми из героев портретов завязывалась переписка, увы, слишком часто обрывавшаяся. Третье и четвертое десятилетия после войны для многих и многих ветеранов становились предельным рубежом, который израненный организм уже не в силах был преодолеть.

Крайняя степень правдивости, прямодушной честности листов Доброва поначалу обескураживает, понуждает к упрекам в натурализме. Но эти упреки легко отвести. В каждом листе есть свой, властный, образный лейтмотив, обобщающий натурное впечатление. Портреты — документальные зарисовки зримо становятся портретами-символами.

Люди, обреченные на десятилетия неподвижности, чаще всего предстают тут погруженными в напряженное раздумье, самой активной человеческой способностью является одухотворенная память, перебирающая трагические вехи времени. Несколько эпох русской истории объединяет в уме «Старый воин», начавший свой боевой путь на русско-японской войне. Перелистывая подшивки газет военного времени, в ненависти сжимает кулак герой «Реквиема», за его спиной, словно запечатленные воспоминания,— фотоснимки жертв фашистских концлагерей. В листе «Новой войны не хочу» инвалид в молчаливой задумчивости поднимает руку в энергичном жесте, словно отго-

няя инстинктивно невыносимую мысль о возможности новой войны.

Память повсюду здесь, и Доброву удается убедить в этом и зрителя, не бередит старые раны, она, даже трагически-тяжелая, придает силы, сквозь невзгоды убеждая, что жертвы не напрасны, что судьба, озаренная подвигом, состоялась.

Несмотря на страшные увечья, герои рисунков Геннадия Доброва не кажутся ущербными. Чувство гордости за честно прожитую жизнь, высокий строй мысли, сердечное радушие к гостю-художнику — эти настроения преобладают в лицах ветеранов. Увлеченно рассказывает о том, за что именно были получены награды, израненный, слепой воин, на ощупь перебирая медали («Рассказ о медалях»). Традиции боевого товарищества, поддерживаемого ценой нелегких усилий, животворят калеку в листе «Письмо другу-однополчанину».

Но трагедия остается трагедией, сколько бы ни увеличивался счет лет, прошедших после войны. Особенно горестны те листы, где жертвами военного лихолетья представлены женщины. «Женщина с сожженным лицом» держит в руке маску, сделанную по довоенному снимку, запечатлевшему ее молодой и красивой. Лист воспринимается почти как аллегория ужасов войны, потрясающая своей сумрачной патетикой, но художник, однако же, ничего не прибавил к тому, что он увидел в реальной действительности. Потрясения военных лет лишили рассудка «Тихую», сжимающую в руках тряпичную куклу, которую она принимает за младенца. В листе «Опаленные войной» женщина-инвалид гордо возвышается на фоне руин Сталинграда. Несмотря ни на что, она выстояла, как выстоял изуродованный огненным смерчем войны город на Волге.

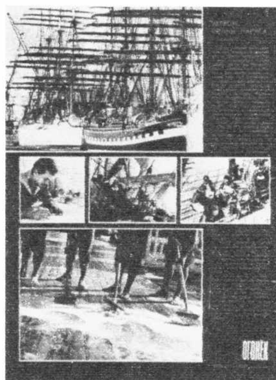
Сколь бы мрачными ни казались порой работы Доброва, они в то же время удивительно человечны, согреты проникновенным состраданием. Они по-своему публицистичны, и не только по отношению к бедам минувшей войны, но и к сегодняшним заботам и невзгодам инвалидов.

Документальная достоверность этой графики образно дополняет те факты, которые с болью узнаешь из сегодняшних газет, когда читаешь об убогом состоянии нашего протезного дела и прочих служб, призванных помочь адаптации инвалидов к окружающей среде. Слишком часто увечным людям помогает не промышленность, а их собственная самодеятельность, различные примитивные поделки. В 1981 году, в «Год инвалида» по календарю ООН, парижский Центр искусств имени Ж. Помпиду устроил выставку того, что современная техническая мысль предлагает людям, стремящимся вопреки увечьям активно включиться в жизнь. Это был смотр высокого гуманистического искусства, действительно искусства, а не просто технического дизайна, тем более что продемонстрировано все это было именно в художественном музее. Увы, нам вряд ли нашлось бы, что в этой экспозиции показать.

Этическое неразрывно слито в произведениях Геннадия Доброва с эстетическим, духовное благородство — с уверенным, крепким реалистическим мастерством, иной раз достигающим подлинной монументальности, напоминающей о графической манере Корина или Пророкова. И еще одно чувство навевают эти листы: чувство сердечной признательности самому художнику, который приложил все силы и умение к тому, чтобы мы никогда не забывали о том, что забывать нельзя.

Михаил СОКОЛОВ,
кандидат искусствоведения

ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА

Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Газетная заметка в несколько строк, сообщавшая о прибытии в Ленинград парусного судна «Крузенштерн», казалось, вряд ли могла обратить на себя внимание. Набранная петитом и со всех сторон зажатая «крупноблочными» материалами, она выглядела утлой лодчонкой среди айсбергов воскресного номера. Над Невой в тот день плавали серые облака, дул норд-ост, и трудно было предположить, что к столь незначительному событию в жизни огромного города будет проявлен хоть какой-то мало-мальский интерес. Но каково же было мое удивление, когда, подъезжая к порту, я увидел длинную очередь жаждущих осмотреть знаменитый четырехмачтовый барк. И уж полной неожиданностью было то, что половину посетителей составляли... представительницы прекрасного пола.

Капитан «Крузенштерна» Геннадий Васильевич Коломенский, плавающий на паруснике без малого двадцать лет, поначалу хоть и делал вид, что визитеры для него форменная обуза, все же с нескрываемым удовольствием отдал своему второму помощнику Сергею Самарину команду увеличить на судне число экскурсоводов. Сергей мигом выполнил распоряжение капитана, и тотчас по трапу застучали каблучки, а к запаху просмоленного всеми ветрами моря корабельного имущества тут же подмешался тонкий аромат духов. А что стало с юными «морскими волками»? Еще час назад легко и бесстрашно взлетавшие на реи, они вдруг сделались робкими и неуклюжими. Широко расставив ноги и придав лицу выражение бывалости, ребята, заикаясь, рассказывали миловидным экскурсанткам, где находятся секстан и леер, чем отличается бригантина от шхуны и каков в длину один кабельтов...

Сергей Самарин три года назад окончил ленинградскую мореходку. Обошел на барке полсвета. Побывал в Перу, Испании, Франции, Анголе, Швеции, Дании... Знает «в лицо» десяток тайфунов, но ни разу не дрогнул, когда парусник, словно скорлупку, чуть ли не до самых звезд подбрасывал Индийский океан, а «ревущие сороковые» клали его на борт. Сергей—мужчина смелый, выдержанный, неунывающий. Он умеет отстоять свое мнение, никогда не даст в обиду товарища, женщину тем более.

Г. Коломенский по селектору отдает кому-то распоряжение и возвращается к разговору:

— Наш барк, как известно, является учебным судном. На нем ежегодно стажируются сотни курсантов мореходных училищ Министерства рыбного хозяйства СССР. В минувшем году, например, практику на судне проходили сто тридцать будущих выпускников Таллинского, Лиепайского и Каспийского училищ. Среди них, кстати, были и девушки. Одним словом, кто знает, может быть, и среди нынешних наших посетительниц кто-то окажется в числе будущих курсанток мореходки? Лично я этому буду только рад.

Г. Коломенский, как и каждый член экипажа «Крузенштерна», считает свою профессию лучшей в мире. Родившись в Кронштадте, он не мог не «заболеть морем». А когда впервые увидел барк, бросил все и пошел на судно матросом. Свою любовь и преданность морю Геннадий Васильевич пронес через всю жизнь.

«Крузенштерн»—своеобразная школа для ребят, а Г. Коломенский ее директор, здесь соблюдается строжайшая дисциплина. Она-то и помогает выковывать в ребячьих душах морской характер, где принцип «один за всех, и все за одного» никогда не был лозунгом для украшения стен.

Прошедший год в жизни четырехмачтового барка стал особенным. Построенный шестьдесят лет назад в Германии, он уже сорок лет плавает под флагом Страны Советов и двадцать как учебное судно Минрыбхоза СССР. Названный в честь легендарного адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна, командовавшего первой русской кругосветной экспедицией, парусник стал хорошей школой для будущих мореходов. Более шести тысяч курсантов осваивали на нем уроки практического мореплавания.

Когда о паруснике хотят сказать особенно тепло, говорят коротко: моряк он что надо. «Крузенштерн» доказал это, участвуя прошлым летом в гонке «Парус-86», организованной Международной ассоциацией учебных парусных судов.

В борьбу за приз «Катти Сарк» вступило тогда около семидесяти судов. «Крузенштерн» соревновался по классу «А», который объединял самые большие парусники мира.

— В первой гонке,— рассказал Сергей Самарин,— которая проходила от английского порта Ньюкасл до Бременхафена в ФРГ, нам не повезло. Когда за кормой осталось более трехсот миль, ветер стих, и мы вынуждены были лечь в дрейф. Верно, та же участь постигла и наших соперников, но, когда ты идешь первым и до финиша остается, что называется, рукой подать, неудача воспринимается особенно горько.

Несколько часов простояли мы тогда, как поплавок без клева. Однако никто из нас ни на секунду не сомкнул глаз. Мы ждали любого дуновения ветерка. И... не зря говорят, кто хочет, тот дождется. Под утро задул ветер, который был нам нужен, и мы первыми «оседлали» его. «Крузенштерн» финишировал с большим отрывом и был награжден таким вниманием болельщиков, что днем, выглянув на палубу, мы не узнали свое судно. Оно было так любовно и со вкусом расцвечено всевозможными флажками и гирляндами, что его тут же принялись снимать для телевидения.

Окончание на 4-й обл.

Леонид ЗОРИН,
Владимир НАУМОВ,
Александр АЛОВ

ФРАГМЕНТ ИЗ КИНОРОМАНА

Рисунок Петра ПИНКИСЕВИЧА

Дождя не было, но серое, тяжелое небо висело над самыми верхушками деревьев. Андрей и Татьяна шли по узкой асфальтированной дорожке районного парка культуры и отдыха. За плоскими деревянными строениями с надписями «Комната смеха», «Бильярдная» торчало в небо огромное «чертово колесо».

Они проходили мимо маленького навеса, где был расположен тир. Там никого не было. Только худой старик с лысой головой и мускулистой шеей тщательно целился в бегущего фанерного человечка. Раздался слабый щелчок, и старик удовлетворенно хихикнул. Фанерный человечек ткнулся носом вперед и перевернулся вверх ногами.

— Еще,— сказал старик и бросил на стойку рубль.

Женщина за перегородкой перестала вязать, положила на стойку десять пуль и поправила человечка. Старик одернул плащ на прямой, как доска, спине и вскинул винтовку. На скулах его от напряжения играли желваки — он целился человечку в голову.

Татьяна и Андрей пересекли асфальтированную площадку. Они прошли мимо скульптур полуобнаженных мужчин и женщин с веслами, дисками и мячами.

Скульптуры были большие, белые, с могучими бицепсами, но головы их были загажены птицами.

Внезапно редкие тяжелые капли дождя ударили по пыльным листьям. Татьяна остановилась и растерянно глянула по сторонам, ища укрытия. Через секунду дождь хлынул, как из ведра, и они побежали по дымящемуся асфальту назад, к строениям.

Они хотели шмыгнуть в дверь, вырезанную в фанерной стене продолговатого дома, но из окошка с надписью «Касса» высунулась рука и схватила Лунина за локоть.

— А билеты?

Лунин поспешно сунул в руку деньги и, подталкивая Татьяну, проскочил в дверь.

Посреди большого, плохо освещенного помещения стояли люди и хохотали. Они надрывались, хватаясь за животы, принимали странные, неестественные позы, корчили рожи, скалили зубы. Они походили на сумасшедших. Тут были старухи, дети и полные сил молодые люди. Все они хохотали, тыкая пальцами в разные стороны. А вокруг них прыгали и гримасничали уроды, показывая пальцами на людей.

Только теперь Андрей увидел, что стены помещения увешаны кривыми зеркалами разной величины и формы.

— Это комната смеха,—сказал Андрей и засмеялся.

Татьяна тоже улыбнулась.

— Вы полагаете,— она взяла Андрея за руку,— они счастливы?

— Каждый, кто вступает в этот круг, счастлив. Это так просто,—ска-

зал Андрей и снова улыбнулся.— Стоит только шагнуть.

— Да,— сказала Татьяна,— шагнуть.

Вокруг хохотали люди. Какая-то сморщенная старушка с авоськой, в которой болтался арбуз, приплясывала перед зеркалом, заливаясь скрипучим смехом.

— Это же моя голова,— сказал кто-то с изумлением.— Что хотите, а это моя голова!

Со всех сторон раздавались восклицания, нечленораздельные звуки и смех.

Не смеялся только маленький мальчик. Он стоял, широко раскрыв глаза, и дергал за штанину огромного, пошатывающегося от хохота мужчину в белых парусиновых ботинках, начищенных зубным порошком.

— Папа,— спрашивал мальчик, с испугом показывая на зеркало, где копошилось какое-то шарообразное существо.— Кто это?

— Это мама,— хохотал мужчина.

— Я боюсь,— говорил мальчик.

— А ты смейся,— мужчину пошатывало от хохота,— тогда тебе не будет страшно. Смейся.

— Посмотрите,— сказал Андрей. Он показывал Татьяне на высокого, крепкого мужчину, стоявшего в центре помещения. Мужчина отражался сразу в нескольких зеркалах.

— Теперь посмотрите сюда,— сказал Андрей весело, кивнув на зеркало.— Он похож на глобус.

— Нет,— сказала Татьяна и тоже засмеялась.— Он похож на песочные часы.— И она показала на другое зеркало.

— Верно.— Андрей был рад, что она развеселилась.— А здесь он похож на снаряд.

— Все зависит от того, в какое зеркало посмотришь,— сказала Татьяна и снова взглянула на человека.

Он все так же стоял в центре помещения, а вокруг него стояло бесчисленное множество его отражений. Они были разные, непохожие— смешные, страшные, гордые, жалкие, они опровергали друг друга, и все же в каждом был он, этот человек.

— Важно не перепутать,— сказала Татьяна.

— Что? — спросил Андрей. Он перестал смеяться.— Что не перепутать?

Татьяна закрыла глаза. И сразу пропали смеющиеся люди и кривые зеркала.

Она увидела себя девочкой. Она стояла в ряду других, таких же, как она, совсем маленьких девочек в белых фартуках и белых носочках. Они стояли в сводчатом зале с узкими венецианскими окнами. Сбоку толпились родители. В глазах светилось счастье — они гордились своими детьми. Какой-то человек в синем костюме, в широких брюках прошелся вдоль ряда и внимательно оглядел всех.

— Прекрасно, прекрасно...— говорил он. Кое-кого он потрепал по голове. Потом, обращаясь к другому человеку, следовавшему за ним с почтительной готовностью, негромко произнес: — Третью справа, с веснушками, заменить.

Почтительный человек взял за руку «третью справа» и, ласково улыбаясь, вывел из строя. Это была соседка Татьяны.

Татьяна видела, как смертельно побледнела пожилая женщина в толпе родителей, как зарыдала девочка, которую выводили.

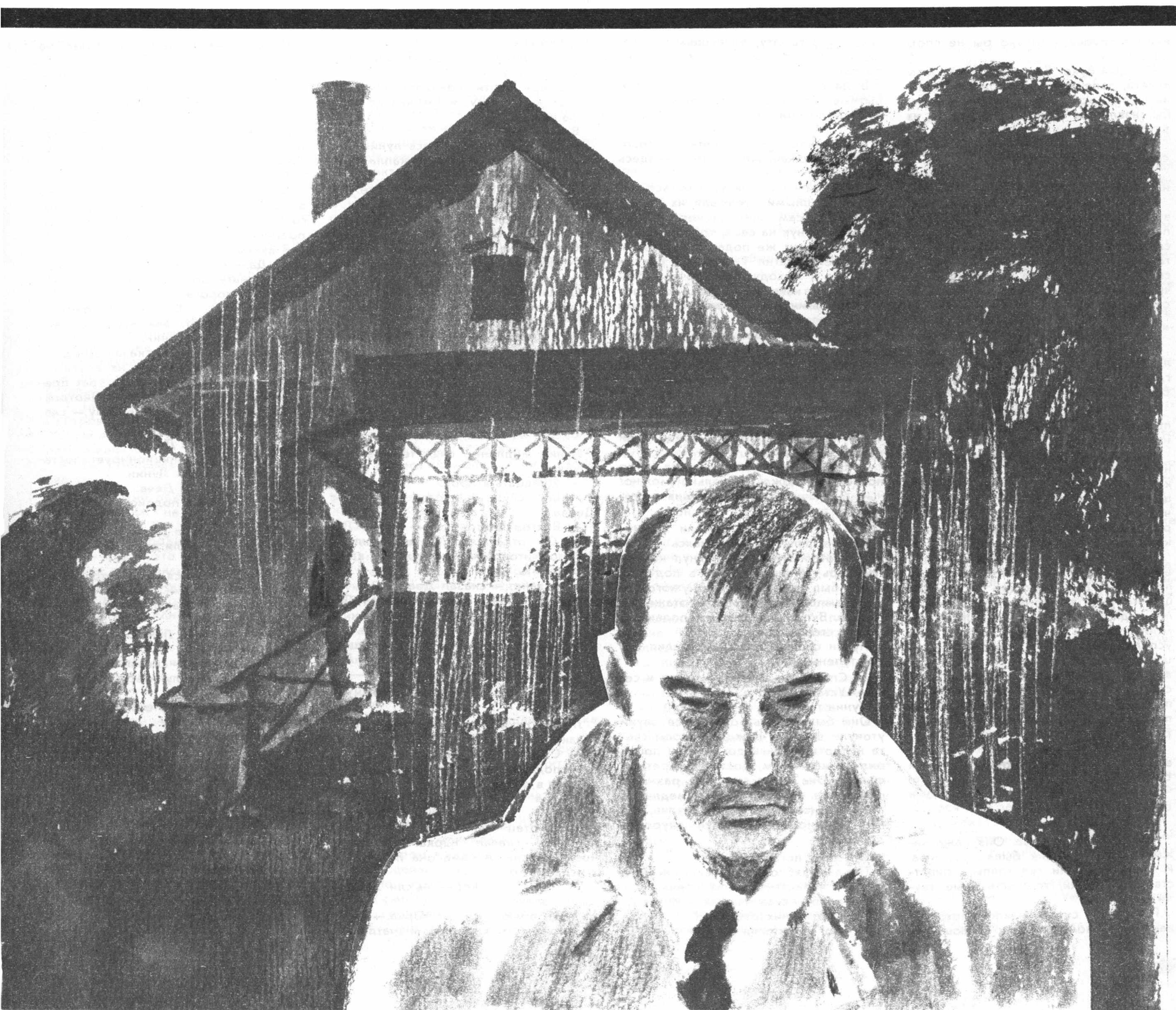
ЗАКОН

Перед вами фрагмент кинoромана, который полностью публикуется в июньском и июльском номерах журнала «Искусство кино».

«Закон» — это роман о времени, которое попрало закон, и о времени, его возродившем. Люди, чьи жизни были изломаны, возвращались, стремились восстановить все, что осталось и уцелело после постигших их катастроф, и с удивлением обнаруживали, что выжило, выстояло самое главное — непобежденная душа.

И у самого романа «Закон» судьба достаточно драматическая. Мы закончили его в 1964-м. Мои соавторы-режиссеры готовились дать ему экранную жизнь. Этим надеждам не суждено было сбыться. Теперь, 23 года спустя, «Закон» возрождается. Алова нет. Наумов — уже один — готовится к съемкам.

Леонид ЗОРИН.

— Пожалуйста, пожалуйста... оставьте меня...— говорила она, захлебываясь слезами, с отчаянием смотря на мужчину в широких брюках.

— Дайте ей пирожное,— сказал он.

На ее место поставили другую девочку из запасных. Она действительно была очень красивая, стройная, с огромными глазами. Казалось, она никак не может поверить в свое счастье.

...Потом они стояли за мавзолеем. За их спинами были могилы, а перед ними спины тех, кто стоял на трибунах.

К девочкам быстро подошел военный с потным лицом и еще несколько мужчин.

— Какая? — спросил он.

— Эта.— Человек в синем костюме кивнул на Татьяну.

— Ты все помнишь? — спросил военный ласково, и Татьяна увидела, что его большие руки дрожат.

— Да,— сказала она.

— Прекрасно, прекрасно...— сказал человек в синем костюме, облизав губы.

Военный вытер с лица пот и взглянул на часы. И вдруг Татьяна увидела, что эти взрослые, большие мужчины волнуются еще больше, чем она, и ей стало страшно.

«А что если споткнусь? — мелькнуло в голове.— Только бы не споткнуться...»

Каждый букет был в целлофановом пакете, запечатанном пломбой. Военный стал осторожно срывать пломбы, извлекать букеты и легонько их встряхивать.

Татьяне вручили самый большой и самый красивый букет.

— Ну,— сказал военный, взглянул на часы и глубоко вздохнул,— пошли.

И он легонько подтолкнул Таню вперед. И она побежала. Она бежала по узкой мраморной щели вверх и слышала, как сзади нее топают остальные девочки. Она чувствовала сильный запах цветов, видела, как сокращаются перед ней мраморные ступени, и думала:

«Только бы не споткнуться».

Внезапно она оказалась наверху.

Она увидела небольшую шеренгу людей в темных пальто и шляпах и где-то там, в середине, знакомую серую шинель.

Таня бежала, ничего не замечая, пока наконец не остановилась перед ним и протянула Ему цветы.

Он нагнулся к ней и, кряхтя, поднял ее на барьер. Она обхватила руками его шею и стала изо всех сил целовать. Она видела его ухо с торчащими пучками жестких волос, воротник, врезавшийся в красную шею, край маленького карего глаза.

Потом она почувствовала, что лба ее коснулись усы, и поняла — он целовал ее. В следующее мгновение цепкие руки повернули ее лицом к площади, и перед ней заколыхалось море голов и флагов. Она так и не успела увидеть его лица, только — шею, ухо и один глаз. Но она чувствовала, что он дышит ей в спину, и сердце ее прыгало от радости. Внизу перед ней проплывали бесконечные потоки людей, и все глаза были устремлены на нее.

Она одна, единственная, обнимала его, и никто, никто другой на всем свете не смел это сделать.

Он слегка ущипнул ее за шею и сказал ей в затылок:

— Дэвочка.

Таня была счастлива. Она даже зажмурилась, так она была счастлива. И сразу пропали гул толпы, приветственные крики, торжественные звуки оркестров.

Перед ней снова низкое, плохо освещенное помещение и смеющиеся люди. Они разглядывали свои искаженные изображения и хохотали.

— О чем вы думаете? — спросил Андрей.

— Ни о чем,— сказала Татьяна.

— А все-таки? — спросил Андрей.

Татьяна не ответила. Она смотрела на человека, стоящего посреди помещения, и на его десятки отражений.

— О его отражениях,— сказала она наконец.

— О глобусе? — спросил Лунин и засмеялся.

— Нет,— Татьяна тоже улыбнулась,— о песочных часах.

По крыше барабанил дождь, где-то за фанерной стенкой раздавались удары бильярдных шаров и голоса. Неожиданно в толпе хохочущих произошло какое-то замешательство. Люди сбились в кучу. Кое-кто перестал даже хохотать.

— Доктора! — закричал человек в парусиновых ботинках.— У входа автомат. Звоните 03.

Андрей увидел старуху. Она лежала плашмя на дощатом полу, не выпуская из рук авоську с арбузом.

— Господи,— сказал кто-то,— у нее удар.

— Это от смеха.

— Нет, это от погоды. Резкая смена.

Человек в парусиновых туфлях кинулся к автомату, висевшему у входа. Он суетился и спрашивал у всех пятнадцать копеек.

В дверь стали набиваться любопытные. Кассирша оживленно торговала билетами. Появился милиционер.

— Перестаньте смеяться,— говорил он сдержанным шепотом,— здесь больная.

Но люди не могли удержаться, такими смешными отражали их зеркала. Даже сам милиционер, краем глаза взглянув на себя, торопливо хихикнул, но тут же подавился смехом.

Андрей схватил Татьяну за руку и потащил к выходу. Навстречу протискивались какие-то люди, царапая бильярдными киями низкий фанерный потолок.

Татьяна и Андрей выбрались под дождь. Из боковой аллеи выскочила санитарная машина. Она круто развернулась и остановилась около комнаты смеха.

Под навесом тира старик ругался с женщиной.

— Не имеешь права,— говорил он сухо и сдержанно.

— Все! — кричала женщина.— Тир протекает. Дождь. Сколько можно?

— Я плачу деньги,— настаивал старик.

Татьяна и Андрей бежали по мокрому асфальту, прижимаясь к домам. Потом Лунин распахнул какую-то дверь, и они вбежали в подъезд.

Это был чужой подъезд чужого дома. Лампочка на первом этаже не горела. В проеме двери неподвижно стояла стена дождя.

Лунин сложил плащ, расстелил его на ступеньках.

— Спасибо,— сказала Татьяна и села.— Устала сегодня.

Лунин тоже сел.

Они были здесь одни. Все звуки утонули в шуме дождя. Полосы света не дотягивались до них. Он пошарил по карманам, достал сигареты и спички. Она взяла сигарету, размяла, прикурила. Клубы дыма медленно поднимались к потолку. Докурив, Лунин щелчком вышвырнул окурок в дождь.

Он сразу погас в воде.

Татьяна зябко поежилась. Он снял пиджак и накинул ей на плечи.

— Тепло,— сказала она.— Интересно, а лифт у них работает?

— Что? — спросил он.

— Хорошо бы прокатиться.— Она встала.

В лифте было зеркало, и Татьяна поправила волосы.

— Поехали?—спросил Лунин — ему вдруг стало весело.

— Нажмите на пятый,— попросила она.

Лифт пополз вверх. Татьяна считала этажи:

— Второй, третий, четвертый, пятый.

Раздался щелчок, и лифт остановился. Лунин хотел открыть дверь, но она сказала:

— Не надо,— и нажала кнопку.

Кабина стала спускаться.

На первом этаже, когда лифт остановился, она попросила:

— Давайте еще раз.

Лунин посмотрел на нее. Все это было похоже на озорство, но лицо Татьяны было озабоченным.

На пятом этаже она вышла на площадку — четыре двери, почтовые ящики, трехколесный велосипед.

— До войны мы тоже жили на пятом,— сказала она.

Лица ее Лунин не видел. Она стояла к нему спиной в огромном мужском пиджаке против одной из дверей. Казалось, она ждала, что дверь отворится. Оба молчали.

— Спустимся вниз,— сказала наконец Татьяна.

Когда лифт спускался, она смотрела в зеркало.

...Дождь почти кончился. Они подошли к ее дому, и Татьяна посмотрела вверх.

В окне горел свет.

Она стояла, накрывшись лунинским плащом. По нему стучали капли.

— А вы? — спросила она.

Они накрылись плащом вместе. Теперь Татьяна была совсем рядом, и Лунин слышал ее дыхание, и волосы ее щекотали ему шею.

Свет в окне погас.

— Сейчас они выйдут,— сказала она.

Прошло всего несколько секунд, и из подъезда появилась пара. Они шли под зонтом.

— Хорошо, что они догадались взять зонт,— сказала Татьяна.

— Хорошо,— глухо повторил Лунин.

По плащу стучали капли.

— Хорошо, что вы зашли,— сказала Татьяна.

Лунин медленно снял телефонную трубку.

— Двадцать второй.

— Вас слушают,— раздался голос Деева.

— Виктор Антонович,— сказал Лунин. Он откашлялся и повторил: — Виктор Антонович, мне нужно с вами поговорить.

— Я занят,— сказал Деев.

— Это очень важно,— сказал Лунин.— Я видел Пиотровского.

Деев долго не отвечал.

— Хорошо,— сказал он наконец.

— Я к вам зайду,— предложил Лунин.

— Нет,— сказал Деев,— я спущусь к вам.

Лунин откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

— Старик,— в комнату вошел Юрка,— подари мне этот вечер. Я приглашен в солидный дом.

— А я здесь при чем? — спросил Лунин.

— Ее отец — членкор. Понимаешь, членкор,— сказал Юрка.— Ее мать носит пенсне. А сама она переводит с испанского.

— Ну и что же? — Мысли Лунина были далеко.

— Я робею,— сказал Юрка.— Я хочу произвести хорошее впечатление. Я не могу, чтоб на мне концентрировалось внимание.

— Я занят,— сказал Лунин.

— Ты не понял,— сказал Юрка.— Я хочу жениться. Пора, мой друг, пора. Я хочу войти в эту семью. В тебе есть добропорядочное занудство. То самое, которое вызывает доверие. За твоей спиной я проскочу.

— Я не могу,— сказал Лунин.— Я действительно не могу.

— Что с тобой происходит? — спросил Юрка.

— Не знаю,— сказал Лунин.

— Ты мне не нравишься,— сказал Юрка.— Ты мне давно не нравишься. Ты думаешь больше, чем положено человеку.

— Ты знаешь, сколько ему положено? — спросил Лунин.

— Столько, сколько он может вынести,— сказал Юрка.— Мысли — это самый тяжелый багаж. Он весит тонны. Это уж точно. Человечество потому и ставит памятники разным деятелям, что они берут этот груз на себя.

— А нам что-нибудь остается? — спросил Лунин.

— Концентраты,— сказал Юрка.— Отличные концентраты. И это естественно. Мысль тормозит действие. Если бы все думали, жизнь бы остановилась.

Лунин внимательно посмотрел на него.

— Что ты уставился на меня? — спросил Юрка.

— Нет, ничего,— сказал Лунин.

— Ты мне очень не нравишься,— сказал Юрка.— Кажется, я верну тебе твое фото. Прощай, я зайду за тобой.— И вышел.

Лунин распахнул папку.

Перед ним лежало постановление о взятии гражданина Пиотровского В. М. под стражу. Прокурорская подпись была неразборчива.

В дверь постучали.

— Да,— сказал Лунин.

В комнату вошел Деев. Он остановился у порога.

— Садитесь, Виктор Антонович. Мне нужно задать вам несколько вопросов,— сказал Лунин.

— Я этого ждал,— сказал Деев.

Они посмотрели друг на друга.

— Это постановление о мерах пресечения по отношению к Пиотровскому Владимиру Матвеевичу,— сказал Лунин.

— Так,— сказал Деев.

— Прокурор санкционирует постановление,— сказал Лунин.

— Так,— сказал Деев.

— Это ваша подпись? — спросил Лунин.

— Моя,— сказал Деев.

Они молча сидели друг против друга.

— Вам придется все это написать,— сказал Лунин.

— Хорошо,— сказал Деев,— я вам больше не нужен?

— Нет,— сказал Лунин.

Деев встал.

— Послушайте,— сказал Лунин,— как это могло случиться? Пиотровский — ваш друг.

— Я прошу вас об одной услуге,— сказал Деев.

— Слушаю,— отозвался Лунин. Он старался не смотреть на него.

— Дайте мне адрес Пиотровского.

Лунин помедлил. Потом он взял листок и написал адрес. Легонько помахал им, чтоб скорей просохли чернила, и передал Дееву.

— Ивантеев Сергей Васильевич,— медленно прочел Деев. Он поднял глаза и повторил: — Ивантеев Сергей Васильевич.— И взглянув на Лунина, он тихо сказал: — Спасибо.

Карс завозился и поднял голову, уши его зашевелились.

— Чего тебе? — спросил Пиотровский, оторвав глаза от бумаги, и прислушался — ему показалось, что за окном мелькнула какая-то тень.

Послышался слабый стук. Карс зарычал.

— Тихо,— повторил Пиотровский и, поправив накинутый на плечи пиджак, пошел на веранду.

Он миновал проходную комнату, в которой спал Коля, и вышел на веранду. Карс шлепал за ним.

— Кто здесь? — спросил Пиотровский.

— Мне Ивантеева, Сергея Васильевича,— донесся глуховатый голос.

Пиотровский узнал его и ответил:

— Здравствуй.

Деев вошел и вытер ноги.

— Льет,— сказал он.

— К осени идет,— кивнул Пиотровский.

Деев снял дождевик, тоненькие струйки стекали с него.

— Пройдем ко мне,— сказал Пиотровский.— Только тихо... Мальчика не разбуди.

На цыпочках они прошли мимо Коли. Карс шел за ними.

— Садись,— сказал Пиотровский.

Деев сел на узкую тахту. Пиотровский занял свое место за столом — слегка развернув стул, он оказался напротив Деева. Карс вновь улегся в его ногах.

— А где жена? — спросил Деев.

— У нее дежурство,— сказал Пиотровский.

— Лунин дал мне адрес,— сказал Деев.

— Я так и думал.— Пиотровский кивнул.

Некоторое время они молчали.

— Наверное, мне не следовало приходить,— сказал Деев.— Как ты понимаешь, не прийти я не мог.

— Раз не мог, о чем тут говорить,— сказал Пиотровский.

— Да,— сказал Деев,— не мог. Тебе это не нужно, но я не мог. Видно, человек приучен прежде всего заботиться о себе.

— Должно быть,— сказал Пиотровский. Помолчав, он добавил: — Лунин сказал, ты приложил много сил, чтобы помочь мне выбраться.

Деев сказал:

— И здесь я прежде всего помнил о себе. Ты это понимаешь, конечно.

— Так или иначе, спасибо,— сказал Пиотровский.

Деев взглянул на него, щеки его порозовели.

— Ты смеешься надо мной,— сказал он.

Пиотровский покачал головой.

— Над этим не смеются. Свобода — это все.

— Ты освободился сам,— сказал Деев,— мне и это не удалось.

— Так сложились обстоятельства,— сказал Пиотровский.

Деев молча смотрел на него.

— Ты ненавидишь меня,— сказал он.

— Нет,— сказал Пиотровский.

— Ты должен ненавидеть меня.

— Может быть, я должен. Но ненависти нет.

Они помолчали.

— Как ты чувствуешь себя? — спросил Деев.

— Хорошо,— сказал Пиотровский.

— Ты здоров? — спросил Деев.

— Говорят, не слишком, но это не имеет большого значения.

— Лунин сказал, что ты хочешь стать педагогом.

Пиотровский кивнул.

— Ты не сможешь быть учителем,— сказал Деев.— Тебе этого будет мало. Я ведь знаю тебя. Ты не будешь счастлив.

— Я уже счастлив,— сказал Пиотровский.— Несчастливых людей нет. Не все это знают, но это так. Есть только одно несчастье на свете — потерять свободу.

Пес терся о его ногу, блаженно урча. Дождь шумел за окном.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросил Деев.

Он ответил:

— Ничего,— и провел рукой по лохматой голове Карса.

Деев встал.

— Я пойду.

Пиотровский тоже встал.

— Я провожу тебя.

Они вышли на веранду. Деев открыл дверь.

— Все еще дождь,— сказал он.

— Пережди,— сказал Пиотровский.

— Нет, пойду,— сказал Деев.

Он стоял и все не решался двинуться.

— Ты ничего не скажешь мне? — спросил он наконец.

— У меня нет камня за пазухой,— сказал Пиотровский,— можешь мне верить.

Деев помолчал, потом сказал:

— Прощай.

— Прощай,— сказал Пиотровский.

Деев сошел с крыльца, и Пиотровский закрыл за ним дверь.

Он не пошел в комнату. Он остался в прихожей и ждал. Он знал, что Деев вернется. И Деев вернулся. Когда раздался стук, Пиотровский сразу открыл.

— Я хочу, чтобы ты знал,— сказал Деев.— Я струсил тогда.

— Я знаю,— сказал Пиотровский.

— Но я не трус,— сказал Деев.

Пиотровский кивнул.

...Деев шел по размокшей глине, по вязкой черной земле. Дождь поливал его, никто не попадался ему навстречу. Он поднял воротник и поежился.

Он вышел к станции и медленно поднялся на платформу.

Она была вся в лужах и лужицах, в которых плавали светляки фонарей. Деев подошел к краю платформы. Послышался шум поезда.

— Маша,— сказал чей-то голос,— идет.

— Это не электричка,— ответила невидимая Маша.— Это дальнего следования.

Поезд приближался. Он шел издалека. Вагоны были освещены, за окнами мелькали люди. Поезд летел с дымом, с грохотом, с разбойничьим посвистом. Рельсы вздрагивали и, точно завороженные этим неодолимым движением, бросались под колеса. Колеса гремели, стучали, стонали на стыках. Еще миг — и огни станции и огни вагонов слились в один сияющий круг.

— Витя, продень мне нитку,— сказала Клавдия Ивановна.

Она сидела на диване, на коленях ее лежала большая лампа, на которую был натянут мужской носок.

Деев встал из-за стола. Он был в нижней рубашке, пижамных штанах и тапочках на босу ногу. Взяв из рук матери нитку, он послюнил ее и продел в ушко.

— Мать,— он обнял за плечи,— брось глаза портить. Завтра дюжину куплю.

— Зачем добру пропадать! — сказала Клавдия Ивановна.

— Голова у меня болит,— сказал Деев,— просто ужас как болит. Раскалывается.

— Прими тройчатку.— Она тревожно на него поглядела.

— Кончилась,— сказал Деев.

— Разве? — удивилась старуха.— Вроде утром я видела.

Она сделала шаг к шкафчику.

— Не надо,— сказал Деев.— Там нет. Я смотрел.

— Горчичник на затылок поставить? — спросила мать.

— Не помогает.

— Может, в аптеку сходить? — Клавдия Ивановна решительно поднялась.

— Очень прошу тебя,— сказал Деев.

— Ты полежи,— сказала мать.— Кофе купить?

— Да. И сигарет.

Он снял с вешалки пальто и подал ей. Они вышли на площадку, и Деев вызвал лифт.

— Ну, иди,— сказала она.

Неожиданно он ее остановил.

— Мать,— сказал он,—прости меня.

— Да будет тебе.— Она улыбнулась.

Он вернулся и закрыл дверь.

В комнате он несколько мгновений стоял у комода, потирая ладонями виски. Потом шагнул к шкафчику, из длинной коробки из-под конфет достал таблетку тройчатки и, запив оставшимся в стакане глотком кофе, проглотил ее. Потом тронул рукой небритый подбородок, вошел в ванную и стал бриться. Брился он быстро, но тщательно, стараясь не порезаться. Побрившись, он вымыл лицо холодной водой и прошел к себе.

Он запер дверь изнутри, подняв крышку дивана и достал из-под пересыпанных нафталином желтых газет черный костюм. Он натянул носки, белую рубашку, галстук, надел костюм, вставил ноги в черные туфли, задвинул тапочки под диван. Сунув руки в карманы брюк, потом пиджака, он достал белые нафталиновые шарики и положил их в пепельницу. Носовым платком вытер ладони.

Затем, встав на табуретку, он снял со шкафа большую коробку. Когда он спрыгнул на пол, в коробке что-то звякнуло. Деев сдул с нее пыль и, достав из нее ордена и медали, приколол их к лацкану пиджака. После этого он присел на табуретку и задумался.

— Ничего не забыл? — произнес он вслух.

Он подошел к столу, вытащил из ящика несколько конвертов, положил их стопкой и придавил пепельницей.

— Так,— сказал Деев.

Он взял с дивана две плюшевые подушки и сунул их под пиджак, фигура его стала от этого смешной и нелепой.

Прижимая подушки одной рукой, он отпер ключом нижний ящик стола и вынул оттуда пистолет. Поместив его между подушками, придерживая их подбородком, он сдвинул пистолет чуть влево и спустил курок. Звук получился довольно сильный, но глухой, не похожий на звук выстрела.

...Когда мать вошла во двор, она увидела у подъезда несколько машин. Одна из них была машина «Скорой помощи».

Спотыкаясь, вбежала в подъезд. На площадке стоял человек в плаще и курил. В полуотворенных дверях толпились соседи.

— Вы к кому? — спросил человек.

— Я здесь живу,— сказала она.

— Простите, вы Клавдия Ивановна?

— Да,— ответила мать,— да.

— Прошу вас,— пригласил он ее,— пройдите на кухню.

— Зачем на кухню?

Он настойчиво, хотя и мягко, взял ее за локоть, они вошли на кухню, он усадил ее на табурет.

— Что с Витей? — крикнула мать.

— Ничего, ничего. Он болен. У него врач.

— Пустите меня к нему! — рванулась мать.

— Туда нельзя. Врач запретил. Успокойтесь. Ничего страшного.

Дверь отворилась. Показался мужчина с мятым лицом.

— Симаков,— сказал он человеку в плаще,— давай сюда.

— Минутку,— сказал Симаков матери и ушел.

Она осталась на кухне одна. Она сидела на табуретке, сложив на коленях руки.

...— Дайте ножницы,— сказал доктор.

Пожилая сестра протянула ему ножницы. Доктор осторожно стал вырезать пиджак на груди Деева.

За столом сидел мужчина с мятым лицом и раскладывал на газетном листе разнообразные предметы. Здесь были и нафталиновые шарики, и лампочка с натянутым носком.

— Возьмите подушки,— сказал доктор.

Ножницы все время натыкались на ордена, ему было очень неудобно.

— Черт,— сказал он, закусив губу.

Наконец ему удалось отрезать борт пиджака.

— Возьмите,— сказал он и бросил тяжелый звенящий лоскут мужчине с мятым лицом.

Тот поймал его на лету и положил на газету — орденами вверх.

— Разрешение на хранение оружия? — спросил он.

— Вот оно, под зажигалкой,— сказал Симаков.

В комнату вошел еще один человек, в руках он держал бритву.

— Мокрая,— сказал он громко,— пятнадцать—двадцать минут назад он еще брился.

— Как? — спросил мужчина с мятым лицом.

— Он слышит? — спросил мужчина.

— Возможно.

Человек с мятым лицом опустился на колени и слегка отодвинул доктора плечом.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— В чем дело? — Доктор поглядел на него с раздражением.

— Мне надо бы задать ему несколько вопросов.

— Вы что... с ума сошли? Вы мне мешаете работать.

— Это вы мне мешаете работать.

— Шестьдесят рублей,— сказал Симаков.

— Чего «шестьдесят рублей»? — спросил мужчина.

— Он оставил в конверте шестьдесят рублей. Здесь написано: «Партвзносы за май».

— Мне надо знать, почему он это сделал,— повторил мужчина.

— Жить он все равно не будет, но он может хотя бы пролить свет. Мне надо знать. Это очень важно.

— Я вам запрещаю говорить с ним,— сказал доктор,— вы будете отвечать за это.

— Отвечать будете вы.

— Обертка от пирамидона,— сказал Симаков.— Он принимал пирамидон. Наверно, у него болела голова.

— Что ты сказал? — спросил мужчина.

— У него болела голова,— сказал Симаков.

— Я прошу вас отойти,— решительно сказал мужчина.

Доктор отошел. Человек с мятым лицом нагнулся совсем низко.

— Товарищ Деев, прошу вас. Всего два-три вопроса.

«Настоящим доверяю матери моей Деевой Клавдии Ивановне,— читал Симаков,— получить причитающуюся мне зарплату за вторую половину мая».

— Товарищ Деев,— продолжал человек с мятым лицом,— хотя бы один вопрос.

— Он умер,— сказал доктор.

— То есть как умер? — спросил следователь.

— Просто умер,— сказал доктор.

— Вы вправе промолчать,
Владимир Васильевич.
Но если отвечать, то по совести.
Итак, вы самолюбивы?
— Отрицать не стану, есть самолюбие.
Да коли уж до конца честно,
то плох тот мужик, у которого нет его.
Иначе как себя доказать?
— Значит, осталась обида. Это я о выборах.
— На кого обижаться? На себя разве.
И уж если что осталось, то скорее выводы...

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

РАЗБЕГ

Борис РЯЗАНЦЕВ, Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

ДВОРЕЦ ДЛЯ «РУСЛАНА»

Он выглядел как-то очень по-домашнему. Стапели скрадывали его размеры. Но все равно они вызвали крамольную мысль: «Угол атаки крыла, движущая сила — все понятно. Но как эта громадина летает?» Ответа на вопрос не искал — принял за аксиому тот факт, что старшие «Русланы» уже освоили небо.

Но еще больше поражал цех — стадион под крышей, помещение, в котором окончательно собирают самый большой самолет. И еще ослепляла чистота. Позднее мы узнали, что на предприятии идет соревнование за звание «Цех высокой культуры и чистоты производства». Видимо, этот цех соответствует званию, поскольку на стапелях и внутри самолета мы не заметили никакой суеты. А, признаться, в последний день месяца можно было ожидать некоторой лихорадочности.

Такой прогноз объяснить просто. Долгое время предприятия авиационной промышленности почитались да и продолжают считаться образцами особой аккуратности, точности, надежности своих изделий. По-другому и быть не должно — от качества работы самолетов зависят жизни. И потому создатели воздушного транспорта традиционно считались «неприкасаемыми» в самом хорошем смысле. Славились авиастроители и четким соблюдением графика. Но не всегда заведенный порядок остается неизменным. Меняются задачи, конструкции, объемы. И постепенно график подвергается эрозии времени.

Но сейчас, как и везде, многое меняется и в жизни авиастроителей. На сложившихся предприятиях перестройка проходит труднее — мешает балласт традиций. Ульяновский авиационно-промышленный комплекс имени Д. Ф. Устинова в более выгодном положении — он молод. И по времени своего возникновения — чуть больше десяти лет на его месте были поля. И по возрасту коллектива. Даже жилые микрорайоны называют здесь Новым городом, или Авиаградом.

Момент для УАПК теперь довольно-таки непростой — создание коллектива, сложных по структуре производственных взаимоотношений совпадает с процессом перестройки. И, прибегнув к авиационной терминологии, этот момент можно сравнить с разбегом нового самолета перед испытанием в воздухе.

А тут еще произошло событие, итоги которого могли отразиться на работе всего комплекса, его конечном результате. Ссылаясь на подорванное здоровье, ушел на другую работу начальник производства, в которое входят несколько крупных цехов. В том числе и цех окончательной сборки. Нет нужды объяснять значение руководителя на вакантном посту. Вероятно, генеральный директор комплекса М. П. Пильник мог просто назначить приказом по комплексу подходящего, по мнению администрации, специалиста. Но...

АЛЬТЕРНАТИВА

— Решили, однако, человека выбирать,— сказал секретарь парткома производства Анатолий Гуменный.

— Чтобы соответствовать духу времени?

— Нет. Была зрелая необходимость. К такому выводу пришел совет бригадиров. Он и предложил выборы. Подобрали трех кандидатов, в ходе предвыборной кампании добавился еще один. Но к ее завершению остались два главных претендента. Нынешний начальник цеха сборки Владимир Васильевич Давыдов и заместитель секретаря парткома комплекса Вячеслав Николаевич Лопухов, два года назад возглавлявший один из цехов производства. Словом, люди у нас известные...

Тут следует уточнить, что должность начальника этого производства соответствует посту директора крупного завода. И при всех преимуществах высокого положения — далеко не сахарная. Тем более что при больших достижениях этого подразделения УАПК все сильнее ощущались сбои в механизме производства из-за «непригнанных» контактов между звеньями. Новому руководителю предстояло взвалить на себя тяжелую ношу. И, вероятно, маловато бы было знаний, инженерного опыта и умения взаимодействовать и ладить с людьми. В данном случае, на данном месте, в данной ситуации требовался человек, обладающий, если можно так выразиться, способностями авиационного диспетчера. То есть умеющий не только удержать в памяти картину, но и управлять ею. И, кроме того, нужна бы разумная смелость человека. Чтобы работать по-новому, оценив сложность момента и ответственности.

Видимо, потому и остались только два кандидата. Анализируя любые выборы, будь то бригадира или директора фабрики, мы как-то упускаем в таких событиях очень важное, чисто человеческое обстоятельство — внутреннее состояние тех, кто стоит перед лицом собрания, которое должно выбрать одного из них. И произойти это может не по указке сверху, не формально, а только по воле тех, чьи глаза сейчас смотрят, кажется, лишь на тебя. Но ведь так же смотрят и на твоего соперника и соискателя. Он, как и ты, дал согласие на это испытание, в котором оценивается все: и твое отношение с сотрудниками, и вклад в производство, и знания, и опыт. Словом, что и сколько ты дал людям. Драматические, бесконечно долгие мгновения! Чего, наверное, не творится в душе...

Между тем предвыборная кампания подошла к последнему собранию. Свободных мест в зале не было. Все цехи, отделы, участки по решению совета бригадиров направили на собрание каждого шестого своего представителя. А напротив них сидели три претендента. Первым высказался заместитель начальника производства Николай Вадимович Байкин. В коротком выступлении он признал, что за три года работы на своем месте не сумел решить проблему своевременной комплектации входящими изделиями. И потому снимает свою кандидатуру с голосования.

Остались двое. Напряженная обстановка и прояснилась отчасти, и стала острее. Ведь шансы у кандидатов считались равноценными. Скажем, Вячеслав Николаевич Лопухов до перехода в партком авиакомплекса работал в цехе, высокие достижения которого до сих пор связывают с его именем. Среди них бригадный хозрасчет и устав совета бригадиров, автоматизация и первый собранный агрегат. И, наконец, звание коллектива высокой культуры производства. А Владимир Васильевич Давыдов возглавляет подразделение, выполняющее наиболее сложные задачи.

Они изложили свои программы, и началось обсуждение. Вернее, возник своеобразный экспресс-диспут между собранием и кандидатами. Люди словно окончательно испытывали вопросами реакцию и способность Лопухова и Давыдова оперативно и обоснованно решать разнообразные задачи. Каждый ответ кандидата приближал момент истины, момент доверия.

Его определили бюллетени. На глазах у всех счетная комиссия извлекла их из урны. За Лопухова проголосовало вдвое больше людей. Некоторое время спустя состоялся диалог с его соперником. Этот разговор и стал началом материала.

ЗОНА СВЯЗИ

— ...И прежде всего выводы о стиле руководства,— продолжил Давыдов.— В этом отношении Вячеслав Николаевич выигрывает по сравнению со мной. И ведь удивительное дело: и он, и я — мы делаем одно дело. Но у него получается мягче, а я кажусь людям жестким. И он, и я признаем необходимость самостоятельности какого-то руководителя на определенном участке. И оба за ответственность и дисциплину, которые обязательны в рамках такой самостоятельности. Но у Лопухова требования оказываются более демократичными. Совершенно очевидно, что его подход к людям и принес ему победу на выборах. И, признаться, я ему не завидую. Даже напротив — совершенно искренне рад за него. А что до роста, то и мои посты впереди...

Позднее Гуменный подтвердил: действительно, Давыдов крепкий руководитель, человек творческий, с самобытной хозяйственной смекалкой. И применение этим качествам предприятие, несомненно, найдет.

Однако нужно было встретиться и с новым начальником производства.

— Честно говоря, я был удивлен, когда узнал об итогах голосования. Не ожидал. И прежде всего потому, что у всех кандидатов были, на мой взгляд, равные шансы. Но лукавить не стану — хотел работать в этой должности. И дело тут не столько в честолюбии, сколько в моей тяге к производству. И в парткоме интересная работа, но именно в цехе видишь реальный, воплощенный в металле конечный результат — машину...

Вячеслав Николаевич заговорил о насущных делах. И нетрудно было заметить, что новый период в его жизни — не столько освоение более высокой должности, сколько дальнейшее восхождение в профессию. Поскольку руководитель — это тоже профессия с обязательным сочетанием широкого кругозора и глубоких знаний. И еще было понятно, что за короткий срок он успел не только разобраться в проблемах производства, но и наметил схему их решения.

— К сожалению,— говорил он,— у нас снижена роль планов в масштабе всего предприятия. То есть планы, безусловно, выполняются, с них никто не снимал значение закона. Вопрос в том, что на конкретном участке заботятся не об интересах всего комплекса в целом, а ограничиваются собственными рамками...

Но мало создать безупречную структуру, мало обеспечить ее самыми выгодными стимулами. Без заинтересованных людей никакая даже самая совершенная схема действовать не будет. В любом деле лидеру необходимы сподвижники, помощники, единомышленники. И первая встреча Лопухова в его новом качестве была с советом бригадиров комплекса. Его председатель, Федор Иванович Бобров, кстати, тоже был избран недавно. По общему мнению, эту общественно-производственную организацию, призванную помогать и администрации, и рабочим, должен был возглавить специалист, который мог бы объективнее оценивать общую обстановку. А оценить ее так можно только в цехе окончательной сборки. И потому трудно было поначалу определить, повезло ли Лопухову, что в его производстве сразу два председателя — свой и общий. Но они оказались именно теми людьми, с которыми и можно найти общий язык.

— Наш совет — штаб конкретных дел,— определил Бобров.— А конкретная задача на сегодня — отучиться от иждивенческого подхода, сменить, наконец, привычную формулу «надо сделать это» на «мы сделаем это».

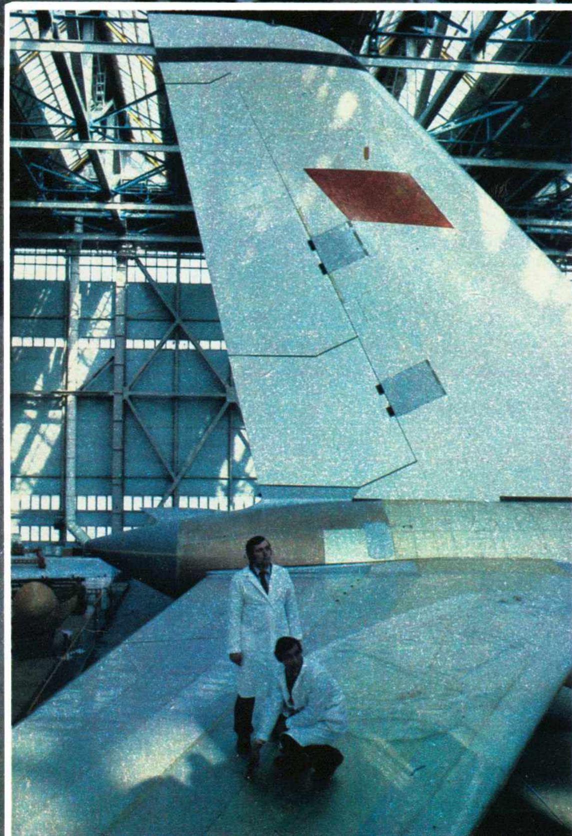
У совета бригадиров хватает забот и в соцкультбыте. Скажем, рабочие и служащие комплекса, вернувшись после смены в жилмассив, совершенно лишены услуг общепита, если не считать небольшого кафе, которое не может заменить элементарной столовой. И у которого в конце концов иные функции. Людям приходится готовить пищу дома, что вполне приемлемо в семье. Но как быть с молодежью, которая по свойственной ей бесшабашности не всегда следит за нормальным питанием? А им можно воспользоваться лишь на территории УАПК.

— У рабочего штаба много различных дел,— добавил председатель совета бригадиров производства Владимир Васильевич Битюцкий.— И, пожалуй, одно из главных — создание так называемых горизонтальных связей в отличие от вертикальных, когда указание или приказ проходит сверху вниз. Бригадирам, согласитесь, и проще, и быстрее договориться между собой, нежели действовать по привычной схеме через начальство. В случае, если прямой контакт не подействует, в роли арбитра выступает совет бригадиров. Его решение, таким образом, приобретает силу приказа, направленного на достижение конечного результата.

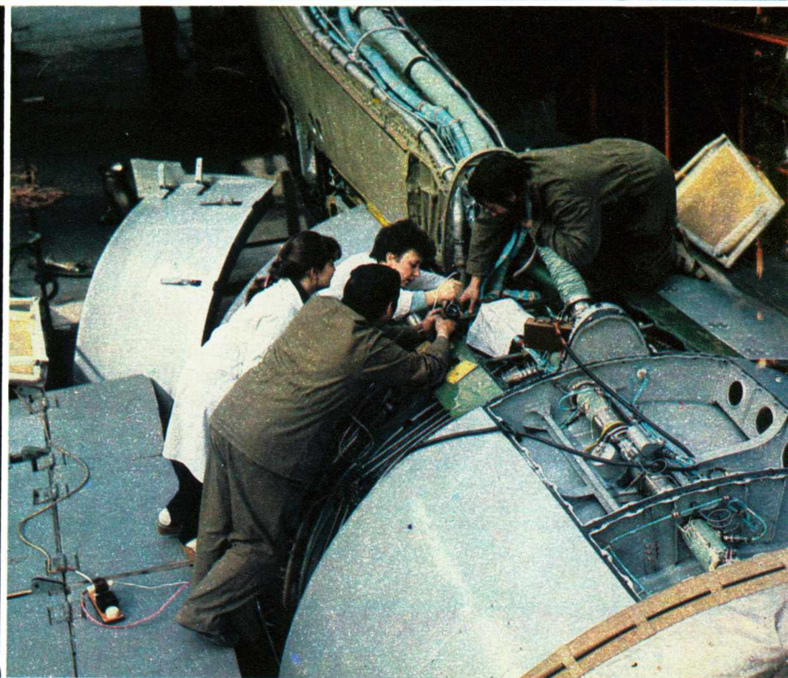
Конечный результат стоит в цехе сборки. Могучий и самый тяжеловозный в мире грузовой самолет.

«РУСЛАН» — САМЫЙ МОГУЧИЙ ГРУЗОВОЙ САМОЛЕТ В МИРЕ. АМЕРИКАНСКИЙ ЛОКХИД С-5А «ГЭЛАКСИ» ПОДНИМАЕТ В ВОЗДУХ 103 ТОННЫ, А ПОСЛЕДНИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ «РУСЛАНА» — СВЫШЕ 170!

ТАК РОЖДАЕТСЯ «РУСЛАН». РОЖДАЕТСЯ НЕПРОСТО: ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭТОЙ СВЕРХМОЩНОЙ МАШИНЫ ТРЕБУЮТСЯ ПОЛНАЯ САМООТДАЧА, ЗНАНИЯ И МАСТЕРСТВО МОЛОДОГО КОЛЛЕКТИВА УЛЬЯНОВСКОГО АВИАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА. НО НЕПРОСТО РОЖДАЕТСЯ И САМ КОЛЛЕКТИВ — СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ТОМУ НЕДАВНИЕ ВЫБОРЫ НОВОГО НАЧАЛЬНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

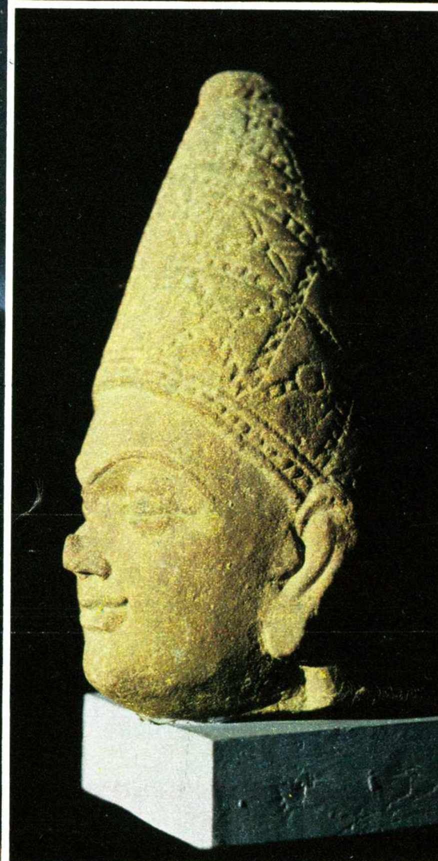

МАТХУРА — ВСТРЕЧА КУЛЬТУР

3 ИЮЛЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ НАЧИНАЕТСЯ ФЕСТИВАЛЬ ИНДИИ, ВО ВРЕМЯ КОТОРОГО СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ СМОГУТ БЛИЖЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ИСКУССТВОМ И КУЛЬТУРОЙ РЕСПУБЛИКИ. ПРЕДЛАГАЕМ МАТЕРИАЛ ОБ ОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАХОДКЕ, ОТКРЫВАЮЩЕЙ НОВЫЕ, НЕИЗВЕСТНЫЕ ДО СИХ ПОР СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

● ВОИН КУШАНСКОГО ЦАРСТВА, КОТОРОЕ В НАЧАЛЕ НАШЕЙ ЭРЫ ЗАНИМАЛО ОБШИРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА.

● ГОЛОВА КУШАНСКОГО ВОИНА. II ВЕК Н. Э. МУЗЕЙ В МАТХУРЕ.

● ПЕРВЫЕ НАХОДКИ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ВОЗЛЕ МАЛЕНЬКОЙ ДЕРЕВУШКИ САНГОЛ В ОКРУГЕ ЛУДХИАНА, ШТАТ ПЕНДЖАБ.

● МУЗЫКАНТША. СКУЛЬПТУРА САНГОЛА.

Член-корреспондент АН СССР
Григорий
БОНГАРД-ЛЕВИН,
профессор
Геннадий
КОШЕЛЕНКО

Руководитель археологической службы Пенджаба доктор Дж. Б. Шарма вытащил из портфеля пакет, вынул оттуда несколько десятков фотографий. Фото были не очень качественные, явно делались второпях, в полевых условиях. Но и этого было достаточно, чтобы понять всю масштабность сделанного открытия. Мы увидели на фотографиях десятки скульптур, снятых и отдельно, и так, как они были найдены,— уложенными в аккуратные штабеля, будто дрова в поленницы. Удивительно знакомыми показались они нам, хотя до этого никто из нас этих сангольских скульптур не видел, и в самой Индии их видели только считанные. «Матхура? Конечно! Это скульптура матхурской школы! Находка века!» «Сангол,— стал рассказывать Шарма,— маленькая деревушка в округе Лудхиана, штата Пенджаб. Об остатках древнего городища, расположенного на окраине деревни, археологи узнали более 50 лет назад: жители деревни нашли «каменные стены» и уведомили об этом генерального директора Археологической службы Индии. Первые пробные раскопки провели в конце 30-х годов. В 1968 году начались широкомасштабные исследования, организованные департаментом археологии и музеев правительства штата Пенджаб». С 1976 года руководство работами возложили на Шарму. «Нам удалось вскрыть городскую цитадель, относящуюся к Кушанской эпохе (I—IV вв. н. э.),— продолжал свой рассказ Шарма.— Находки показывают, что Сангол в то время был крупным центром ремесла и торговли. 1 февраля 1985 года, казалось, был обычным днем, не предвещавшим сенсаций. Но около полудня один из рабочих-землекопов позвал меня взглянуть «на очень красивый кирпич». Несколько взмахов кисти, осыпалась земля, и мы в изумлении увидели не «кирпич», а прекрасное женское лицо. Рядом с этой скульптурой лежали десятки других, аккуратно уложенных в специально выкопанный в древности котлован». Шарма сложил фотографии в пакет. Он только что приехал в столицу для отчета и посоветоваться с искусствоведами и специалистами по древней истории. Многое оставалось непонятным. Почему скульптуры были уложены в ров, кто и зачем разобрал всю сложную систему декора, спрятал его, засыпав землей; почему большинство скульптур изображали женские фигуры? Каким образом такое число типично матхурских рельефов попало в Сангол? Ведь Матхура находится от него на расстоянии многих сотен километров.

На одной из фотографий была изображена крышка от священного реликвария с древней надписью. Недалеко от места раскопок, по словам Шармы, археологи нашли несколько монет с изображением кушанских царей. Что это за надпись? Кто велел увековечить себя на монетах?

В 1986 году дирекция Национального музея организовала выставку, посвященную сангольским раскопкам. Было выставлено более 40 рельефов, издан прекрасный каталог. Сангол перестал быть газетной сенсацией. Он стал достоянием науки.

Но чтобы понять сангольские находки, оценить их значимость, необходимо побывать в Матхуре и поработать в матхурском музее (Матхура — небольшой городок в 120 километрах от Дели).

Экспозиция музея сделана профессионально и просто. Посетитель, входящий в здание, оказывается сразу как бы в окружении кушанских царей и их соратников. Справа—огромная монолитная скульптура сидящего на троне второго правителя династии Вимы Кадфиза, слева — его сын Канишка, опирающийся на тяжелый двуручный меч и облаченный в среднеазиатскую одежду. Эти статуи первых кушан делят экспозицию как бы на две части: вначале то, что предшествовало рождению матхурской школы, а затем серия скульптур кушанского и послекушанского периодов. Так легче проследить этапы развития кушанской культуры. Директор ведет нас в «святая святых» — в запасники музея. Здесь находится не только то, что не уместилось в залах и главной галерее, но и многое из того, что даже еще не изучено. Главная ценность — находки немецкой экспедиции под руководством известного археолога и искусствоведа Х. Хертеля. В 60-х годах на холме Сонгх (20 километров от города) были раскопаны сельские поселения и собраны сведения о начальных этапах в истории матхурской школы. Ее корни уходят в глубокую древность и связаны с местными художественными традициями.

Если матхурское искусство сложилось на местной основе и было создано местными индийскими мастерами, то как объяснить широкое внедрение неиндийских сюжетов и приемов (среднеазиатские одежды и оружие у кушанских царей и воинов матхурской школы и т. д.)?

В начале нашей эры, когда шло становление матхурского искусства, на обширных пространствах центральноазиатского региона было создано Кушанское царство. Это была одна из четырех мировых держав древности — наряду с Римом, Парфией и Китаем. В нее входили области Средней Азии (юг Узбекистана и Таджикистана), территории современного Афганистана, Пакистана и Северной Индии. В середине II в. до н. э. среднеазиатские кочевники сокрушили Греко-Бактрийское царство — последний осколок державы Александра Македонского в этом районе Азии. Перейдя Гиндукуш, они распространились по огромным пространствам индопакистанского субконтинента. Столицей индийской части образовавшейся империи стала Матхура. Искусство Матхуры вобрало в себя, таким образом, собственно индийские элементы, традиции недавних среднеазиатских кочевников и эллинское искусство Средней Азии. Именно с кочевыми племенами Средней Азии (в индийской традиции — шаками, в иранских и греческих источниках — саками) связаны многие специфические черты в декоре скульптур Матхуры.

Среди многих ученых бытовало мнение, что «кочевники, заселившие Среднюю Азию и часть Индии, не могли создать искусство, ибо им оно органически чуждо».

На представление об этих народах оказывала давление тысячелетняя традиция, возникшая у мыслителей Древней Греции: кочевник, номад — человек, лишенный элементарных признаков цивилизованной жизни. Современные исследования изменили это тенденциозное представление. Кочевники и земледельцы древности взаимно дополняли друг друга. Правилом был мирный взаимный обмен, военные конфликты — исключением. Кочевнические завоевания в древности часто не имели тех катастрофических последствий, какие, например, принесли завоевания Чингисхана в более позднее время.

Кочевники, сокрушившие греческое господство в Средней Азии, сохраняли свой богатый эпос и были, как выяснилось после исследований советских ученых, тонкими ценителями искусства. Кочевой уклад способствовал распространению достижений культуры. Советско-афганская экспедиция открыла в 1978 году на севере Афганистана удивительный по своему характеру могильник Тилля-тепе («Золотой холм»). Он замечателен не только своим богатством — в шести могилах было обнаружено около 20.000 предметов из драгоценных металлов. Главная значимость в том, что в произведениях прикладного искусства отразились художественные традиции многих народов: кочевников и полукочевников Сибири и Центральной Азии, греков, бактрийцев, парфян и т. д. Тилля-тепе знаменует собой начало того процесса, вершиной которого стало искусство Матхуры. В нем воедино слились три потока, три художественные традиции: Индии, эллинского мира и кочевников Средней Азии.

Находясь в Матхуре, знакомясь с памятниками ее древней культуры, мы постоянно вспоминали о сангольских скульптурах. Матхура помогла ответить на вопросы, которые поставил перед нами Сангол.

В чем же главная значимость сангольских находок, их неповторимость? Как вписываются в общую картину развития матхурского и шире — кушанского искусства скульптуры Сангола?

Прежде всего потрясает уникальность скульптур. Кроме того, до сих пор никогда не находили такого количества матхурских скульптур — 117 объектов! Впервые можно восстановить общий декор храмовых сооружений. Существенно, что памятники матхурской школы были найдены в «безукоризненном стратиграфическом контексте». Они поддаются точной датировке. По сравнению с прежними находками все статуи прекрасно сохранились. По-видимому, жители города ожидали вражеского нашествия, поэтому разобрали декор, уложили рельефы и надежно закрыли землей. Однако события развернулись так, что только многие столетия спустя далекие потомки смогли поднять из земли богов и людей Матхуры. Сангол расположен в сотнях километров от Матхуры. Каким же образом матхурские скульптуры там очутились? Сангольские рельефы изготовлены из матхурского песчаника. В районе Сангола его нет. Возможно, детали ограды, в том числе скульптуру, делали в Матхуре и затем перевозили. Может быть, матхурские мастера приезжали на место строительства, привозили с собой блоки матхурского красного песчаника и уже там вырубали фигуры.

Не только эти, но и многие другие загадки матхурского искусства ученым еще предстоит разгадать. И, возможно, мы узнаем более подробно о тех сейчас еще безымянных скульпторах Индии и Средней Азии, кто создал уникальные матхурские памятники.

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

В выставочном зале на Кузнецком мосту в Москве экспонировалась выставка «Ядерное оружие — угроза современному миру», в организации которой активное участие приняла массовая японская общественно-религиозная организация «Сока гаккай». С почетным президентом «Сока гаккай» и президентом «Сока гаккай Интернэшнл» Дайсаку ИКЭДА встретился корреспондент «Огонька» В. Дунаев.

●

— «Сока гаккай» — это организация мира, образования и культуры, в основе деятельности которой лежит учение буддизма. Движение последователей буддизма в защиту мира ширится во всем мире, преодолевая национальные и государственные различия. В Японии членами «Сока гаккай» являются 7 миллионов 950 тысяч семей, кроме того, в 115 странах мира членов «Сока гаккай» насчитывается 1 миллион 260 тысяч человек. Основанной 18 ноября 1930 года, ей в нынешнем году исполнится 57 лет.

В Японии «Сока гаккай» дала жизнь партии Комэйто, целями которой является защита мирной конституции страны и осуществление политики в интересах народных масс. Комэйто ныне вышла на второе место среди оппозиционных партий Японии. Однако за пределами Японии наша организация никакой политической деятельности не ведет, ставя целью содействие процветанию и развитию всех стран.

— Какой смысл лично вы вкладываете в понятие «борьба за мир»?

— Первый президент «Сока гаккай» — Цунэсабуро Макигути за антивоенную деятельность был арестован и скончался в тюрьме. Второй президент — Дзёсэй Тода тоже находился в заключении и был выпущен на свободу лишь перед самым окончанием войны. Вся история нашей организации представляет собой не что иное, как борьбу за мир.

Война омрачила и мою юность. На бирманском фронте погиб мой старший брат. Я стал участником движения за мир под влиянием как лично пережитого, так и яркой истории организации, никогда не уступавшей гнету военного режима.

Я убежден, что народы всех стран всем сердцем жаждут мира. Во имя этого я совершаю зарубежные поездки, устанавливаю контакт от сердца к сердцу, поддерживаю движение за активизацию мирового общественного мнения в защиту мира.

— Как оценивают в Японии перестройку, осуществляемую ныне нашей страной?

— За перестройкой у нас следят с вниманием и надеждой. Сам этот термин уже получил в Японии «право гражданства». Особое внимание привлекает не столько экономическая реформа, сколько нацеленность на «оживление» во всех областях культурной, творческой, общественной жизни. Ради этого стимулируется всеобщая гласность, уверенно чувствуете себя вы, журналисты, получившие мощный заряд энергии.

Широкий резонанс получило то, что перестройка выдвинула в качестве предпосылки реформу «человеческого фактора». Ведь наше движение также рассматривает человека как начало всего, а цель наша — «революция человека».

— Вы автор книг «Революция человека», «Диалог с XXI веком», «Беседы с господином Тойнби» и многих других. О чем вы говорите читателю в этих книгах?

— Говоря кратко, я стремлюсь оставить грядущим поколениям свидетельства того, что человек непременно достоин понимания, любви, доверия.

Сократ говорил, что нелюбовь к человеку связана с нелюбовью к слову. Слово способно раскрыть душу человека, следовательно, пренебрежение к слову закрывает доступ к душе и, в конечном итоге, ведет к нарастанию недоверия.

Не будем разочаровываться тем, что дорога к миру загромождена трудностями и препятствиями. Давайте пойдем вместе по пути мира и гуманизма с тем, чтобы войти в третье тысячелетие — XXI век — без жестокости и без ядерного оружия. Мы все с вами — труженики, которые терпеливо высаживают крошечные цветы с верой, что они в конце концов покроют нашу землю ковром доверия между людьми.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР А. М. РЕКУНКОВ: ОРГАНИЧЕСКОЕ СОЧЕТАНИЕ ДЕМОКРАТИИ И ДИСЦИПЛИНЫ, САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА БУДЕТ ОБЕСПЕЧЕНО.

ОКО ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Недавно в Прокуратуре Союза ССР состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов с представителями, можно сказать, заинтересованных министерств и ведомств. Заинтересованных в сохранности, а главное, в рачительном использовании социалистического имущества.

Когда расходились, было видно, что Александр Михайлович Рекунков не совсем удовлетворен услышанным. Да и сами приглашенные в Прокуратуру СССР не могли не почувствовать, что диалог шел как бы на двух уровнях понимания ситуации, сложившейся в народном хозяйстве. Некоторые выступившие после доклада А. М. Рекункова сбивались, как то бывало и прежде, на блицотчет и горячие заверения. Анализа не хватало, как кислорода. Не было изложено ни одной четкой программы борьбы с бесхозяйственностью и должностными преступлениями. На прямые вопросы Генерального прокурора: есть ли министерство, на предприятиях которого не было бы приписок? когда будут перекрыты каналы хищения на объектах Госкомнефтепродукта? — должностные лица отвечали: нет такого министерства, не можем перекрыть...

А съехались по адресу Пушкинская, 15а, люди, облеченные высокой хозяйственной властью. Генеральный прокурор СССР пригласил председателя Верховного Суда СССР, Главного арбитра СССР, а также представителей Госстандарта, Госбанка, Госснаба, Госплана, Госстроя, Минфина, Стройбанка, Госкомнефтепродукта и Госагропрома, торговли и Центросоюза...

В народном хозяйстве сотни контролирующих и ревизующих — в каждом ведомстве есть такие специальные службы, а сверху глаз не спускают и Госбанк, и Госстандарт, и Минфин... И все же, и все же! Имели место отрицательные тенденции — круговая порука, очковтирательство, сбыт продукции негодного качества... А породили бесхозяйственность и правонарушения застойные явления в экономике — им принципиальную оценку дал январский Пленум ЦК КПСС.

Жить так дальше нельзя!— это вывод докладчика. Нельзя и впредь сводить работу контролирующих и правоохранительных органов к неглубоким проверкам, формальным ревизиям, фиксации мелких фактов, необязывающим выводам. Более того, общественные отношения, связанные с применением права, по существу, были отнесены к разряду второстепенных.

Правовой нигилизм и администрирование привели к отлаженной системе «ты — мне, я — тебе», к двойной и даже тройной бухгалтерии. С одной стороны — несуны, моральное разложение трудовых коллективов в атмосфере вседозволенности, а с другой — руководители различных рангов считали возможным отступать от Закона, преступать Закон. Так личный интерес на всех уровнях повседневной жизни расходился с интересами государства. И — правами граждан.

Генеральный прокурор СССР назвал причины того, что социалистическая собственность стала широко использоваться для извлечения нетрудовых доходов: безответственность, обезличка, некомпетентность. Для людей бесчестных, корыстолюбивых соблазнов немало. Круговая порука, протекционизм (то бишь коррупция), подхалимство, семейственность — они переплели тугим узлом множество должностных лиц.

Атмосфера гласности! Она дала возможность вора назвать вором. Слово правды — это прямой луч света, настигающий тех, кто поднял руку на народное добро.

В одном 1985 году выявили более девятисот тысяч хищений и недостач! Только за два последних года к уголовной ответственности за хищения и преступно-халатное отношение к государственному и кооперативному имуществу, очковтирательство, злоупотребления привлечены более двухсот сорока тысяч должностных лиц. Они не только вкусно ели и мягко спали, они в значительной мере способствовали тому, что пораженными оказались многие предприятия Госагропрома, сферы обслуживания населения, строительства, транспорта и ряда других ведомств.

Это было прямым покушением на наши с вами интересы — личные и общественные интересы честных людей.

Социализм — это учет! Как часто повторялся этот постулат. Но именно системы учета и контроля были разобщены, раздроблены, подверглись коррозии. Дышал и дышит на ладан ведомственный контроль, ибо он по-прежнему остается «заинтересованным» (ущербно заинтересованным) в делах ведомств. Те же ловкачи, рвачи, очковтиратели, бюрократы использовали ведомственную статистику как ширму для бесчисленных правонарушений. Запущенный первичный учет — питательная среда для хищений и приписок.

Нельзя больше мириться ни с приписками, ни с практикой беззастенчивого списывания миллионных непроизводительных потерь и расходов на убытки общественного производства.

Прокуратура СССР вошла в правительство с предложениями, направленными на пресечение бесхозяйственности и расточительства. Искоренение хищений — проблема проблем. Это долг всех честных тружеников.

Страна уже начала жить в условиях хозрасчета, хозяйственной самостоятельности и самоокупаемости. Дан простор социалистической предприимчивости.

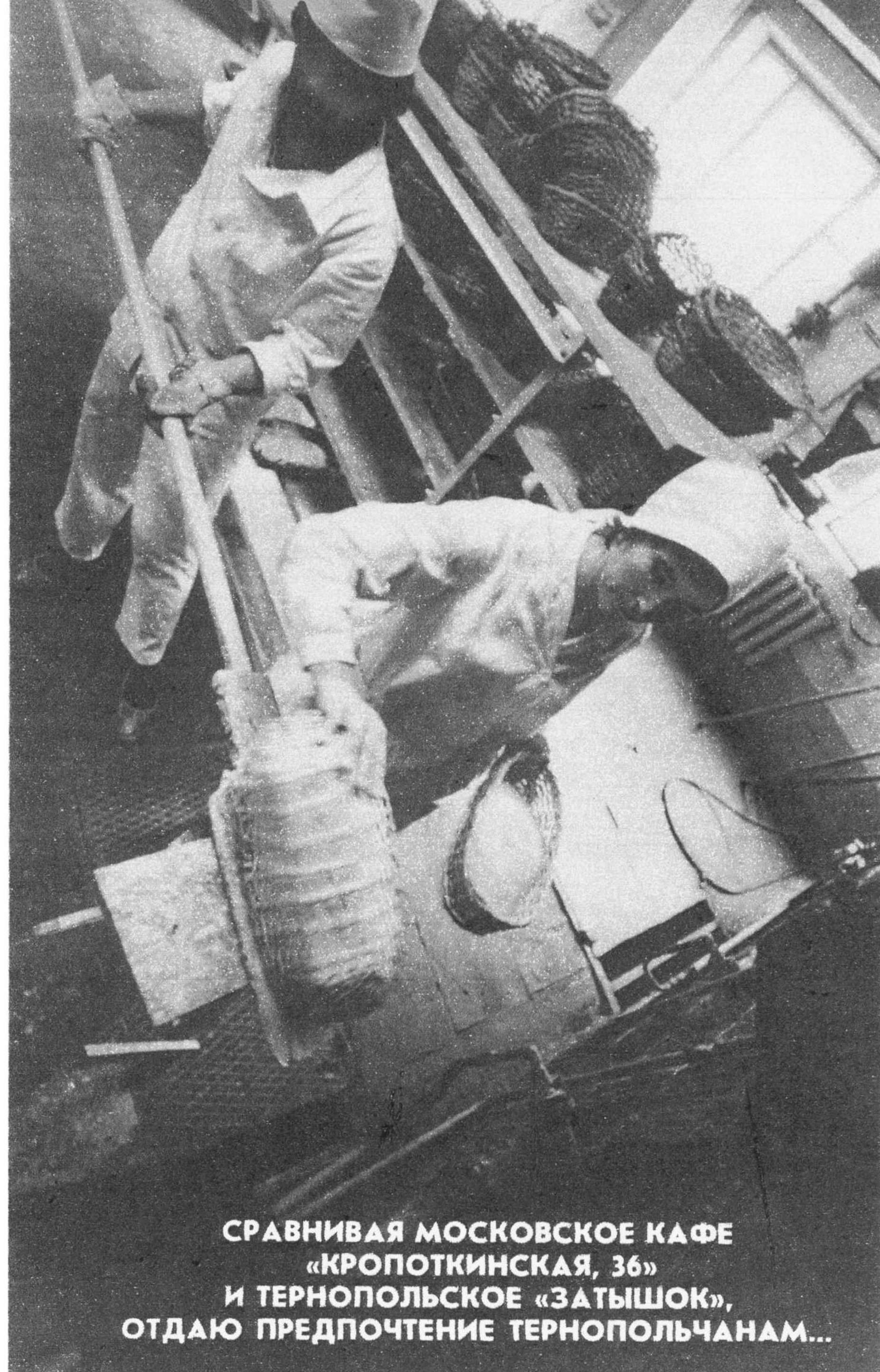
Доверие государства надо еще суметь оправдать. Контроль — прочный тыл доверия. И демократии, понимаемой по-коммунистически. От этого зависит качество нашей жизни, авторитет первой страны социализма.

Какова главная мысль Генерального прокурора СССР?

— Настало время сформулировать принципы взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов. Эффективная борьба с хозяйственными правонарушениями поможет тем, кто включился в перестройку, самому делу перестройки.

И поможет всем людям с чистой совестью оставаться хозяевами производства, города, страны. Надо только быть патриотом, отвечать за свои поступки.

Николай БЫКОВ

СРАВНИВАЯ МОСКОВСКОЕ КАФЕ «КРОПОТКИНСКАЯ, 36» И ТЕРНОПОЛЬСКОЕ «ЗАТЫШОК», ОТДАЮ ПРЕДПОЧТЕНИЕ ТЕРНОПОЛЬЧАНАМ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НА ДОГОВОРЕ

Константин БАРЫКИН, Александр ВИКТОРОВ (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

Кафе это не на самом бойком месте. Прежде называлось «Млынци», приносило убыток, вынимая из областной казны рубли и сотни; ими и латали брешь.

Тогда и прикинули: не передать ли хозяйство кооперативу? К тому времени кандидатура объявилась подходящая — Маргарита Ефремовна Рубинчик. Работала она тут, в «Млынцах», буфетчицей. Она и сказала: «Попробую». Ударили, как говорится, по рукам, заключили договор.

И перешел подвальчик кооперативу. Подреставрировали, подремонтировали, сменили вывеску. Открыли. День прошел, второй, третий... На второй неделе убыточный ручеек стал мелеть, дневная выручка поднялась, вышла на уровень, о котором тут уже стали забывать. И начался приток, пошли в кассу рубли. Поначалу их было немного. Считали десятками. Теперь костяшки счетов (электронные калькуляторы не только в кооперативах, вообще в торговле не приживаются) показывают прирост до четырехсот рублей в месяц.

— Это само по себе важно, сейчас неприбыльно работать не в духе времени,— размышляет Леся Ярославна Лисаненко.— Ожил «Затышок», становится на ноги, дыхание обретает. У кафе теперь есть постоянные посетители, тянутся сюда...

Лисаненко ведает в областном управлении общественного питания финансами. Она первой замечает, как складываются дела. И если она говорит о клиентуре, значит, цифра и план ее теперь не заботят и начался другой, более высокий уровень отсчета — от потребителя.

...Если в Тернополе остановишься на улице и посмотришь по сторонам, почти наверняка увидишь вывеску кафе или столовой. Пирожковые, кафетерии, ресторанчики, бары — ими город не обделен. Есть такие, как «Пролесок» — он украсил бы любую из пятнадцати столиц. Окажись «Пролесок» в Москве, немногие здешние рестораций выдержали бы сравнение. Впрочем, нынешний московский общепит не является точкой отсчета и если пригоден для сравнения, то как пример от обратного.

Затевать на благополучном фоне еще и кооперативные кафе — на это надо было решиться. Все продумать, все взвесить и посчитать. И коль открываются такие кафе, значит, они нужны. На въезде в город работает «Околица»; на оживленной автомобильной трассе задуманы быстрые кафетерии.

— Мы рекомендуем это делать, поддерживаем инициативу,— сказала мне секретарь обкома партии Валентина Ивановна Ермакова.— Советуем: исходите и из возможностей, и из потребностей. То, что необходимо тернопольчанам, то и надо делать. Надуманные, для рапорта кооперативы едва ли приживутся. Но пока и мы не знаем, что нужно создавать в первую очередь. Взяли на учет все пустующие здания и помещения, около пятидесяти, и тридцать из них подойдут для кооперативов. Каких? Есть у нас гончары, объявились знатоки плетения из лозы; не дать уйти из жизни народным промыслам—одна из задач, которые может решать кооператив.

Такой подход настраивает и другие организации. Не в самом центре Тернополя, неподалеку от автовокзала, реконструировали старое, обветшалое здание, привели в порядок. И поставили печи. К пекарне подстроили магазин, в нем и продают горячие, пышные караваи. Пекут тут большие булки «тернопольского», «домашнего», «крестьянского» и «микулинецкого» хлеба. Если посмотреть на все это из вчерашнего дня, пекарню можно бы и не открывать: хлеб в городе пекут неплохой, булочных много. И чем-то рисковали в облпотребсоюзе, затевая новое. Хотя, полагаю, крепкие хозяйственники, они все хорошо посчитали и выверили. И сейчас пекут такие хлебы, которые не могут дать хлебозаводы,— по крестьянским, народным рецептам. Подобрались и пекари: людей потянуло на настоящую работу, где и умение надо проявить, и инициатива не заказана. Хлеб недешев, до 80 копеек коврига, но вкус и качество таковы, что выстраивается очередь. И в облпотребсоюзе уже ищут возможность увеличить выпечку, давать не тонну, как сейчас, а две или даже две с половиной.

И соседи из Хмельницкой области не отстают. Есть там село Зиньков. Оно издавна славилось ароматными колбасами, по-особому приготовленными и закопченными. Вот и создали хмельничане кооператив по производству такой колбасы.

...Режим благоприятствования сказывается. И Петр Николаевич Нежинский, начальник областного общепита, в нашей беседе подтверждает это примерами. Он рассказывает о кафе «Надежда», оно начинает свою кооперативную карьеру в небольшом городке Чортков, он загибает палец за пальцем, перечисляя пункты плана, открывающего инициативным людям возможность проявить деловитость и мастерство.

— Мы в самом начале, во многом приготовишки. Идем подчас на ощупь. И будем учиться. Но уже сейчас ясна польза от кооперативов. Во-первых, они заставляют подтянуться всю остальную сеть кафе, столовых, ресторанов. Во-вторых, с первого дня тот же «Затышок» показывает пример хозяйского отношения к рублю. Когда кооператор считает свой рубль, он почтительнее отнесется и к рублю клиента...

А кормит «Затышок» вкусно. Не разносолами. Едой простой, от которой «нормальный» общепит пытается нас отучить. Коронный номер, главное блюдо — блинчики с начинками. Готовят их мастерски и очень добросовестно. Не предвижу последователей в обычном общепите, но отмечу: выпекают блины на добротном, свежем, непережаренном масле.

С председателем, а по-привычному с директором кооператива мы беседовали на втором этаже. Строго говоря, это не второй этаж, а первый, главный зал на 24 места в полуподвале — одна стена глухая, на противоположной—несколько оконцев под самым потолком. Справа вход в ухоженную, домашней чистоты кухоньку, в которой, мне кажется, и повернуться-то негде. В глубине, за опрятной занавеской — складские комнатушки. Мука и сахар в кульках, «коса» репчатого лука, банки с соками, еще какая-то снедь.

Мы говорим, а я поглядываю в зал. Ни минуты не стоит без работы Галина Романовна Дьячук. Она за стойкой-прилавком, на котором обветшалая, через день ремонтируют, кофеварка. Манящей чистоты чашки и бокалы для воды. Ложки с вилками. Была с ними одна история. Купили стальные, чтобы от алюминиевых, надоевших, отказаться. Прошло какое-то время, меньше стало симпатичных ложечек. «Коэффициент забывчивости» посетителей? Но кооператоры пока держатся, не возвращаются к алюминию.

Уютное кафе. И гостеприимное. На стойке — аппетитные пирожные и коржики-печенья; глаза разбегаются. Но подмечаю непривычность этой сладкой выпечки. Пирожные крошечные, на чашечку кофе. Спрашиваю: откуда такие? Их заказывают мастерицам-надомницам. Они и торты делают, маковый и клубничный. Наверное, хорошие торты, многие спрашивали: сегодня будут?

Галина Романовна десять лет тому окончила торговый техникум. Работала в кафе «Млынци», вышла замуж, родила первенца, а потом и второго ребенка. Подросли малыши, можно было идти работать, попросилась в кооператив. «Дело новое, живое». Приняли ее с охотой: расторопна, с людьми ровна и обходительна. А кооперативы распространенные «нормы» общения с клиентом поддерживать не хотят: отпугнешь.

У плиты со сковородками Василий Михайлович Дребит. Он прежде работал на кухне гостиничного ресторана. Сейчас гостиница на ремонте, перешел сюда.

— Откроется ресторан, вернетесь?

— Не знаю,— неуверенно говорит он.

Дьячук и Дребит молоды, они не вписываются в распространенную рекомендацию: в кооперативах, в индивидуальной трудовой деятельности опираться на пенсионеров, домашних хозяек, на студентов. Выдержит ли восемь—десять часов за барной стойкой пенсионерка? Не стойма стоять: одному кофе приготовить, непременно «с пеночкой», второму блинчики подать, третьему — пирожное, «чтобы не очень сладкое, но рассыпчатое».

Может, не регламентировать с первых дней, кого на работу зачислять? Начальство торговое, а оно-то, полагаю, и способствовало введению ограничений в созданные документы, начальство торговое обеспокоено: начнется переток кадров. Будут уходить из минторговских кафе и ресторанов в кооперативы. Может такое статься? Вполне может. Но давайте подумаем: так ли это плохо? Ведь когда нависнет над общепитом угроза потери специалистов, начнут в главках и трестах не только сетовать и жаловаться, но и дело делать по-современному. Наш общепит так закоснел в условиях своего диктата, в бесконкурентности, что любая соревновательность пойдет ему на исправление. Если кооперативы наберут ту силу и тот размах, на который они способны, то и минторговский общепит встряхнется, оживет, начнет думать о посетителе. А если не сделает этого, то прогорит, обанкротятся некоторые кафе и рестораны. И я думаю об этом без особого сожаления.

Не для того ли, чтобы держать кооперативы в узде и в подчинении, в рамках, выстраиваются разные разности, которые противоречат экономике? Определенно, продукты кооперативам следует покупать на рынке, кое-что добирать в магазинах. И на базах, куда обращаются и всамделишные, традиционные общепитовские «точки». Такие продукты, недостатка в которых нет: мука или соль с сахаром, крупа всякая... Закупая их, минторговская столовая получает торговую скидку. Деньги, может, и невелики, но позволяют покрыть те же транспортные расходы — ведь надо погрузить и привезти. Но читаю приказ министра торговли Украины В. Старунского и вижу, как он грозит тем, кто продаст кооперативу такой продукт с привычной скидкой. Ни в коем случае! Министр оставляет возможность на местах определить и согласовать перечень товаров, которые кооператив может купить на базе, но «без скидки». Как вы понимаете, разрядку эту сделал я, а слова взял в кавычки потому, что переписал их из приказа, автор их — министр.

Но, съедая вкусный, пальчики оближешь, блин в «Затышке», не министр и не кооператив, а я оплачиваю эту разницу. А база кладет в свой карман не заработанные ею рубли, которые сложились из вынутых из карманов клиентов гривенников. А хлеб кооператоры продают себе в убыток. Потому что покупают его по розничной цене, а продавать с наценкой не хотят: дурная молва пойдет о кафе, в котором даже хлеб дороже...

Знакомился с документами, беседовал со многими, и создавалось впечатление, что кто-то, поднаторевший в бюрократических умениях и маневрах, очень здорово постарался, чтобы притормозить, а может, и скомпрометировать новое дело. Незаметные неискушенному да и опытному человеку, не сразу в глаза бросающиеся оговорки и уловки уже сейчас мешают, а в последующем...

Может, именно в результате такой «тихой» блокады кооперативов они открываются в неспешности? А то, что делается, иногда принимает странную форму. Как это случилось в Москве, на Кропоткинской, 36. И память крепкая не нужна, чтобы вспомнить, какую громкую рекламу сделали этому кафе. Шумно, чуть ли не с программных заявлений, пообещав ранние завтраки и недорогие обеды,— так начиналось. Но еще до открытия было ясно, что одно такое кафе может создать ажиотаж, но не сдвинет с места общее едоцкое запустение. И нынешние пересуды вокруг «Кропоткинской, 36» не случайны, и слухи невероятные — тоже. Попасть сюда невозможно с ходу, как полагалось бы по нормам,— это минус... Утренние завтраки остались обещаниями — минус... Ужины очень дорогие — еще один... Плюсы? Есть, но все же позволю себе заметить, что кафе обречено. В общественном мнении. О нем и говорить, и думать будут плохо. И не переубедить в ином, пока рядом не откроют второе, третье, десятое кафе. Чтобы они угостили лучше, чем в «Кропоткинской, 36». Без конкуренции невозможно определить, хорошо ли работает кооператив. Сравнивать с казенным общепитом нельзя— не опускаться же до классического «кофе с молоком». И до ресторанного чая.

И надо бы, отложив выяснения причин и обстоятельств, отложив иные дела, открыть на той же Кропоткинской и в близком радиусе минимум десять кафе и закусочных. Тогда все в этом районе встанет на места, определенные потребностью.

Как стало в Тернополе, где «Затышок» работает не в одиночестве, а в прямой видимости от других кафе и столовых. И тех, что в ведении областного управления общественного питания (ну и термин: общепит! Кто и когда пустил его в оборот? Питание всегда индивидуально; оно, допускаю, может быть массовым, но общественным...), так и в системе облпотребсоюза, который тут работает так, что только поспевай за ним. На другом берегу озера, напротив «Затышка», первый этаж дома заняли кооператоры — идут сюда охотно. Чуть дальше, на пригорке, в зелени,—ресторан: чопорный хрусталь, крахмальные салфетки, фирменные блюда. Цены? Ресторанные, но никто вас сюда не загоняет, можно и в недорогом кафе поесть. И в столовой, что неподалеку.

У потребителя должно быть право выбора, только тогда все образуется. Тогда и никчемные сегодня столовые заработают лучше.

...На следующий день я пришел в «Затышок» поутру, но председательницу не застал.

— Приходит позже? — спросил у буфетчицы, которая варила кофе первому посетителю.

— Маргарита Ефремовна? Позже?

Выяснилось, что рабочий день «директора» начинается на рынке, в зеленном ряду или там, где продают яблоки. Мясо покупает на фарш для блинов. Выбирает без спешки. Берет только такого качества, чтобы ничего не ушло в отходы.

Ждут клубнику — будут блины с клубничной начинкой, с малиной, с вишнями, с лесной ягодой, со свежей капустой, с летними яблоками...

Только успевай переворачивать сковороду.

— Мы знаем своего посетителя. Молодежь, приезжие, остановившиеся в гостинице. Отсюда и считаем количество блюд, тех же блинов, которые надо испечь.

— А если сделали больше?

— Случается. В обрез не готовим. Не отказывать же позднему посетителю.

— Куда же оставшиеся? Утром догугаете?

— Чтобы говорили, что вчерашними блинами потчуем?

Так тут не делают. Если кооператоры видят, что испеченные блины не разойдутся, почти вдвое снижают цену. И об этом знают завсегдатаи кафе. Заходят под вечер. Чтобы захватить домой, положить в холодильник, а утром на сковороду.

— В убыток торгуете?

— В нашем деле и небольшой убыток обернется прибылью...

Хозяйственная струнка, домашней готовки еда из хороших продуктов — на таких началах работает «Затышок», скромное кафе на одной из тихих улиц Тернополя.

РАДУЖНЫЙ УБИЙЦА

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька»

МАРИНА ПОГИБЛА НЕЛЕПО И СТРАШНО, ЗАЖИВО СГОРЕВ СРЕДИ БЕЛА ДНЯ В СВОЕЙ КОМНАТЕ. ОНА ДОЛГО МУЧИЛАСЬ И КРИЧАЛА, И КРИК ЭТОТ ДО СИХ ПОР ЗВУЧИТ В ПАМЯТИ СОСЕДКИ-ШЕСТИКЛАССНИЦЫ, БРОСИВШЕЙСЯ НА ПОМОЩЬ. НО НИ ЕЙ, НИ ВЗРОСЛОЙ ЖЕНЩИНЕ, ПРИБЕЖАВШЕЙ ИЗ ДРУГОЙ КВАРТИРЫ, НИ ВРАЧАМ СПАСТИ МАРИНУ НЕ УДАЛОСЬ. ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ!

На улицу Шамшева в дом № 6-а я приехал спустя два месяца после трагедии. Нелегко было решиться на встречу с Ольгой Ивановной, невыносимо видеть ее слезы, бередить расспросами незажившую рану, перебирать незатейливые любительские снимки дочери, которой уже нет.

Но не только жалость — злость разрывала сердце. Тяжелая, тупая ярость, которой и не подозревал в себе, о которой лучше бы умолчать, потому что гнев всегда плохой советчик, а именно он заставил меня купить билет до Витебска, подсказал злые, обидные слова, сгоряча написанные мной на большом листе ватмана под этой окаймленной траурной лентой фотографией.

Свой самодельный плакат я хотел повесить у проходной Витебского телевизионного завода имени 60-летия Белорусской ССР. На самом видном месте. И посмотреть, как поведут себя люди — заботливые бабушки и дедушки, любящие папы и мамы, причастные к гибели чужого ребенка.

Да, восьмилетняя Марина Лешова умерла от огня, что выплеснул на нее цветной телевизор «Витязь-733». Не витязь — злой джинн, выпущенный с завода в октябре 1983 года. Новый, 1984 год он встречал в ленинградском доме на самом почетном месте как долгожданный, очень дорогой гость для семьи, где отец — рабочий, мать — уборщица. И вот по-черному расплатился за гостеприимство, исковеркав жизнь этой семьи.

Господи, до чего наивен был мой порыв! И ведь не мальчик, знаю, что такое монолитная толпа людей, спешащих с работы или на работу. Придурком выглядел бы я со своим плакатиком на фоне трудового, нацеленного на ужин или перевыполнение плана коллектива, и не горькими слезами чьего-то раскаяния, а приводом в милицию скорее всего завершился бы мой демарш. А привлекли бы меня (если б заметили), как сейчас понимаю, за клевету и оскорбление. Ибо прежде чем обвинять, надо иметь доказательства. А доказательств у меня нет. Кроме одного — загубленной жизни.

...На улицу Шамшева в дом № 6-а я приехал спустя два месяца после трагедии в полной уверенности, что здесь уже побывала специальная комиссия Министерства промышленности средств связи (Минпромсвязи), сделала свои строгие выводы, чтобы такое никогда, нигде не могло повториться вновь. Не сомневался, что пожарные, милиция пробили во все колокола и на виновных уже обрушились все своды наших гуманнейших законов. Ну, а мне останется лишь пройти по следам этого уголовного дела, поименно назвать преступников, рассказать о причинах, повлекших за собой столь тяжкое последствие.

Нет, я, разумеется, слышал и считал, что наши цветные телевизоры ненадежны, сам, случалось, заметив дымок, торопливо выдергивал вилку из розетки. Но мало ли чего не бывает с бытовой техникой! Однако телевизор-убийца — это страшная новость, что-то из области кошмарной фантастики. Такое не могло остаться незамеченным, безнаказанным.

Увы, после врача «Скорой помощи», пожарных, участкового, составивших свои протоколы еще в январе, корреспондент «Огонька» оказался единственным более или менее официальным лицом, навестившим Лешовых. Больше к ним, как сказала Ольга Ивановна, никто не обращался. Сами же они порядка ради позвонили лишь в мастерскую, где телевизор числился на абонементном обслуживании. Там пообещали: «Мастер будет» — и положили трубку. Никто, естественно, не пришел, и останки «Витязя» вскоре выбросили на помойку. А значит, исчезла и главная улика, с помощью которой можно было что-то выяснить.

Впрочем, все это, как сейчас понимаю, рассуждения дилетанта, рядового телезрителя, мало что смыслящего в технике. Какие улики, какое следствие, кому все это нужно? Гибель Марины Лешовой не была неожиданностью для Министерства промышленности средств связи. Задолго до того, как она появилась на свет, и там предвидели возможность трагедии совершенно равнодушно, как некую абстрактную дань, которую мы все якобы обязаны выплачивать техническому прогрессу.

Велика ли она?

«Министерство внутренних дел СССР обеспокоено продолжающимся ростом количества пожаров от телевизоров. От этой причины в течение XI пятилетки в стране зарегистрировано 18,4 тысячи пожаров, при которых погибло 927 человек и получили телесные повреждения и отравления 512 человек. Материальный ущерб от пожаров составил 15,6 млн. рублей. Причем значительная часть пожаров не взята на госучет, так как они ликвидируются населением и в пожарную охрану о них не сообщается».

(Из докладной записки, направленной заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Маслюкову Ю. Д.)

Привожу выдержку из ответа Минпромсвязи:

«Вопрос о возгорании телевизоров по аналогичным материалам Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома подробно рассматривался в Минпромсвязи. По результатам рассмотрения издана служебная записка министерства, в которой установлен ряд мероприятий технического и организационного характера с целью предотвращения случаев возгорания телевизоров».

Между беспокойством одного министерства и ответом другого лежит десять лет времени и кладбища, на которых покоятся трое детей гражданина Волченко из Соликамска Пермской области, трое детей гражданина Алескерова из совхоза «Чилинский» Кзылкумского района Чимкентской области, пятеро детей гражданина Есмуратова из Джезказгана и еще многие сотни наших маленьких и взрослых сограждан, сгоревших, задохнувшихся в дыму, отравленных «токсичными продуктами технического разложения деталей телевизора».

Им бы жить да жить, если бы бумажонка № ИК-2787 от 5 августа 1976 года, согласно которой «вопрос о возгорании телевизоров... подробно рассматривался», не была бы заурядной отпиской. А точнее, преступной, ибо реального дела за ней не последовало — последовали новые пожары. И новые обращения пожарных к совести Минпромсвязи. И очередные успокоительные обещания.

Вот почему я позволил себе сопоставить нынешнюю докладную МВД по невеселым итогам XI пятилетки с документом десятилетней давности. Ибо даты в данном случае не имеют ни малейшего значения. Равно как и слова, вслед за ними журчащие.

Ну вот лежит передо мной пятистраничное информационное письмо от 3 июля 1981 года, подписанное тогдашним начальником УПО ГУВД Мосгорисполкома. И заводы в нем поименованы, чьи телевизоры горят чаще всего, и причины этих пожаров называются, и леденящих душу примеров сколько угодно... А рядом — очередной приказ Минпромсвязи за № 237 от 30.05.83 г. «О мерах, направленных на уменьшение пожароопасности телевизоров». Меры, если верить шести машинописным страницам, в конце того мая намечались самые серьезные, но направлены были все-таки куда-то не туда. Во всяком случае, не в сторону Витебска, где в октябре того же года собрали огнедышащее чудище, погубившее ленинградскую девочку.

Эти и многие другие бумаги попали мне в руки после долгих хождений по всякого рода инстанциям, связанным с телевизионной техникой. Беседовал с теми, кто ее проектирует, выпускает, обслуживает, продает, встречался с людьми замкнутыми, словоохотливыми, осторожными, откровенными. Если же суммировать сказанное, получилось именно то, о чем из года в год твердят пожарные: основной причиной возгорания отечественных телевизоров является несовершенство их конструкции, использование большого количества горючих материалов, воспламеняющихся при электрических пробоях, коротких замыканиях и других неисправностях.

Ваше счастье, если в этот неприятный момент вы оказались рядом, не сплоховали, под рукой была вода. Ну, а не дай бог вышли куда, заговорились в соседней комнате по телефону... Электрическая дуга, образующаяся при замыкании, действует как фантастический гиперболоид — плавит даже металл.

«Экспериментальное сжигание цветного телевизора «Электрон-714» в закрытом помещении размером 4×4×2,8 м показало, что при горении за 15—20 минут образуются опасные для здоровья человека концентрации очень токсичных продуктов термического разложения и высокая температура, а также происходит активное выделение копоти, которая покрывает поверхность стен, потолка, мебели слоем 0,5—0,8 мм. Свободный объем помещения заполняется взвешенной в воздухе сажей, видимость уменьшается до 0,2—0,25 м. Концентрация токсичных веществ через 20 мин. после начала эксперимента составляла в воздухе: окиси углерода — 84 мг/м³ — предельно допустимая концентрация для человека равна 20 мг/м³ (показания по фенолу, стиролу, формальдегиду, цианистому водороду столь же устращающи.— Прим. авт.). Опасная для жизни человека температура (более 70°С) возникла через 10 мин. после начала горения телевизора на расстоянии трех метров от него. Эти данные свидетельствуют, что в жилых комнатах площадью 16—20 кв. м опасные для жизни человека концентрации наступают через 10—12 мин. после начала пожара».

(Из информационного письма УПО ГУВД Мосгорисполкома.)

Ну, а если человек растерялся, испугался, если он инвалид, не может ни убежать, ни позвать на помощь? Скупые строки протоколов рассказывают о подвиге жены, спасшей парализованного мужа, но погибшей от ожогов, о пожилом человеке, предотвратившем пожар в доме, но скончавшемся спустя день от сердечного приступа, спровоцированного пережитым потрясением...

И сколько таких трагедий, невидимых миру слез... Чего ради? Стоят ли все телепередачи, вместе взятые, хотя бы одной человеческой жизни?

Хотя при чем тут телепередачи... Как вообще можно было доводить дело до такого абсурда, превратив одно из значительнейших технических достижений человечества в его кровожадного врага? Да, на сегодняшний день цветные телевизоры самые сложные из бытовых приборов, находящихся в нашем доме. Несколько министерств причастно к их выпуску: у пожарников есть серьезные претензии к Минхимпрому, Миннефтехимпрому и Минэлектротехпрому, не принимающим должных мер к разработке, организации производства полимерных материалов с необходимыми показателями по электропожаробезопасности.

Разумеется, у этих министерств тоже есть свои необязательные смежники, а у тех уважительные причины, объясняющие их необязательность. А все мы в итоге имеем очередной вариант сказочки про белого бычка: телевизоры плохие есть, а плохих, то бишь непосредственно ответственных за это, людей вроде как бы и нет.

И все-таки давайте спросим не кого-нибудь, а Минпромсвязи: ну как можно было запускать в миллионные серии аппараты типа «Электрон-714», «суммарная горючая загрузка которого (цитирую очередной документ) при общем весе 55 кг равна 21,9 кг»!

Ведь не наивные мальчики там работают, знают про все беды нашей экономики, могли представить, что и какого качества будут поставлять им предприятия других ведомств, как станут обслуживать несовершенную технику немощные мастерские и к каким последствиям все это может привести.

Но вот случилось то, что должно было случиться,— запылали пожары. Уже не год, не два, набирая силу, полыхают они. Какие же еще нужны доказательства неподготовленности нашей промышленности к производству цветных телевизоров? И если Минпромсвязи не в силах отвести возможную беду от нашего дома, разве не честнее было бы остановить конвейеры, принародно покаяться: не доросли, мол, мы до столь сложной техники, не можем обеспечить ни качество, ни безопасность.

Вдумайтесь, какое дело нам, покупателям, до межведомственных несогласований, распрей, недопоставок и т. п. Наше дело — платить деньги за товар, которого не надо бояться, и получать за эти немалые деньги удовольствие, а не смертельные ожоги и отравления. Никаких компромиссов, оправданий в данном случае быть не может — даже горький пьяница, заснувший у включенного телевизора, имеет право проснуться живым.

Увы, унынием дышит упоминавшаяся выше докладная МВД. В ней что ни строка, то обвинение в адрес Минпромсвязи и иных организаций, упорно не желающих нам добра. И ладно бы требовалось от них что-то невозможное — не внедряется даже позарез необходимое, например, давно известные автоматические устройства, отключающие телевизоры от сети при аварийных ситуациях, возгораниях и окончаниях передач.

Зато полна оптимизма реклама, восхваляющая достоинства «Рубина Ц-208», «Березки Ц-202», «Славутича Ц-202» и других полностью полупроводниковых телевизоров с использованием интегральных схем и модульной конструкцией. Верно, это представители нового поколения. И хотя до лучших мировых образцов им еще далеко, по крайней мере горят они значительно реже своих предшественников. Ну, а как быть со старыми моделями, которых только в Ленинграде эксплуатируется около 250 тысяч?

В свое время их владельцам вроде бы бросили своего рода спасательный круг: специальным распоряжением ремонтным предприятиям минбытов союзных республик предписывалось произвести замену строчных трансформаторов в эксплуатируемых телевизорах на трансформаторы в невозгораемом исполнении.

Идея в основе здравая, так как именно этот узел искрит чаще всего. Но торопливое вторжение мастеров в недра пожилых телевизоров особой пользы тем не принесло—пылают они по-прежнему, только теперь вместе с новыми трансформаторами.

Однако тут уже начинаются проблемы сервиса, углубляться в которые в данном случае не стоит. Сами, полагаю, имели дело с телемастерами, знаете, как они работают, чем оправдывают свою необязательность, небрежность. Добавлю только, что заходил я в мастерскую по ул. Зверинской, д. 38, где должны были следить за здоровьем сгоревшего в январе 1987 года «Витязя». Там выяснилось, что я ошибся: по документам в марте (!) он числился среди своевременно обследованных и благополучно здравствующих. Моя печальная новость ни шока, ни удивления не вызвала. «Загляните денька через два-три,— посоветовали мне.— Инженер подготовит техническое заключение».

Хотелось бы знать, о чем?

...Вы, наверное, обратили внимание, что все свои упреки я адресую достаточно безлико, обращаясь в основном к совести Министерства промышленности средств связи. А что такое совесть министерства, в каком кабинете она сидит, по какому телефону ей можно позвонить? А может, и нет такой единицы в штате или она давно в бегах, скрывается от правосудия: как-никак на ней 927 убитых и 512 покалеченных только за одну пятилетку.

Так с кого же спросить за эти жизни?

Ах, как удобно и просто было бы отнести всех пострадавших к безответному ведомству «несчастных случаев», перевести пожары и некогда живые души в условный мир безликих процентов, число которых в сопоставлении с общим количеством выпущенных телевизоров будет, конечно же, невелико...

Но остаются души скорбящие. И скорбь эту не утешишь ни грозными приказами по министерству, ни денежной компенсацией, за которой потерпевшему еще надо обращаться в суд.

Так что, вспоминая свой первый наивный порыв, билет до Витебска, думаю: а может, стоило все же поехать? По паспорту, оставшемуся от сгоревшего телевизора, найти людей, его собиравших,— наверняка неплохих специалистов своего дела, которые не могли не знать, что из тысяч собранных ими аппаратов один скорее всего окажется миной замедленного действия.

Найти и спросить: а что с ними со всеми случилось бы, если бы они не захотели стать соучастниками возможного преступления, отказались собирать из брака, пришедшего с других заводов, брак собственный, на котором будет стоять не чье-то — их рабочее клеймо?

Понимаю, был бы шумный скандал с оргвыводами, полетели бы премии, покачнулась зарплата. Согласен, что это не лучший, не самый действенный способ борьбы с браком, межотраслевой неразберихой.

Но есть ли другой?

Уповая на очередную реконструкцию экономики, участвуя в ней, мы временно потерпим мозоли от плохих ботинок, подтянем пояса в предвкушении мясо-молочного изобилия, перетопчемся на имеющихся квадратных метрах в ожидании отдельных квартир.

Но есть вещи, которые откладывать нельзя.

Нельзя заниматься словесной эквилибристикой, зная, что в среднем каждые два дня из-за неисправного телевизора гибнет человек. Вот почему единственно разумным представляется мне робкое предложение некоторых специалистов не чинить и усовершенствовать, а попросту изъять из обращения все выпущенные модели лампово-полупроводниковых телевизоров.

Робость эта понятна — магазины завалены всякого рода «Витязями», «Радугами» и т. д., причем цены на них, сравнительно с новыми моделями, заманчиво снижены на 100—150 рублей. Отправить их в утиль — это значит нанести многомиллионные убытки Минпромсвязи, торговле. Кто же, мол, на это решится?

Посмотрите еще раз на фотографию Марины Лешовой.

И скажите, кто?

●

ПОКА ТОЛЬКО В ЛЕНИНГРАДЕ...

О санитарном состоянии парижских туалетов писали Мопассан, Дюма-младший, а Луи-Себастьян Мерсье в «Картинах Парижа» сказал добрые слова в адрес Французской Академии наук, «не побрезговавшей заняться этим вопросом».

После знакомства с заметкой Софьи Тимофеевой («Огонек» № 15) «Разбудить достоинство» и недавней командировки в Ленинград и я хочу сделать свой скромный вклад в освещение острой житейской темы

...Москва, площадь трех вокзалов. Молодая женщина вышла из подземного грота с буквой «Ж».

— Не испугаюсь, если даже укажете мою фамилию. Отстояла в очереди сорок минут. Десять минут ушло на то, чтобы вымыть руки. К тому же входить в это заведение можно только в противогазе.

Подошедшие вскоре к перрону поезда вдвое увеличили молчаливую очередь, так как «на несколько лет», о чем сказала дежурная по вокзалу, закрыт вспомогательный туалет в десяти шагах от вокзала...

Но скорее в Ленинград!

Внимательно вчитываюсь в строки решения Ленсовета о создании Объединения специализированных услуг по содержанию, эксплуатации и ремонту платных общественных туалетов. Строительство новых поручено вести крупным организациям, первым в списке, кстати, стоит Главное управление культуры.

В некоторые туалеты, открытые на Невском, люди заходят полюбопытствовать. В окнах корзины алых роз, работает озонатор. На почтительном расстоянии входы в мужской и женский залы. Я не оговорился: плати десять копеек — и ты в зале, где тебе предложат в пакете влажную салфетку для лица, полотенце разового пользования. И зеркала, зеркала, бело-розовый кафель... Особое внимание комнате для причесывания. И опять же — просторно!

Директор объединения В. П. Мелетич считает, что главное сегодня — сломать стереотипы: мол, второстепенная житейская проблема.

— Не поверите, иностранные туристы с половины экскурсий требуют везти их снова только в гостиницу и лишь затем опять любоваться городом... Объединение на полном хозрасчете. У нас одиннадцать межрайонных цехов. Первые достаточно крупные суммы поступлений от платных туалетов израсходованы на их содержание. Зарплата уборщиц превышает двести рублей.

...Семнадцать современных туалетов действовали в Ленинграде в июне. К концу года их будет больше трехсот.

Лимарий **СЕМЕНОВ**

ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ

Илья ЭРЕНБУРГ

Двенадцать лет — с 1954 по 1966-й — я был депутатом от различных районов Латвии, из них восемь лет от города Даугавпилса и соседних районов. Вероятно, избирательные участки доставались мне потому, что в них жили люди различных национальностей: русские, латыши, евреи, поляки, белорусы, литовцы; разговорным языком почти повсюду был русский. Когда перед выборами я приехал в одно старообрядческое село возле Даугавпилса, колхозники, бородатые и похожие на дореволюционных русских крестьян, встретили меня с подносом — хлеб, соль. Они говорили: «Слава тебе господи, прислали русского!..»

Депутат Верховного Совета должен тратить свои силы не на коротких сессиях, где он слушает и голосует, а в любое время года: он выполняет просьбы местных властей и куда чаще обиженных судьбой избирателей, он адвокат, ходатай, толкач. Даугавпилс стоил мне много трудов, и, вспоминая о нем, я до сих пор чувствую шишки на лбу от пробитых и непробитых стен. Трудно назвать этот город благополучным и спокойным. Он менял наименование, некогда был Динабургом, потом Двинском и после присоединения Латгалии к Латвии сделался Даугавпилсом. Правили им различные власти: рыцари Ливонского ордена, Речь Посполита, шведские короли, русские губернаторы, Совет рабочих депутатов, айзсарги Ульманиса, наконец, Советское правительство.

В Динабургской крепости томился Вильгельм Кюхельбекер, Кюхля, над судьбой которого мы вздыхали, читая роман Тынянова. В военном городке я увидел разбитую мемориальную доску, которая напоминала об этой давней трагедии. Почти полтора века Двинск был уездным городом Витебской губернии, и накануне первой мировой войны в нем числилось сто двенадцать тысяч жителей — больше, чем в губернском Витебске.

Я никогда не был в дореволюционном Двинске и сужу о нем по книгам да по рассказам старожилов. Один пенсионер в Даугавпилсе восторженно вспоминал 1905 год: "Все, знаете, кипело. С утра до ночи митинги. Я помню, как выступал один большевик, его звали Александром, у них были совсем другие имена, чем на самом деле, он вышучивал царя, как цыпленка. У большевиков был клуб, туда ходили все, даже солдаты из крепости. Там был товарищ Мефодий, так если случалось скандальное происшествие, идут не к приставу, а к Мефодию, честное слово! Пели «На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ!..». Митинги устраивали и на площади, и в театре, и в синагоге. Раввин прибежал, кричит «ша!», не тут-то было...» (Потом я узнал, что Мефодием был Д. З. Мануильский, с которым я в молодости встречался в Париже.)

По официальным данным, в Двинске в 1914 году было четыре театра и три кинематографа. Первый русский театр открылся в Динабурге в 1857 году; антрепренер, он же актер Медведев, писал, что Динабург был «беднейшим и грязнейшим городом России», но любители пробирались в театр по темным улицам.

Треть жителей в дореволюционном Двинске были евреи. За шесть недель до начала первой мировой войны в Двинск приехал Шолом-Алейхем — читал в театре свои рассказы. Он писал одному из своих друзей: «Такого приема, как в Двинске, я не видел нигде. Вокзал был заполнен еврейской молодежью, засыпан цветами, и всю дорогу от вагона до кареты покрыли цветами... Офицеры, жандармы, полиция чрезвычайно удивлялись. Одни говорили, что приехал знаменитый раввин, другие, что это, наверно, еврейский Чехов или Горький». На вечер пришло столько народу, что пришлось его повторить.

В Двинске родились советские беллетристы Л. И. Добычин, А. Т. Кононов и Александр Исбах. По словам «Литературной энциклопедии», Добычин, автор трех книг, был талантливым писателем, но критика его обвиняла в том, что «он сгущает мрачные краски, описывая действительность». В 1936 году, не дожидаясь оргвыводов, Добычин, которому было сорок два года, кончил жизнь самоубийством[1]. Не знаю, как сложилась жизнь Кононова. А. Исбах хлебнул горя: его обвинили в «космополитизме» и отправили в лагерь, где его грозили убить бандеровцы, в свою очередь, не жаловавшие «космополитов»; однако он вернулся живой и сохранил до сего времени энтузиазм былого комсомольца.

В годы 1919—1940 Даугавпилс захирел. В нем осталось сорок тысяч жителей, уехали ремесленники, лавочники, позакрывали многие фабрики. «Большая Советская Энциклопедия» писала, что во времена Ульманиса Рига рассматривала Латгалию как полуколониальную страну. Домов не строили, кроме одного, который должен был показать жителям Даугавпилса мощь Латвии: это было здание с двумя большими залами — театр и концертный зал, с бассейном для плавания, гостиницей и музеем. Жилищного кризиса не было, так как население уменьшилось втрое.

Во время войны было разрушено полностью 1687 жилых домов и частично 1490. В 1914 году в Двинске было 6300 жилых домов. После Отечественной войны две трети домов были разрушены. А население начало расти. Правда, меньше стало уроженцев города. Евреев, не успевших эвакуироваться (Даугавпилс был занят гитлеровцами на четвертый день войны), сначала переселили в гетто, а потом убили в одном из пригородов. Часть чиновников Ульманиса убежала в Швецию. Зато многие демобилизованные поселились в Даугавпилсе — у одного гитлеровцы сожгли дом, у другого убили семью, третий за годы войны отвык от прежнего быта и пытался устроиться на новом месте.

Когда в начале 1954 года я впервые приехал в Даугавпилс, многие семьи ютились в темных подвалах, в бараках, даже в военных убежищах, где люди прятались от бомб. На одну душу приходилось четыре квадратных метра жилплощади — чуть больше, чем полагается мертвецу на кладбище.

Разрушенные частично дома залатали. Счастливчики устроились — кто получил квартиру, кто построил домишко. В 1956 году приходилось на человека пять метров, в 1960 году — шесть. Однако эти цифры не отражали действительности: ведь были в городе и люди, занимавшие просторные квартиры. А были и семьи из четырех-пяти душ, которые задыхались на шести квадратных метрах. Передо мной были не цифры, а живые люди, ждавшие меня с раннего утра в приемной. Чуть ли не каждый день я получал письма, и большие кривые буквы кричали: «Мы не живем, мы мучаемся и гибнем. Спасите!»

Мне сейчас тесно от множества папок с письмами из Даугавпилса. Меня обступает давняя тоска. Я взял наугад несколько десятков писем. Л. Мацкевич писала: «Я понимаю, что вы тоже человек, хотя и больших заслуг». Она пишет, что живет с мужем и двумя детьми в комнате из одиннадцати квадратных метров, стоит на очереди остро нуждающихся в жилплощади с 1950 года, а пишет она в 1958 году. Инвалид Дермидович жил на чердаке с вертикальной лестницей — пять с половиной метров, с ним жена и четырехлетний ребенок, который дважды падал с лестницы, получая тяжелые ушибы. В 1959 году Дадыкин с женой, и двумя детьми, и с братом помещались на десяти квадратных метрах. Дворник пединститута Сергеенко жила у родителей, там было шесть душ и девять квадратных метров. Адвокат Гейн шестидесяти лет жил со старшей сестрой в конуре; они спали по очереди на одной кровати, поставить другую не было места — спали на табуретках, тринадцать лет он стоял на очереди. Чумилова жила на десяти метрах с мужем, у которого был острый туберкулез, и с тремя детьми. Она была на очереди с 1957 года 689-й, а в 1960-м — 676-й. «По такому расчету я получу комнату через тридцать лет — после смерти». Сергеева проживала в аварийном доме — лестница обвалилась, печь не действовала, прожила она так семь лет. Пасторс с ребенком жила в сырой каморке — пять с половиной квадратных метров — шесть лет, я писал о ней, просил, наконец ей дали комнату: «Вы спасли моего ребенка от верной смерти». Семья Шутова из восьми человек ютилась в развалившейся комнате на пяти квадратных метрах. Актер городского театра Демидов вместе с другими актерами жили в служебном помещении — шесть квадратных метров, с ними ночевала молодая актриса, которая, не вытерпев таких условий, уехала в другой город. Уборщица Дмитриева должна была платить частнику за угол десять рублей, а получала она тридцать рублей в месяц. Мужа не было, но был ребенок. Жуковы с ребенком имели пять квадратных метров — прикухонное помещение. Скерба, бывшая подпольщица при немецкой оккупации, с мужем и тремя детьми жили на шести квадратных метрах. А. А. Анцанс писала: «Живу с матерью, которой семьдесят три года, на кроватном месте, три сына матери погибли на Отечественной войне, четвертый получил контузию и стал инвалидом... Разве не смехотворно, что за пять лет мы продвинулись всего на четыре номера!» Работница «Красного мебельщика» молила: «Не могу дольше жить с мужем и четырехмесячным малышом в кладовке, притом проходной — семи метров...» Муж Созоненковой погиб, она работала и получала (в старых рублях) в месяц 230 рублей, из них она платила частнику за комнатку 60 рублей, за свет 15. Жила она за городом, и 15 рублей обходился проезд трамваем к месту работы. У нее был сынишка. «Остается 135 рублей, на них мы никак не можем прожить... Сейчас зима, холодно — не отапливают. Как дальше быть?» Мосляковой дали десять метров, но в аварийном доме, печь не действовала, и дверь была стеклянная, с нею жил отец восьмидесяти трех лет и больной ребенок. Педагоги Семеновы и дочь восьми лет жили в четырех километрах от города на семи квадратных метрах. Хватит считать квадратные метры и мерить человеческое горе, я мог бы привести сотни сходных жалоб, но я пишу не доклад председателю исполкома, а книгу воспоминаний. Пусть читатель представит себя на полутора-двух квадратных метрах — здесь ему не до чтения мемуаров, а повеситься только, как

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—24.

[1] См. «Литературная энциклопедия», т. 2, М., 1964, а также «Огонек» № 12, 1987 год.

это сделал один рабочий даугавпилсского завода.

В 1957 году пленум горсовета принял резолюцию: «Исполком горсовета допускал серьезные ошибки в распределении и закреплении жилплощади. Зачастую жилплощадь предоставляют гражданам без установленной очереди. Так, в этом году из 111 семей, получивших жилплощадь, 44 семьи не состояли на очереди». Местные власти объясняли мне, что им приходится предоставлять квартиры специалистам, советским и партийным работникам, которых присылает Москва или Рига. Были, наверно, и злоупотребления. Я много раз предлагал, чтобы списки стоящих на очереди были вывешены в горисполкоме — каждый тогда мог бы проверить, кому дали квартиру или комнату в построенном доме, но мои предложения неизменно отклонялись. Все же дело было не в ломтях хлеба, неправильно распределенных, а в недостатке муки. С 1960 года начали больше строить жилые дома, и положение несколько улучшилось.

(Конечно, все условно: в справке, представленной мне исполкомом, 1 августа 1960 года в Даугавпилсе жили в домах аварийных и подлежащих сносу 1267 человек, а на очереди за получением жилплощади числилось 3336 душ; следовательно, всего 4603 человека жили в тесноте и в обиде. Но дома строили — и у злосчастных обитателей лачуг или подвалов появилась надежда.)

Я не раз обращался и к председателю Совета Министров СССР, и в Секретариат Центрального Комитета и в 1954, и в 1957, и в 1960 годы — просил ускорить строительство жилых домов и промышленных предприятий, которые позволили бы дать работу женщинам.

В 1957 году в Даугавпилсе на заводах и фабриках, в различных мастерских работали всего 8400 человек, а о трудоустройстве просили 6000— главным образом женщины, которые не могли рыть землю или таскать камни. Я поддержал просьбу горкома и горисполкома построить часовой завод, кабельный завод, крупную трикотажную фабрику, расширить завод «Электроинструмент», фабрику «Красный мебельщик» и мясокомбинат. Часть предложений была принята, и в этом вопросе, чрезвычайно остром, также наметилось улучшение.

Остро стоял вопрос о пенсиях: старые обитатели Даугавпилса по большей части не обладали документами о прежней работе. Передо мной одно из последних дел — Т. Д. Трофимову назначили в 1950 году пенсию, а десять лет спустя перестали ее выплачивать: пересмотрели документы и заявили, что он не доработал до срока трех месяцев. Старику было восемьдесят три года, и работать больше он уже не мог. Выяснилось, что отдел социального обеспечения при эвакуации сжег документы. Дело перешло в латвийское министерство, и год спустя признали, что виноват отдел, и удовлетворились свидетельскими показаниями — он начал получать, как указывал документ, «30 рублей 71 коп.».

Порой я помогал местным властям. Я раздобыл, например, четыре километра рельсов для ремонта трамвайного пути. Порой мне приходилось бороться с затверженными навыками прежней эпохи. Парк и скверы были в жалком состоянии, отвечали: «Нет средств». Между тем отпущенные на озеленение города деньги потратили на часы из цветов, которые вскоре остановились. Освещали, как Бродвей, центральную площадь возле гостиницы и путь до нее от вокзала, а улицы окраин вовсе не освещались, и остряки называли их «Костеломными». Я написал об этом статью в местной газете, которая не всем понравилась. До часа дня в городе нельзя было позавтракать: рестораны предпочитали вечерние часы, когда посетители пьют не чай, а водку. Командировочным в гостинице ничего не отпускали. Конечно, это мелочь по сравнению с проблемами трудоустройства и жилплощади.

Почему я посвятил Даугавпилсу главу, может быть, скучную для читателя? В этом неблагополучном городе я узнал изнанку жизни. Мне было под семьдесят, изнанка не могла скрыть от меня лицевой стороны, я видел несчастье и успехи, пот людей и горы канцелярской бумаги — писателю нужно знать все. Я знаю молодых авторов, которые написали по одной хорошей книге, а потом, перекочевав в Москву, стали ездить в международных вагонах в Ялту и встречаться только со своими коллегами. Немудрено, что ничего путного они больше не писали. Учиться надо и в старости, иначе придется умереть задолго до смерти.

Я рад, что участвовал в повседневной жизни города, не знаю, почему именно мне пожалованного. Знаю я философов, которые, прочитав такое, пренебрежительно отмахиваются: «Это малые дела». Обычно подобные рассуждения исходят от людей с весьма передовыми идеями, но с душевной ленью. Нет малых дел: есть работа, и есть безделье, есть участие и холод сердца. Вот почему я и написал про мой Даугавпилс.

16

В седьмой части этой книги я писал о годах, о людях и куда меньше о своей жизни. Правда, события, о которых я рассказывал, разуверения и надежды были тесно связаны с моей судьбой, но они не отделены ни от меня, ни от читателей длинными десятилетиями, их помнят даже молодые; перестав быть газетными новостями, они еще не стали историей. Это заставило и заставляет меня многое опускать, повествование становится суше, чем того хотелось.

Осенью 1957 года я неожиданно для себя начал писать стихи. Это было в яркий холодный день осени. Я стучал на машинке, поглядел в окно.

...И вдруг, порывом ветра вспугнуты,
Взлетели мертвые листы,
Давно растоптаны, поруганы
И все же, как любовь, чисты,
Большие, желтые, и рыжие,
И даже с зеленью смешной,
Они не дожили, но выжили
И мечутся передо мной.
Но можно ль быть такими чистыми?
А что ни слово — невпопад.
Они живут, но не написаны,
Они взлетели, но молчат.

Так я закончил первое стихотворение, написанное после перерыва в десять лет. Все, что приключилось в мире за последнее десятилетие, заставляло меня часто и мучительно думать о людях, о себе; эти мысли выходили из рамок исторических оценок, становились невольными итогами длинной, трудной и зачастую сбивчивой жизни.

Помню, как Фадеев, защищая поэзию Ольги Берггольц, советовал ей отказаться от термина «самовыражение». Действительно, много слов, начинающихся с предлога «само», звучат скорее порицательно: самовластие, самоуправство, самохвальство, самочинство, самообожание, самонадеянность, самодовольство и так далее. Однако лирическая поэзия слишком часто является именно самовыражением или, если слово не нравится, дневником. В отличие от дневников стихи могут быть связаны с одним часом или с долгими годами жизни, но они неизменно рассказывают о том, чем жил автор, об его мыслях и чувствах. Разумеется, не каждый читатель примет то или иное стихотворение как выражение его мыслей и чувств, но каждый, прочитав то или иное стихотворение, неожиданно удивится: как точно выразил поэт то, о чем он смутно думал.

Шестьдесят лет назад Брюсов провозглашал: «Быть может, все в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов»; это было одним из многочисленных литературных манифестов, и, конечно, для самого Брюсова многие события — и личные, и общественные — были не средством, а сущностью. Мой поэтический дар и мастерство весьма ограничены, и, вспомнив еще раз слова на «само», я вправе сказать, что никогда не страдал самообольщением. Мои стихи — это дневники; в списке членов Союза писателей я значусь «прозаиком». Если в книге воспоминаний я не раз останавливался на моих стихах и теперь снова к ним возвращаюсь, то только для того, чтобы рассказать о самом себе. Стихи отвлеченнее и вместе с тем конкретнее прозы, в них можно рассказать о большем, не впадая в ту нескромность, которая всегда мне претила.

Я рассказывал, как XX съезд потряс и моих соотечественников, и граждан зарубежных стран, как в любой советской семье шли разговоры, полные страсти, как один из французских догматиков мне говорил: «У вас происходит термидор», как Роже Вайян плакал одновременно и над Сталиным, и над его жертвами. Может быть, иному читателю может показаться, что я наблюдал события 1956 года со стороны, как бесстрастный летописец. Нет, я многое передумал, и буря противоречивых страстей трепала меня, как утлое суденышко среди разъяренного моря.

В 1938 году, думая над тем, что происходило в нашей стране, я писал стихи, полные отчаяния:

Додумать не дай, оборви, молю, этот голос,
Чтоб память распалась, чтоб та тоска раскололась...
. . . .
Чтоб биться с врагом, чтоб штыком — под бомбы, под пули,
Чтоб выстоять смерть, чтоб глаза в глаза заглянули.
Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость,
Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось.

Двадцать лет спустя, узнав и пережив многое, я думал над тем, «что с нами в жизни случилось». Обращаясь к воображаемым «детям юга», я говорил:

...Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,
Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.
А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
А только гордость и беда.

Я говорил, что не мог поверить во многое из того, что писали или говорили о «врагах народа», никогда я не подписывал обращений, требовавших смерти мнимых «предателей». Однако я не хочу выставлять себя как мудрого и смелого изгоя. Подобно всем моим соотечественникам, я «вжился» в зимы сталинских лет. В декабре 1949 года я написал статью «Большие чувства» и в ней рассказывал о том обожании Сталина, которое я видел и у нас на фронте, и в Испании, и среди французских партизан. Эта статья может быть справедливо отнесена к «потоку приветствий». Обожествление человека тогда мне казалось цементом нашего общества, порукой, что идеи Октября будут ограждены от врага. Я не думал оправдывать себя: не веруя, я поддался всеобщей вере. Я проклинал слепую веру:

...Вера — очки и шоры.
Вера двигает горы.
Я человек, не гора.
Вера мне не сестра.
. . . .
Видел, как люди слепли,
Видел, как жили в пекле,
Видел — билась земля.
Видел я небо в пепле.
Вере не верю я.

Порой, задумываясь о недавнем прошлом, я сурово судил и себя, и всех, с которыми я встречался, плотное молчание, как густой туман, стоящее вокруг, шепоток — такой-то «загремел» — и обычные каждодневные заботы. Я писал о том, что казалось мне воздухом в шахте, глотком воды в каменной пустыне:

Есть надоедливая вдоволь повесть,
Как плачет человеческая совесть.
. . . .
Она скулит, что день напрасно прожит
И что не лезет вон никто из кожи,
Что убивают лихо изуверы
И что вздыхают тихо маловеры.
Она скулит, никто ее не слышит —
Ни ангелы, ни близкие, ни мыши.
Да что тут слушать? Плачет, и не жалко.
Да что тут слушать? Есть своя смекалка.
Да что тут слушать? Это ведь не дело,
И это всем смертельно надоело.

Что меня поддерживало? Верность. Я повторялся: еще в 1939 году я написал стихотворение «Верность» (так назывался и сборник стихов).

...Грусть и мужество — не расскажу.
Верность хлебу и верность ножу.
Верность смерти и верность обидам.
Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься! Пройдут по тебе.
Верность сердцу и верность судьбе.

В 1957 году я кончал стихотворение о вере:

...Верю тебе лишь, Верность,
Веку, людям, судьбе.

Вспоминая пути и перепутья моей жизни, я видел в них некоторую единую линию:

Одна судьба — не две — у человека.
И как дорогу ту ни назови,
Я верен тем, с которыми полвека
Шагал я по грязи и по крови.

«Грязь и кровь» для меня были не логическим следствием идей Октября, а их попранием. Я не мог понять некоторых зарубежных друзей, которые еще недавно прославляли не только Сталина, но его опричников, одописцев и богомазов, а услышав правду о недобрых годах, усомнились в самой возможности более справедливого общества. Религии знали фанатиков и отступников — они держались на вере и на отказе от веры, но как все это далеко от поединка между старым и новым миром! Меня поддерживал героический труд нашего народа, его самоотверженность в годы войны, его творчество, загнанное под землю и все же пробивавшееся из-под земли живыми родниками. Стихи я писал не в 1956 году, а в 1957—1958 годах, когда наступили заморозки, когда Н. С. Хрущев перед Мао Цзэдуном восхвалял Сталина, когда любой расторопный газетчик выливал на меня ушаты грязи; и все-таки я знал, что земля вертится, что к прошлому нет возврата. Я писал о часовом:

Быть может, и его сомненья мучают.
Хоть ночь длинна, обид не перечесть.

Но знает он — ему хранить поручено
И жизнь товарищей, и собственную честь.

Мои стихи не ограничивались теми сложными и трудными вопросами, которые стояли перед всеми нами после 1956 года. Я впервые ощутил свой возраст. Нужно было многому научиться в той науке, которой не преподают ни в какой школе. Я говорю о «соседе», которого знал слишком хорошо:

Погодите, прошу, погодите!
Поглядите, прошу, поглядите!
Под поношенной, стертой кожей
Бьется сердце других моложе.

Я писал о подмосковном саде, в котором многие цветы зацветают накануне первых заморозков, и признавался:

И только в пестроте листвы кричащей,
Календарю и кумушкам назло,
Горит последнее большое счастье.
Что сдуру, курам на смех расцвело.

Я впервые усомнился в том материале, с которым связал свою длинную жизнь,— в верности и точности слова. Конечно, я и раньше страстно любил стихи Тютчева о молчании и часто повторял про себя: «Молчи, скрывайся и таи»,— но те опавшие листья, с которых я начал первое стихотворение, были именно словами, бессилием выразить себя. Мне казалось, что я чувствую природу слова, его цвет, запах, нежность или грубость оболочки, но любое слово падало в бессилии, повышавшее или принижавшее. Я видел, что не могу сказать того, что хочется:

Ты помнишь — жаловался Тютчев:
«Мысль изреченная есть ложь».
. . . .
Ты так и не успел подумать,
Что набежит короткий час,
Когда не закричишь дискантом,
Не убежишь, не проведешь,
Когда нельзя играть в молчанку,
А мысли нет, есть только ложь.

Это было не только признанием своей поэтической беспомощности да и не только самовыражением. В повести И. Грековой, напечатанной пять лет спустя, я нашел такой разговор молодых сотрудников лаборатории о моих стихах:

«...— Ведь он не нов... ведь он готов, уютный мир заемных слов. Лишь через много-много лет, когда пора давать ответ... мы разгребаем... да, кажется, разгребаем... мы разгребаем груду слов — ведь мир другой... он не таков... слова швырнем мы в окно и с ними славу заодно...

— Что это? Постой, что это?
— Не что, а кто, дурья голова.
— Ну, кто это?
— Это он. Эренбург».

Мне кажется, что в этой главе я хотя бы условно и, наверное, художественно маловыразительно рассказал о моей жизни тех лет, о клубке, где сплетались различные нити. Может быть, читатели о многом другом догадываются — они ведь не далекие потомки, а мои современники.

* * *

Иногда незначительные происшествия остаются в памяти и заставляют о многом задуматься. Я хочу рассказать злополучную историю моих многолетних попыток ввести в наш обиход зимний салат, который на Западе называют «витлуфом» («белая головка») или «брюссельским цикорием». Бельгийцы действительно усердно выгоняют этот салат, экспортируют его в различные страны Запада, за что получают ежегодно около восьми миллионов долларов.

Почему прельстил меня этот салат? Я много лет прожил в Париже и привык зимой есть свежий салат. У нас свежие овощи можно найти в магазинах или на рынке с мая по октябрь, а в остальное время года ничего свежее квашеной капусты, соленых огурцов или в лучшем случае зеленого лука не достанешь.

Как-то давно я привез из Парижа пакет семян брюссельского цикория, посеял, выросли огромные изумрудные листья, я их попробовал и долго отплевывался — салат оказался горче хинина.

Оказавшись в Брюсселе, я рассказал Изабелле Блюм о своей неудаче; она повезла меня в Высшую сельскохозяйственную школу, где меня научили, как следует выращивать витлуф. Оказалось, что его высеивают в начале лета, после первых заморозков листья отрезают, а корнеплоды, похожие на крупную морковь, кладут в погреб. Витлуф можно выгонять с октября по апрель в ящиках с любой землей, под стеллажами теплиц или в другом темном помещении. Ровно через месяц получаются кочаны, они не зеленые, а почти белые. Этот салат как бы предназначен для условий центральной и северной России — зимой дни у нас куцые, и ничего другого не вырастишь без дорогого подсвечивания.

Я подружился с молодым научным сотрудником Тимирязевской академии Н. Г. Василенко, человеком одаренным и, как у нас говорят, по своей природе новатором. Я дал ему семена и бельгийскую книгу о культуре витлуфа, он увлекся. Мы оба выгоняли зимний салат, я для того, чтобы его есть, а Николай Григорьевич скорее для торжества правильной идеи. В конце 1959 года мы решили, что следует попытаться открыть широкий путь для витлуфа. Мы предложили «Вечерней Москве» напечатать небольшую статью, оба ее подписали. Василенко уже успел защитить работу о капусте и стал кандидатом сельскохозяйственных наук. В январе та же газета поместила отчет о лекции Василенко перед специалистами о культуре витлуфа и статью почетного академика В. И. Эдельштейна, восьмидесятилетнего ученого, пользовавшегося большим авторитетом, который горячо поддерживал наши апологии витлуфа. Мы живем в век повсеместного увлечения самодеятельной медициной (достаточно напомнить, что журнал «Здоровье» у нас самый распространенный), и статья Виталия Ивановича должна была восхитить читателей «Вечерки»: он рассказывал, что витлуф не только вкусен, но чрезвычайно полезен — он содержит неведомые мне вещества — индин и инулин.

В марте 1960 года «Вечерняя Москва» устроила встречу различных влиятельных людей, как, например, управляющего конторой «Сортсемовощ» и директоров крупных овощных совхозов, со мной и с Василенко. Приглашенных Николай Григорьевич угостил заправленным салатом витлуф. Кушали, хвалили, напечатали отчет с фотографиями, но дальше дело не пошло, нужно было купить семена в Бельгии, а никто не решался использовать на это несколько сотен долларов: «Режим экономии». На дегустации в редакции «Вечерней Москвы» присутствовал корреспондент бельгийской коммунистической газеты, который поспешил сообщить о внедрении витлуфа в меню советских граждан.

Во время сессии Верховного Совета А. Е. Корнейчук решил передать Н. С. Хрущеву медаль Всемирного Совета Мира. Во время перерыва он повел Н. С. Тихонова, М. И. Котова и меня в коридор, куда вышел Н. С. Хрущев. Поблагодарив нас за медаль, он вдруг обратился ко мне: «Я вашу статью о зимнем салате прочитал дважды. В первый раз я думал, что вы пишете о политике — я ведь не знал, что вы занимаетесь и огородничеством...» Я понял, что фортуна может улыбнуться витлуфу, и спросил Никиту Сергеевича, не хочет ли он попробовать салат, он ответил: «Охотно». В тот же вечер я разыскал Василенко и попросил его послать Хрущеву витлуф — в Тимирязевке кочаны получались красивее и крупнее, чем у меня.

Месяц спустя Николай Григорьевич рассказал мне, что салат, видимо, пришелся по вкусу — часто приходят и требуют кочаны.

Прошел еще месяц, и Василенко вызвали в учреждение, ведающее закупкой семян, спросили, сколько нужно купить семян для того, чтобы вывести достаточное количество отечественных. Василенко ответил: «Сорок килограммов». «Что так мало?»— удивился человек, принадлежавший к тем людям, которых во Франции называют «крупными овощами», а у нас «ответственными». Николай Григорьевич объяснил, что семена салата очень легки и что сорока килограммов вполне достаточно.

Различные бельгийские газеты сообщили об успехе в Советском Союзе брюссельского цикория; одна сильно антисоветская даже запротестовала против продажи семян, уверяя, что русские собираются выгонять зимний салат на всю Европу, хотят вытеснить бельгийцев.

Семена пришли, большую часть корнеплодов оставили на второй год в грунте, чтобы получить семена. Казалось, дело сделано. Однако, как ни старался Василенко убедить различных директоров и управляющих, что необходимо напечатать маленькую инструкцию, он оказался бессильным.

Год спустя в одном из овощных магазинов появился витлуф — не зимой, а летом, и не «вкусный овощ», а совершенно несъедобные зеленые кочаны.

На покупку семян в Бельгии потратили триста или четыреста долларов. На инструкцию не хотели выложить триста или четыреста рублей.

Прошло года два, и наконец инструкцию напечатали, но здесь встала новая непреодолимая трудность — торговая сеть не захотела утруждать себя незнакомым овощем: «У нас в списке двенадцать различных овощей, хватит». Совхозы прекратили выгонку. Хрущев больше не интересовался салатом, а вскоре «крупные овощи» перестали интересоваться Хрущевым. Из нашей затеи ничего не вышло.

Говорят, что виноват консерватизм потребителей, это неверно. На моей даче жил сторож Иван Иванович со своей семьей. Когда он впервые увидел, что на грядке огорода взошел обыкновенный латук, он удивился: «Траву коровы едят, а не люди...» Потом он попробовал кочан и сказал: «Неплохо». Прожив у меня десять лет, он построил себе хороший кирпичный дом и вышел на пенсию, его жена Прасковья Алексеевна недавно рассказала мне: «Иван Иванович за стол не садится, если нет салата...»

Николай Григорьевич успел жениться, скоро его сын пойдет в школу. Вышла книга Н. Г. Василенко «Малораспространенные овощи». Один из описанных им овощей — салат витлуф — продолжает оставаться у нас редкостью. Зато весьма распространены у нас те люди, которых французы называют «крупными овощами». О них никто еще обстоятельно не написал.

* * *

В 1958 году умер Фредерик Жолио-Кюри, это было тяжелым ударом по Движению сторонников мира, которое он создал и которым почти десять лет руководил. В области науки он был непримирим, и когда некоторые влиятельные руководители движения попытались уговорить его быть сдержаннее в прогнозах и не утверждать, что термоядерная война угрожает существованию человечества, он хотел отказаться от функций президента. Но он умел сочетать верность принципам с необычайной мягкостью, ему удавалось помирить индонезийцев с голландцами или израильтян с арабами. При нем все старались быть строже к себе, снисходительнее к другим. За два или три года до своей смерти на одном из совещаний он включил в текст резолюции, протестовавшей против атомных испытаний, молоко как обладающее высоким процентом стронция. А. Е. Корнейчук умоляюще сказал: «Наши мамаши только-только могут купить молоко, а прочитав про стронций, будут бояться дать молоко малышам...» Жолио улыбнулся и вычеркнул молоко из списка.

Он подготовил послание Всемирному конгрессу за разоружение, состоявшемуся в июле 1958 года; он убедительно писал о необходимости прийти к соглашению об отказе от термоядерного оружия. Месяц спустя я стоял в Сорбонне у его гроба.

Мы избрали председателем Всемирного Совета Мира друга Жолио профессора Джона Бернала, это крупный ученый, кристаллограф, он может установить структуру вещества, но он не смог установить структуру нашего движения и секретариата, работавшего в Вене. Он был сух в резолюциях — как истинный англичанин не любил громких слов, а к людям снисходителен. Его меньше слушались, чем Жолио, однако все поняли, как он был нужен в роли председателя, когда в 1965 году после тяжелой болезни, с трудом приехав на конгресс в Хельсинки, он сказал, что больше не сможет выполнять работу президента.

Третьего президента мы не нашли. Мы попросили члена президиума неутомимую Изабеллу Блюм выполнять функции президента-координатора.

Конечно, я не хочу сказать, что огромное мировое движение может ослабнуть только от потери двух выдающихся руководителей. Многое зависит от объективных условий. В Соединенных Штатах впервые в истории значительное большинство мыслящих людей осуждают военную политику правительства; но репутация нашего движения мешала объединению сотен союзов, лиг, групп, движений в ряды Всемирного Совета Мира. Западная Европа стала куда более инертной, она то поддается иллюзиям, связанным с краткосрочной разрядкой международного положения, то фаталистически относится к постоянным разговорам о неизбежности атомной катастрофы. Азия и Африка не всегда связывают справедливую ненависть к колониальным державам с необходимостью предотвратить мировую войну. Мы не смогли осуществить обещаний, сформулированных в 1956 году Жолио-Кюри, о расширении нашего движения и о тесном контакте со всеми миролюбивыми силами. Прежние формы борьбы за мир в известной степени одряхлели, а новых мы не придумали.

Я продолжаю работать в Движении сторонников мира: несмотря на ошибки и неудачи, мы остаемся единственным широким движением, которое стремится оградить мир. Я не политик, не историк и не хочу браться за слишком трудное для меня дело — проанализировать причины некоторого ослабления Движения сторонников мира. Это книга воспоминаний.

* * *

Осенью 1958 года Георг Брантинг приехал повидать меня в Новый Иерусалим — он отдыхал

ФАНТАЗИИ БАЛАБАНОВА

Окончание.
Начало см. на вкладке 1.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ВАСИЛЬЕВА. 1983.

творчество каждый раз, впитывая идеи, несет еще и точный смысл. Как и в портрете Сергея Алимова?

— Этот художник, мультипликатор и иллюстратор, широко известен. Но для меня он интересен прежде всего как талантливый интерпретатор образов Салтыкова-Щедрина и Гоголя... В этой композиции мне был важен взгляд человека, одетого в старинный костюм, взгляд из разных временных пластов — XIX, XX, XXI веков. Короче, взгляд человека на все времена. А в картине «Треугольник» мне хотелось передать два состояния души Бориса Мессерера — очень свойственные, кстати, ему. С одной стороны, это жизнерадостный оптимист, с другой — утомленный после очередного спектакля человек...

— Мне сейчас показалось, ты каждой картине стараешься придать, помимо визуальной, еще и литературную жизнь. Нужно ли это делать художнику?

— Так получается, потому что перед тем, как начать писать ту или иную картину, я действительно каждый раз сочиняю небольшой рассказ. Кстати, творчество многих талантливых людей дает мне большой заряд для создания своих композиций, где, как в театре одного актера, я и сценарист, и режиссер, и даже дворник, «выметающий» с полотна лишние детали...

— Позади у тебя много самых разных выставок. Ты увлекался и спортивной, и театральной, наконец, космической тематикой. Что дорого для тебя сегодняшнего?

— Тема памятников Отечества для меня сейчас, пожалуй, самая актуальная. В свое время Юрий Сенкевич в передаче «Клуб путешественников» показал любопытный сюжет. Я был поражен тем фактом, что на месте, где по законам народной памяти должен стоять монумент, буквально на костях наших знаменитых предков мерно стучал компрессор завода «Динамо». И когда возникла проблема, куда положить венок, веселые рабочие предложили возложить его прямо на компрессор.

— Синтетичность телеискусства, постоянное использование технических приемов, документально-исторического материала, оптические и световые эффекты... Повлияло ли все это на твою живопись?

— Телевидение, мгновенно фиксирующее текущее время, действительно сильно изменило мой взгляд на мир, способствовало тому, что уже давно в своих работах я тяготею к самым неожиданным трансформациям событий и предметов. Так, например, просмотрев фильм «Солярис» и

КУЗНЕЦКИЙ МОСТ. 1983.

ТРЕУГОЛЬНИК.
1985.

ближе познакомившись с творчеством М. Н. Ромадина (художника этой ленты), я написал картину «Космический дуэт». Кстати, работа не попала на выставку «Космос» по той абсурдной причине, что «полет» художника Михаила Ромадина в действительности нигде не был зафиксирован. Однако хочу подчеркнуть, что именно попытка синтеза реального с фантастическим и родила эту на первый взгляд странную композицию. А вот в триптихе «Театр зверей» я трактую «Уголок Дурова» как театральное действо, пропущенное через воспоминания о мышиной дороге дедушки Дурова. Каждую деталь старался писать убедительно, предметно, чтобы подошедший к полотну ребенок мог разглядывать его, что называется, «щупая глазами».

— В своих работах ты очень часто изображаешь подростков. Случайно ли это?

— В моем понимании формула фантастической реальности складывается из двух полярных полюсов человеческой жизни: это, с одной стороны, взгляд ребенка — наивный и чистый, и с другой — видение человека, умудренного большим жизненным опытом. Глубоко убежден, что на стыке этих двух полярных взглядов на жизнь, на искусство и складывается объективное представление о нашем таком прекрасном и драматичном мире...

Олег ТУРКОВ

КОСМИЧЕСКИЙ ДУЭТ.
1985.

перед этим в Крыму. Брантинг был сложным человеком, полным противоречий. Не знаю, почему он стал политиком. Может быть, под влиянием своего отца, который был создателем шведской социал-демократии. Люди, знавшие Яльмара Брантинга, рассказывали, что он был веселым, в молодости мятежным, потом показал свое умение объединять, примирять и примиряться, организационные таланты; он не только пережил, но и в меру своих сил способствовал переходу отсталой крестьянской Швеции с ее степенной аристократией в страну передового капитализма и образцовой буржуазной демократии. (С Яльмаром Брантингом дружила знаменитая С. В. Ковалевская, шведы называли ее «профессор Соня», и сестру Георга окрестили Соней.)

Все же мне трудно понять, почему Георг Брантинг стал политиком, социал-демократом, пусть левым, сенатором. Он был адвокатом, но это его не устраивало. Да и кресло сенатора мало отвечало его природе. Во внутренней политике Швеции он играл неприметную роль, но многое сделал в борьбе против фашизма в тридцатые — сороковые годы: процесс о поджоге рейхстага, Испания, твердая вера в Советский Союз в черные дни сорок первого. Он был скорее поэтом, не потому, что писал порой стихи, а по своей душевной структуре: позади сенаторского кресла, мнимо, но для него вполне реально, бушевал неистовый самум. В старости он был одинок, плохо видел, но никак не походил на образцового пенсионера.

В 1958 году, с которого я начал эту главу, Брантингу было за семьдесят, он перенес тяжелый инфаркт, но жаждал деятельности. Мы долго беседовали о неустойчивости международного положения. Брантинг говорил, что Движение сторонников мира охватывает во Франции и в Италии, где сильны коммунисты, широкие круги, но в Англии или скандинавских странах оно бессильно. «Вы представляете одну сторону,— говорил Брантинг,— а нужно, чтобы встречались политики не только различных стран, но и различных партий, это поможет преодолеть климат «холодной войны». Я спросил его, не хочет ли он попытаться организовать такие встречи; подумав, он согласился.

В апреле 1959 года состоялась первая встреча; ее окрестили «Круглый стол Восток — Запад». Собрались мы в Брюсселе, и было нас никак не больше пятнадцати человек. С тех пор прошло восемь лет. Мы собирались дважды в Лондоне, работали в помещении парламента, в готическом дворце, построенном после пожара в первой половине прошлого века. Потом мы собирались в Варшаве, в Риме, снова в Брюсселе, в Париже, в Москве, во Флоренции (там мы заседали в ратуше Палаццо Веккьо, окруженные потрясающими статуями старых флорентийцев), в Белграде и снова в Париже. Мы стали солидной организацией. Участников «Круглого стола» принимали в Кремле, в доме правительства Югославии, в бельгийском парламенте, в парижском муниципалитете. О наших встречах писали все крупные газеты Европы и Америки. Среди наиболее известных западных участников «Круглого стола» назову Филипа Ноэль-Бейкера, старого депутата, лейбориста, лауреата Нобелевской премии мира, бывшего председателя бельгийского сената Анри Ролена, председателя иностранной комиссии норвежского парламента Финна Му, английских лейбористов Конни Зиллиакуса, Дениса Хили, Томсона, Микардо, Мендельсона, итальянских социалистов Ненни, Ломбардо, Витторелли, французских депутатов голлистов Рене Капитана и Шмиттлена, оппозиционеров Пьера Кота, Жюля Мока, Миттерана, итальянских католиков депутатов Ля Мальфа и мэра Флоренции Ля Пира. В различных встречах участвовали свыше полутораста депутатов семнадцати стран, представители как правительственных партий, так и оппозиции, среди них около половины были вчерашними или завтрашними министрами.

Во Флоренцию летом 1964 года приехал тяжело больной Брантинг и предложил на свое место секретаря «Круглого стола» левого социал-демократа Яльмара Меера. Год спустя Брантинг умер.

Из постоянных участников наших встреч скончались Конни Зиллиакус, крупный польский экономист Оскар Ланге и генерал Советской Армии, специалист по проблеме разоружения Н. А. Таленский.

Мне хочется вспомнить покойного Конни Зиллиакуса (приятели звали его Кони или Зилли). Разумеется, он был политиком, но с диковинной судьбой. Чудить он начал рано: будучи шведским финном, родился в Японии. Он стал подданным короля Великобритании и сражался в годы первой мировой войны в рядах английской армии. Потом он учился в университете в Йеле в Соединенных Штатах. Потом он стал лейбористом, а много лет спустя депутатом палаты общин. Весной 1949 года, несмотря на запрет лейбористского руководства, он участвовал в первом конгрессе сторонников мира. Его исключили из партии. Однако осенью того же года его исключили из Движения сторонников мира — он не согласился с анафемой, которая обрушилась на югославов. Два раза его исключали из партии и два раза восстанавливали. Он считался «enfant terrible»—«ужасным ребенком», люди сердились, но в конце концов привыкли. «Ничего не поделаешь — это ведь Зилли...»

Он свободно говорил на многих языках и не только тотчас переводил свои слова, но на первой встрече «Круглого стола», когда у нас не оказалось переводчиков, переводил выступления всех участников. В справочниках он проставлял «журналист», «член парламента». Он окончил университет в Йеле — в Америке. Самым важным событием XX века он считал Октябрьскую революцию. Я слышал его выступление на большом митинге в Манчестере — он был депутатом этого рабочего города; говорил он хорошо, и обычно сдержанные англичане горячо ему аплодировали. Его слабостью была Организация Объединенных Наций (он там проработал несколько лет). Он неизменно требовал соблюдения «духа и буквы хартии». Часто он был наивным — когда на последних выборах победили лейбористы, он говорил: «Теперь все изменится. Вильсон — левый лейборист...» Оказалось, что лейбористское правительство вело правую политику. Зилли повздыхал, но немедленно организовал оппозицию и, радуясь, говорил: «Нас с каждым месяцем все больше...» Отец его жены изучал психологию зверей и, как-то просидев вечер у Зиллиакуса в Лондоне, я рассказывал о В. Л. Дурове. С Конни редко кто соглашался, но его любили, и когда он умер летом 1967 года, о нем жалели его политические противники — в Вестминстерском дворце стало пусто: второго «ужасного ребенка» не было.

Оскар Ланге многое сделал для того, чтобы преодолеть взаимное недоверие, которое порой сказывалось на первых встречах «Круглого стола». Я с ним познакомился в 1946 году в Нью-Йорке и сразу оценил его «тихость». Он был не проповедником, а собеседником, именно это убеждало западных участников наших встреч.

В Брюсселе весной 1962 года «Круглый стол» обсуждал проект разоружения. Мы выделили маленькую комиссию специалистов — Ноэль-Бейкера, Жюля Мока, который много лет представлял Францию в Комиссии ООН по разоружению, и советского эксперта Н. А. Таленского. Они заседали два дня и составили компромиссный проект, чрезвычайно детальный, однако приемлемый для всех. Выступая потом на большом митинге, Ноэль-Бейкер и Жюль Мок высоко отозвались о познаниях и миролюбии генерала Таленского. Я узнал Николая Александровича в 1943—1944 годы, когда он был редактором «Красной звезды». Он умел не только говорить, он умел и слушать, а это не столь распространенное качество, и оно повлияло на успех «Круглого стола». Его смерть — большая потеря.

Я говорил о том, что постепенно организаторам «Круглого стола» удалось привлечь к встречам политиков разных стран и разного толка. Читатели, наверно, заметили, что среди перечисленных мной имен нет ни одного видного общественного деятеля Западной Германии. Теперь политика немецких социал-демократов стала несколько более гибкой, и, возможно, если наши встречи будут продолжаться, мы увидим «западных» немцев за одним столом с «восточными», но по 1966 год все попытки Анри Ролена, Зиллиакуса и других западных парламентариев привлечь немцев из Федеративной республики кончались неудачей.

Расскажу забавный случай, происшедший в Москве в марте 1959 года — накануне первой встречи «Круглого стола». Брантинг попросил меня поговорить с двумя лидерами немецких социал-демократов — Карло Шмидом и Фрицем Эрлером, которые находились в Москве. Я позвонил немецким гостям; оказалось, что они завтра улетают на родину, они предложили мне, чтобы я их отвез на аэродром,— в пути мы сможем поговорить. Они попросили меня подъехать к дому, где жили западногерманские дипломаты, и остановиться на углу — все было обставлено весьма конспиративно. Шмид и Эрлер хорошо говорили по-французски; я им рассказал о том, как понимают встречи «Круглого стола» Брантинг и Ролен. Они были любезны, поблагодарили за информацию — им рассказывали нечто другое, высказали надежду, что им удастся приехать в Брюссель. Когда мы подъехали ко Внукову, Шмид увидел автомобиль западногерманского посольства и попросил меня выпустить их, а самому не выходить из машины. Все было сделано безукоризненно. Увы, на следующий день, раскрыв «Правду», я увидел заметку: «Отъезд из Москвы руководящих деятелей СДПГ». Среди провожавших был назван и я — очевидно, сотрудник ТАСС меня увидел...

Осенью 1961 года на встречу в Риме должен был приехать председатель иностранной комиссии сената Соединенных Штатов Хэмфри. Мы начали работу, все спрашивали, где Хэмфри, Брантинг отвечал: «Его задержали дела, он приедет завтра». Наконец пришла телеграмма; Хэмфри сообщал, что произошли дорожные неполадки, он вынужден заночевать в Лондоне и приедет только завтра. Мы приняли резолюции о разоружении, об ООН, о Западном Берлине и хотели закрывать встречу, когда действительно в зал вошел Хэмфри. Он внимательно прочитал резолюции, но отказался их комментировать — не присутствовал на дискуссии. Два часа он говорил о важности наших встреч, о значении диалога, о своей вере в торжество мира. Когда все встали, сенатор Хэмфри, отойдя со мной в сторону, начал говорить о смерти Хемингуэя и, понизив голос, высказал свое мнение о Западном Берлине. С тех пор прошло шесть лет. Сенатор Хэмфри стал вице-президентом Соединенных Штатов, трудно называть его политику слишком миролюбивой.

Ненни присутствовал на римской встрече как представитель оппозиции, потом он стал заместителем премьера. Финн Му принадлежал к правительственной партии и вдруг оказался в оппозиции. На московскую встречу приезжали лейбористы Денис Хили и Томсон. Первый стал военным министром Великобритании, а милейший Томсон, член нашего организационного комитета,— заместителем министра иностранных дел.

Не устарели, к несчастью, вопросы, которые мы обсуждали: разоружение, договор о нераспространении атомного оружия, европейская безопасность, германская проблема, нападение Соединенных Штатов на Вьетнам. Незачем говорить о наших резолюциях — это покажется не страницей мемуаров, а вчерашней газетной статьей.

Скептики спросят: в чем же видите пользу встреч? Все спорные вопросы действительно до сих пор не разрешены, но, на мой взгляд, они теперь стали более разрешимыми, и, может быть, в этом толика усилий «Круглого стола». Альтернатива слишком трагична: мирное сосуществование или термоядерная война, то есть, говоря проще, быть или не быть человечеству. Здесь нельзя беречь силы и время, все, что может хотя бы в мечтаниях содействовать миру, заслуживает рвения.

Лично мне встречи «Круглого стола» многое дали — я узнал лучше политиков Запада, пожалуй, лучших представителей буржуазной демократии.

В отдельности эти политики похожи на людей других профессий, среди них есть узкие специалисты и, что куда реже, люди всесторонне образованные, обаятельные и непривлекательные, талантливые и заурядные. Наиболее таинственной для меня является их подлинная профессия — политика. Алехин причислял шахматную игру к искусству, мне остается приравнять политику парламентской демократии к шахматной игре. Конечно, шахматы куда древнее, в них чувствуется известная окаменелость, дебюты давно разработаны, описаны, и все же талантливый шахматист порой находит неожиданный вариант, приносящий ему победу. Я рассказывал в этой книге, как один начинающий любитель выиграл партию у гроссмейстера Флора, который принял его невежество за некое загадочное мастерство. Впрочем, такие же случаи бывали в политической жизни Запада. Незнание Гитлером правил игры помогло ему выиграть партию у Веймарской республики.

Считается, что парламентская демократия построена на равенстве избирательных голосов. Это, конечно, иллюзия. Дело решают политические партии, в которых активное участие принимают узкие круги специалистов в присутствии некоторого количества болельщиков. Ораторское искусство может подействовать на часть избирателей, но в большинстве случаев соперничающие партии говорят то же самое, все они за мир, за свободу и за благосостояние. Атакуют они одна другую, почти всегда настаивая на неудаче того или иного шага правительства: мало строили жилых домов, повысили безработицу, допустили финансовый скандал и так далее. Говорят, что решающую роль играет пресса, а в последнее десятилетие — телевидение. В Швеции, однако, нет ни одной крупной газеты, которая поддерживала бы партию, находящуюся у власти свыше тридцати

Начало см. на стр. 8.

валу побольше, и по ассортименту наград побогаче, как это всегда у нас делается, а верх, в свою очередь, все это подрезает и определяет соискателю лимит: столько-то, положим, Героев, столько-то орденов и медалей, столько-то почетных званий и грамот. Награды получают в итоге не абсолютно лучшие, а относительно. А поскольку претендентов на «относительно лучших» всегда больше, чем позволяет лимит, а слухи, как вода из худого ведра, просачиваются во все стороны, подчас начинаются возня, интриги, недовольства, истерики — это с одной стороны, а с другой — сведение счетов, протаскивание «своих», злоупотребления, проще сказать, произвол. Нарушается рабочий процесс, коллектив трясет, идут иной раз подметные письма: «человеческий фактор» дает о себе знать в самых невероятных проявлениях.

Заканчивается дело тем, что порой после обнародования Указа о награждении происходит одновременно и взрыв радости, и взрыв негодования. Иные из награжденных стараются ордена не носить, чтобы лишний раз не травмировать коллег, другие, наоборот, не снимают их с утра до ночи, чтобы позлить окружающих. Руководители коллективов компенсуют, бывает, трижды: и в связи с тем, что ощущают вину перед коллегами, получившими не те ордена, на которые они втайне рассчитывали, и перед теми, кто вообще остался без наград, и наконец, перед всеми вместе. Ерунда какая-то, если возможная радость оборачивается неудовольствием: в человеческой ли натуре надо искать причины этого феномена, когда социальная справедливость с таким количеством изъянов?

Особого разговора заслуживает ныне действующая система присуждения Государственных премий, в частности творческим работникам. Во-первых, это редкая ситуация, когда кандидатов на этапе выдвижения может быть официально больше, чем установленный лимит; попадание в опубликованный список считается хоть и предварительной, но уже победой. Во-вторых, нигде более не проявляется так вкусовщина, как при оценке результатов творчества; баталии разыгрываются здесь, образно говоря, кровавые, а поле для интриг и произвола и вовсе громадное.

От руководителей творческих союзов и ведомств зависит и выдвижение кандидатов, и от них же практически — «быть или не быть» им лауреатами. Отсюда нелепость ситуации: коли выдвинули — отдайте! Вот так и родилась система «отодвинутых» премий: не получил в этом году, хотя и выдвинут, не шуми, дорогой товарищ, не поднимай волны, ты, безусловно, достоин лауреатства, но всего лишь нарвался на более сильного конкурента. Потерпи: тебя перенесут на следующий год.

Что же касается членов Комитета по премиям, то они, как правило, поставлены в ситуацию, при которой иной раз лишены выбора и возможности проявить принципиальность.

Кстати сказать, не только «всенародное», но даже мало-мальски профессиональное предварительное обсуждение работ кандидатов до сих пор еще большая редкость. Коли выдвинут, получай свою порцию хвалебных рецензий: комплиментарность лезет из газет и с экрана телевизоров. Критики, берегущие собственное имя, предпочитают молчать, всячески уклоняясь от выступлений, а если их персонально просят кандидаты и отказаться они почему-либо не могут, отделываются общими словами в благожелательной тональности, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Только в самое последнее время нет-нет, а стали появляться трезвые, объективные голоса, но они привычно быстро нейтрализуются дружным хором «во здравие».

Три непременных условия необходимо соблюсти, чтобы Комитет по Ленинским и Государственным премиям стал принципиальным и независимым: первое условие — гласность, второе условие — гласность и третье условие — гласность. Хоть бы раз показали по ЦТ процесс обсуждения в комитете работ, выдвинутых на премии, хоть бы раз увидеть глаза тех, кто голосует за откровенно слабый фильм или бездарную поэму, и мы бы тоже что-то поняли, и голосующие чему-то научились.

Есть премии, чаще всего международные, судьба которых формально решается там, а по сути дела, здесь: кто выдвинут Союзом писателей СССР, предположим, на премию Андерсена, тот и едет за нею.

Объясню: практически в любой области общественной или творческой деятельности есть люди, занимающие лидирующие позиции, которые довольно часто зависят от ступеньки в бюрократически-иерархической лестнице, занимаемой человеком,— член правления, председатель комиссии, секретарь творческого союза, главный редактор журнала или киноообъединения и т. д. Сколько раз уже бывало, что, пока «лидер» не «успокоится», положим, званием академика, подпирающему его кандидатуру на лидерство светит всего лишь звание члена-корреспондента; дают лидеру Ленинскую премию — открывается дублеру дорога к Государственной, а дублеру дублера — к премии Ленинского комсомола: все это строго регламентировано, отработано до автоматизма, ни отставать нельзя, ни забегать вперед.

Я никогда не беседовал откровенно и по душам с людьми-невидимками, занимающимися наградными делами, но, исходя из здравого смысла, могу предположить: не раз в основу составители списка на награды клали не столько способности творческих людей, сколько корпоративные интересы, принципы кумовства и личной преданности. Влиятельность — величина непостоянная, стало быть, из-за подвижности конъюнктуры сегодня можно быть вне списка, завтра в списке, а послезавтра вновь за бортом; отсюда, кстати, и принцип у некоторых: «Хватать, пока хватается» — потом может быть поздно. Не думаю, что таинственные для нас люди, составляющие списки, имели дело с реальными цифрами и цензами, это было бы слишком цинично и даже опасно в смысле разоблачения. Скорее всего срабатывает кибернетическая способность человеческого мозга мгновенно оценивать ситуацию, примерно так же, как все мы просчитываем, почти не задумываясь, самые безопасные и рациональные варианты при переходе улицы с интенсивным движением транспорта.

Можно ли такой способ выдвижения людей на должность и награды полагать справедливым и нравственным? Нет, конечно. Но он существует, он реально действует. Могу предположить, как шел расчет, когда приближалось шестидесятилетие так рано ушедшего из жизни В. Тендрякова: из его могучего таланта вычли принципиальность и независимость суждений, но, чтобы соблюсти хоть какое-то приличие, прибавили участие в Великой Отечественной войне и огромную популярность у читателя... Вы можете понять, почему один актер вне всяких дат и юбилеев получает в свои пятьдесят с небольшим лет звание Героя и народного СССР, а другой до сих пор ходит в заслуженных республики, хотя трудно найти актера его народнее? Почему Е. Петросян, к примеру, уже заслуженный РСФСР, а Г. Хазанов — все еще рядовой Москонцерта?

С одним из наших недавних руководителей, имя которого я не хотел бы лишний раз всуе поминать, тем более что сам он, по-видимому, менее других виноват, происходили истинные чудеса: создавалось впечатление, что окружающие его буквально соревновались в придумывании все новых и новых наград и поводов к ним, хотя еще древние греки знали: почести, воздаваемые нам теми, кто нас боится, не почести. Когда исчерпали даты и юбилеи, когда кончились ордена и всевозможные удостоверения под первыми номерами, чей-то изощренный ум вспомнил о золотой сабле, более подходящей бывшему кавалеристу. И никто из тех, кто амфитеатром присутствовал при награждении, не испытал даже тени неловкости и смущения, да мы тоже только теперь стали «умными», а в ту пору хоть и посмеивались да помалкивали в тряпочку: упрек, который адресую прежде всего себе — я тоже молчал.

Перестройка явно назрела и в нашем собственном отношении к почестям и наградам. До чего ж мы дожили, уважаемый читатель, если униженно смирились с существованием прейскуранта наград: уже не ждут трепетно и терпеливо, а откровенно требуют, чтобы им «отдали» к пятидесятилетнему юбилею положенный орден, к шестидесятилетию — орден побольше, а к семидесятилетию, если первые два получены,— звание! Не исключены даже трагикомические ситуации, поскольку появилась парадоксальная возможность «наказывать награждением». Вот относительно свежий пример: бывшему руководителю общесоюзного ранга был «положен» по прейскуранту к шестидесятилетию «большой» орден, а ему дали всего лишь «маленький». Немедленно поползли слухи о скором снятии руководителя с работы: кому не ясно, что человек наказан? Тут, можно сказать, юбилей, Указ в газетах о награждении, а дома у юбиляра, получается, горе?

Корежили наше представление о почестях и так называемые «списочные» награждения, когда в центральных газетах не стеснялись печатать «валовые» указы, в которых без упоминания фамилий прямо так и сказано: таким-то орденом — столько-то человек, медалями — столько-то... А вам не кажется, дорогие товарищи, что мы просто заелись?

* * *

Что такое награда, если подойти к ней философски-практически? Это одновременно и финиш, и старт. С одной стороны, а именно с той, откуда видно, что сделано,— финиш, а с другой, откуда видно, что еще следует сделать,— старт. Для многих категорий трудящихся именно так и получается: шахтер или строитель, вдохновившись наградой, работают еще лучше, дают по три нормы и строят прекрасные дома, выполняют пятилетку за меньший срок: растут их успехи в труде — правомерно растет и количество наград. Таких тысячи, десятки тысяч, их ни за что не упрекнешь, про них можно сказать, что ордена справедливо украшают их грудь. Но нам-то хотелось, чтобы то же самое можно было сказать обо всех награжденных. Без исключения.

лет (все попытки создать социал-демократическую газету, которую читали бы, кончались неудачей). Во Франции людей, которые читают «Юманите», куда меньше, чем тех, которые голосуют за коммунистов. Во время последней избирательной кампании шли споры, кто на экране телевизора выглядит красивее, но и это не решало дела. Многие голосуют по привычке — так уж заведено в семье. Другие голосуют всегда за оппозицию — попробую, может быть, будет лучше. Есть страны, где в парламенте представлено мало партий,— в Соединенных Штатах две, в Англии три. Есть другие, где партий много, как, например, в Италии, там политическим деятелям приходится договариваться, чтобы создать коалиционное правительство. В отличие от шахмат выборы, парламентская политика, министерские кризисы имеют элемент азартной игры или спортивного матча, чреватого непредвиденными обстоятельствами.

Какая специальность у депутата? На это можно ответить только таинственным и ничего не определяющим словом «политика». Добрая половина их получила юридическое образование и в начале карьеры или в период избирательных неудач занималась адвокатскими делами. Если вспомнить Третью республику, то виднейшие фигуры парламента в большинстве были адвокатами — Пуанкаре, Бриан, Мильеран, Думер, Барту, Лаваль, Рейно и другие. Да и за нашим «Круглым столом» больше половины заседавших получили юридическое образование — Капитан, Миттеран, П. Кот, Ролен, Пирсон, Бранбинг, Бенгстон, Юлиус Сильверман и многие другие. Были и экономисты, как Мендес-Франс или Ломбарди, был инженер Жюль Мок, который рассказывал мне, как он строил мост через Даугаву, но, конечно, политика давно стала его профессией.

В 1963 году все товарищи по партии Дениса Хили говорили, что если лейбористы победят на выборах, то он станет министром иностранных дел; действительно он стал министром, но обороны. Я познакомился в Стокгольме с другом Яльмара Меера Торстеном Нильсоном, человеком умным, деятельным и веселым. Он был министром транспорта, военным министром, министром социального обеспечения, а теперь он министр иностранных дел.

Я понимаю, что министр финансов может меньше разбираться в балансе, чем опытный бухгалтер крупного банка или треста. Я знаю, что существуют интересы того или иного класса общества, которые определяют сущность политики. Я отнюдь не защищаю ни диктатуру одного человека, ни технократию. Я просто признаюсь в своем непонимании профессии образцового политического деятеля. Это не роботы, а люди, к сожалению, обладающие нервной системой и способные в критическую минуту оказаться подверженными гневу или страху, растерянности или чрезмерной уверенности.

Многие политики, с которыми я познакомился на встречах «Круглого стола», мне понравились, но порой я чувствовал себя самодеятельным актером, случайно оказавшимся на сцене с мастерами — первыми любовниками, фатами, резонерами или трагиками.

Вероятно, прав был Жолио, когда говорил, что человечество еще переживает свое младенчество — многое должно перемениться, если только благодаря азарту или глупости тех политических деятелей, которые никогда не хотели сесть за круглый стол, человечество не исчезнет до того, как оно достигнет совершеннолетия.

Публикация Ирины ЭРЕНБУРГ.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

1892—1941

Марину Цветаеву как-то неловко называть «поэтессой». Она была великим русским поэтом-женщиной. Если Ахматова — хранительница русских классических традиций, то Цветаева — новатор, по взрывной силе равный, пожалуй, только раннему Маяковскому. Стихи ее похожи на могучую Ниагару страсти, боли, метафор, музыки. В поэзии Цветаевой есть что-то от старинных русских наговоров и причитаний. Мускулатура стиха почти борцовская. Смысловой перенос из одной строки в другую, неожиданные ритмические сбивы — это молниеобразный почерк Цветаевой. Даже в интимной лирике Цветаева находила грозное симфоническое решение, выходящее за рамки камерности. Гений Цветаевой чувствуется и в ее прозе, и в ее статьях, и в переписке, и в человеческом поведении. Цветаева — это царь-девица русской литературы. Гордость не позволила Марине Ивановне ужиться в эмигрантской среде. Цветаева, к несчастью, не нашла понимания по возвращении на Родину и повесилась в Елабуге в момент отчаяния и одиночества. Она обладала внутренней силой гиганта-молотобойца, и эта сила, заключенная в хрупкую женскую оболочку, разорвала ее.

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916.

* * *

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,—
Всё жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода,— в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,—
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать»,— ответствуют.

Жить приучил в само́м огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что *ты*, милый, сделал мне!
Мой милый, что́ тебе — *я* сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само́ — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый,— что́ тебе я сделала!

14 июня 1920.

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно́ мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: *люблю* богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.
И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны — всегда с нарочным!
За их страсти — всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят —
Подтверждаю: *люблю* богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то их взгляд собачий,

Сомневающийся...
— не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет — такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный на́смерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы...
Рад бы —
Да...»
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я—брат был...»
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922.

ПОЭТ

Поэт — издалека заводит речь.
Поэта — далеко заводит речь.

Планетами, приметами... окольных
Притч рытвинами... Между *да* и *нет*
Он — даже размахнувшись
с колокольни —
Крюк выморочит... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности — вот связь его! Кверх
лбом —
Отчаетесь! Поэтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта на́голову бьет,

Кто в каменном гробу Бастилий —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...— ибо путь комет —

Поэтов путь: жжя, а не согревая,
Рвя, а не взращивая — взрыв
и взлом —
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!

8 апреля 1923.

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как живется вам с другою,—
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу — не по водам)!
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как живется вам — хлопочется —
Ежится? Встается — как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любою —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, *бе́з* шестых

Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924.

* * *

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом, и не знающий, что — мой,
Как госпиталь или казарма.

Мне всё равно, каких среди
Лиц — ощетиниваться пленным
Львом, из какой людской среды
Быть вытесненной — непременно —

В себя, в единоличье чувств.
Камчатским медведём без льдины
Где не ужиться (и не тщусь!),
Где унижаться — мне едино.

Не обольщусь и языком
Родным, его призывом млечным.
Мне безразлично — на каком
Непонимаемой быть встречным!

(Читателем, газетных тонн
Глотателем, доильцем сплетен...)
Двадцатого столетья — он,
А я — до всякого столетья!

Остолбеневши, как бревно,
Оставшееся от аллеи,
Мне все — равны, мне всё — равно,
И, может быть, всего равнее —

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Та́к край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна *не* сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне
пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

1934.

* * *

Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.
Подставляйте миски и тарелки!
Всякая тарелка будет — мелкой,
Миска — плоской.
Через край — и *мимо* —
В землю черную, питать тростник.
Невозвратно, неостановимо,
Невосстановимо хлещет стих.

6 января 1934.

Вызванная президентом Уитмором, Донна Хендрикс прилетела из Калифорнии в Вашингтон. Сюда же возвратился из командировки и адвокат Бен Нортон. При встрече с ним журналист Фил Росс рассказал, что видел, как бывшая подруга Бена, Хендрикс, ехала в машине с помощником президента Эдом Мерфи. Когда на следующий день кто-то позвонил Бену и сообщил, что его подруга убита, Нортон обращается к помощнику президента. Но Мерфи не говорит ему правды, и тогда Бен решает задавать вопросы до тех пор, пока не дощется истины. Его пытаются сбить с толку, запугать, подкупить, посулив хорошо оплачиваемую работу. Гибнут сенатор Нолан и актер Филдс, которые могли бы помочь Бену, а остальные отказываются от своих слов. Однако Нортон не сдается и продолжает свое расследование.

дев Нортона, обе умолкли и вопросительно поглядели на мать.

— Это мистер Нортон, девочки,— церемонно сказала она.— А это мои дочери, Эмили и Энн.

Девочки по очереди подошли, подали руку и вежливо прощебетали:

— Очень рада познакомиться.

— Идите попейте молока,— сказала им мать,— а мы с мистером Нортоном продолжим наш разговор.

— Очаровательные дети,— сказал Нортон.

— Очаровательные дети не могут понять, почему у них больше нет отца, и тяжело это переживают. Но я докучаю вам своими заботами, Бен. Скажите, какая неприятность грозит, по-вашему, моему мужу?

— Тут я не совсем уверен,— сказал Нортон.— Видимо, ничего дурного он не совершал. Но, сам того не сознавая, может впутаться в историю. Связана эта история с убийством Донны Хендрикс. По-моему, некоторые люди в Белом доме знают об убийстве больше, чем сообщили полиции. Одним из них, на мой взгляд, является некий Байрон Риддл, занимающий один кабинет с вашим мужем.

Джейн Макнейр на миг зажмурилась.

— Да,— сказала она.— Я могла бы догадаться, что без него тут не обошлось

— Вы знаете Риддла?

— Мы встречались однажды, этого вполне достаточно. Он был безо всякой причины очень груб со мной. Но это ерунда в сравнении с тем, что терпит от него Клэй. С этим человеком недели две назад у Клэя что-то произошло, и он вернулся домой потрясенным, как никогда.

— Потрясенным?

— Нет, милочка, предоставь это мне. Тебе чего, Бен?

— Хорошо бы шотландского с водой.

— Тебе, милочка?

— Мартини, пожалуйста.

— Несу,— весело сказал Макнейр, и, когда собрался выйти, к нему подбежали дочери. Он поднял каждую, поцеловал, и они, счастливые, побежали за ним на кухню.

— Бодрится,— печально сказала Джейн Макнейр.— Изо всех сил.

Они сидели молча, прислушиваясь к звяканью льда о стаканы и смеху девочек на кухне, потом Макнейр вошел со стаканами, а девочки молча пошли наверх. Макнейр сел на другой конец дивана.

— Бен, нам с Джейн скоро нужно уезжать на небольшое празднество, так что, пожалуй, сразу перейдем к делу. Милочка, если ты извинишь нас...

— Нет, Клэй, я лучше останусь. Мы с Беном уже немного поговорили, похоже, это дело касается и меня.

Макнейр нахмурился и отхлебнул коктейля, значительно более светлого, чем у Нортона.

— Ну, что это за таинственное дело?

— Клэй, ты знаешь, я хочу выяснить, кто убил Донну, и я убежден, что в Белом доме есть люди, в том числе Эд Мерфи и, может быть, президент, которые знают больше, чем говорят. Кроме того, у меня есть основания думать, что Байрон Риддл глубоко замешан в то, что происходит. Я узнал кое-что из его прошлого, человек он опасный. И я только прошу тебя: ради собственной безопасности расскажи все, что знаешь о нем.

ЛЮБОВНИЦА президента

РОМАН

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

Нортону нравилась эта женщина, и на миг он возненавидел себя за ту игру, что вел с ней. В вашингтонских войнах так бывало всегда: больше всего страдали те, кто не участвовал в боевых действиях.

— Конечно, Клэй сказал бы, что я наивна,— продолжала она,— сказал бы, что я не знаю мира политики. Правда, у меня и Клэя прошлое неодинаково. Он привык к трудностям и невзгодам жизни, а я жила без тревог и забот, пока не вышла замуж. Поэтому я смотрю на Вашингтон как на джунгли, а он видит его волнующим и манящим. Я не знаю, кто из нас прав.

— Может быть, вы оба. Джунгли могут быть волнующими и манящими.

— Если ты дикарь,— с горечью сказала она.— Или политик.

— Это пагубный город,— сказал Нортон.— Пагубный для большинства мужчин и почти всех браков.

— Но почему он должен быть таким?

— Почему? Потому что у нас конкурентное общество. Мы соперничаем в детских играх, в школе, в спорте, в сексе, в бизнесе, в политике, почти во всем, а в таких местах, как Вашингтон, Уолл-стрит или Голливуд, ставки выше, чем где бы то ни было, и потому соперничество более жесткое. К примеру, ваш муж, уходя на работу в Белый дом, зарабатывал двадцать пять тысяч в год. Если он поведет игру правильно, то, уйдя оттуда на другую работу, станет получать вдвое или втрое больше. Но ради этого он должен выкладываться полностью, потому что в противном случае на его место найдется сотня других.

Дверь распахнулась, появились две девочки, они оживленно разговаривали и смеялись. Уви-

— Он был бледен как полотно. Руки дрожали. Голос срывался. У него даже разболелся желудок. Мне он сказал только, что поспорил с Байроном Риддлом. И на другой день сменил кабинет.

— Он не говорил, о чем именно был спор? Или что-нибудь о делах Риддла?

Джейн Макнейр нахмурилась и погрузилась в раздумье, две вертикальные морщинки омрачили ее красивый лоб.

— Нет,— сказала она наконец.— Говорил только, что Риддл какой-то сыщик. И что он волк-одиночка, но иногда бывает очень полезен. Клэй все называл его сумасшедшим и говорил, что не хочет иметь с ним ничего общего. Несколько раз повторил: «Не буду соваться не в свои дела».

Казалось, она вот-вот расплачется. Нортон подумал, не уйти ли ему. Она взглянула на него и, казалось, прочла его мысли.

— Какая я скверная хозяйка! Давайте немного выпьем. Клэй должен приехать с минуты на минуту.

— Ну что ж,— сказал Нортон, решив, что выпить не помешает.

Тут дверь отворилась снова, и вошел Клэй Макнейр.

— Привет, милочка,— сказал он, потом увидел Нортона, и усталость на его лице сменилась сперва удивлением, а потом радушием. Но все равно, несмотря на мальчишескую улыбку, идя по комнате с протянутой для пожатия рукой, он выглядел усталым.

— Привет, Бен, чем обязаны такой чести?

Нортон встал и пожал ему руку.

— Я хотел поговорить с тобой. Твоя жена любезно пригласила меня подождать.

— А мы как раз собрались выпить,— сказала Джейн Макнейр.— Чего тебе хотелось бы, Клэй? Я принесу.

Макнейр крепко сжал стакан и покачал головой.

— Ничего рассказать тебе не могу. Мы занимали один кабинет, но я ничего не знаю о его работе.

— Из-за чего вы поспорили? Почему ты ушел из того кабинета? Почему ты сказал Джейн: «Не буду соваться не в свои дела»?

Макнейр сердито глянул на жену.

— Милочка, что ты ему говорила?

— Только правду, Клэй. И тебе следует сделать то же самое. Расскажи правду. У тебя нет причин выгораживать этого человека.

— Она права, Клэй. С какой стати выгораживать Риддла? Разве он стал бы выгораживать тебя? Что у него на уме?

Макнейр встал.

— По-моему, вопрос в том, что на уме у тебя. Ты не имел права врываться сюда и злоупотреблять ее доверчивостью — ты сделал именно это, не отрицай. Прошу тебя уйти. Если у тебя есть вопросы, обращайся к Эду Мерфи. Я не хочу быть грубым, но это все, что я могу тебе сказать.

Нортон медленно поднялся.

— Ты совершаешь ошибку, Клэй. Это дело раскроется, и...

— Меня оно не касается.

— Клэй...— начала было его жена.

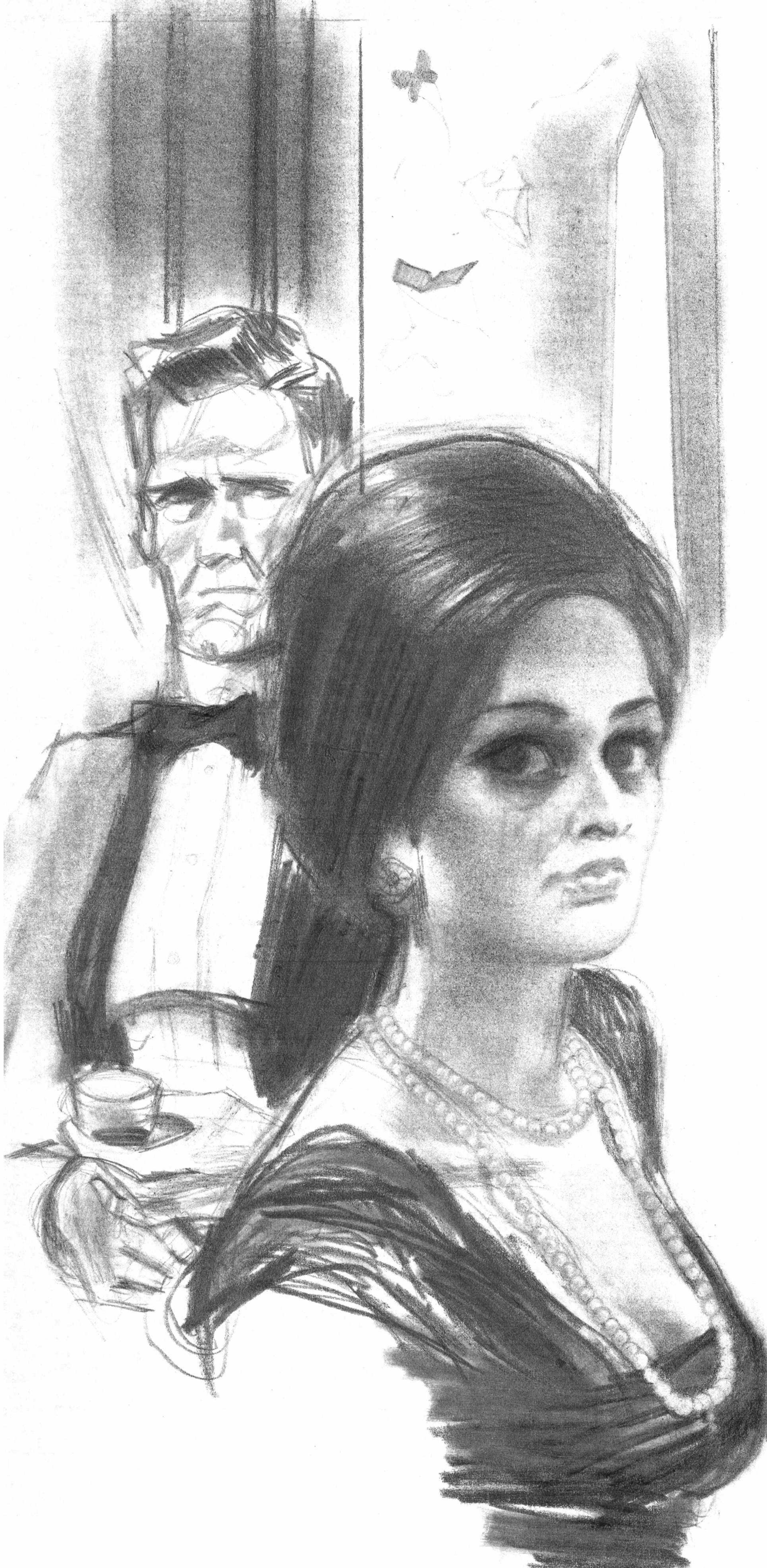
— Не вмешивайся, Джейн. Ты ничего не знаешь. Доброй ночи, Нортон.

Нортон пожал плечами и направился к выходу.

— Доброй ночи, Джейн,— сказал он.— Спасибо за гостеприимство.

Последнее, что Нортон видел,— это Джейн, беспомощно взирающая на своего мужа. Макнейр захлопнул за ним дверь, и он пошел к машине. Девочки, игравшие в классы у соседнего дома, посмотрели на него и усмехнулись. Нортон отъехал с мыслью, что, возможно, Макнейр еще одумается.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—24.

Но Макнейр одумываться не собирался.

— Джейн, ты не должна была пускать сюда этого человека и рассказывать о моих делах.

— Клэй, мне казалось, он хочет помочь тебе.

— Помочь мне? Это он нуждается в помощи. На той неделе большое жюри вызывает его для дачи показаний. Держу пари, этого он тебе не сказал. Неужели непонятно? Он просто ищет способ выкрутиться.

— Клэй, что ты знаешь о Риддле?

— Ничего.

— Ты же говорил, что он сумасшедший. И теперь как будто боишься его. В чем дело?

Макнейр с раздражением заходил по комнате.

— В чем дело? Ты очень хочешь знать? Хорошо. Я скажу тебе, в чем. Байрон Риддл грозился убить меня. Вот почему я сменил кабинет. И вот почему не вмешиваюсь в происходящее. Я ничего не знаю и не хочу знать.

Он сел на диван и обхватил голову руками. Джейн поднялась, села рядом и коснулась его руки.

— Убить, Клэй? Да ведь он шутил.

Макнейр подскочил с дивана.

— Он не шутил! Как ты не можешь понять? Он избил меня. Он грозил мне пистолетом. Он намерен убить меня, как ты не поймешь.

— Но за что?

— Этого я сказать не могу.

— Ты должен.

— Не могу, черт возьми! Это... это политика. Я не могу объяснить тебе. Я просто должен смириться.

— Смириться? Хотя тебя грозят убить? Клэй, либо ты расскажешь мне, в чем тут дело, либо я... заберу девочек и уеду куда-нибудь, где живут нормальные люди и никто не говорит об убийствах.

Макнейр застонал и плюхнулся на диван. Мир, в котором он жил, рушился. Почему его не оставляют в покое, почему не дают заниматься только своей работой?

— Джейн, однажды я случайно заглянул в стол Риддла, там была магнитофонная пленка, имеющая какое-то отношение к Донне Хендрикс. Он застал меня и пригрозил убить, если я кому-нибудь расскажу. И убьет. Вот почему я должен оставаться в стороне от этого дела.

Джейн Макнейр опустилась в кресло стиля королевы Анны, подаренное им четырнадцать лет назад на свадьбу.

— Клэй, ты должен рассказать это... кому-нибудь. Нортону, или полиции, или кому-то еще.

— Не могу,— простонал он.— Не могу.

Удрученно глядя на бежевый ковер, Макнейр пытался понять, что происходит с ним. Теперь он уже окончательно уверился, что мир сошел с ума.

29

Нортон с Энни взяли такси до Капитолийского холма и пообедали в одном из ресторанов сената; бобовый суп был одним из немногих неизменных пристрастий Нортона. Потом дошли до Капитолия и спустились к Моллу по длинной мраморной лестнице. Был канун дня памяти погибших в войнах, и на широком зеленом просторе виднелись сотни туристов, ходивших от музея к музею, автомобили, без конца кружившие в тщетных поисках стоянки, а вдали, у памятника Вашингтону,— яркие воздушные змеи в небе.

Остановились они у Пятой стрит.

— Куда пойдем? — спросил Нортон.— В музей Хиршхорна или в Национальную галерею? Господи, хорошо бы приехать сюда туристом.

— Как у нас со временем? — спросила Энни.

— Времени мало. Через полчаса я хотел бы пойти на этот фестиваль.

— Тогда побродим по Саду скульптур. Я не хочу, чтобы ты меня торопил.

Она взяла его за руку, и они свернули налево к музею Хиршхорна.

— Бывал ли ты когда-нибудь в его залах навеселе? — спросила Энни.

— Нет еще.

— Как-то у нас был пикник в Молле, мы накурились гашишу, потом я попала в музей и простояла целый час перед одной из картин Джексона Поллока. Раньше я не понимала его — видела просто разноцветные разводы,— но на этот раз картина буквально ожила. Цвета менялись, картина излучала большую энергию, и меня это захватывало... Казалось, что меня похищают.

— Дешевые восторги,— раздраженно сказал Нортон.

В Саду скульптур они стали неторопливо ходить между статуями павших воинов, громадными абстрактными скульптурами из железа с подвижными частями, прошли мимо детской коляски Пикассо, мимо величественной роденовской «Граждане Кале» и наконец остановились в тени громадного, погруженного в раздумья Бальзака.

— Замечательно,— сказала Энни.— Если рай существует, он должен быть таким же.

— Может, бог окажется похожим на Джо Хиршхорна,— задумчиво сказал Нортон.— Славного торговца мелким скотом, коллекционирующего скульптуры. Пойдем поедим мороженого.

Они перешли людную музейную площадь, бросили монетки в фонтан, обогнули его, купили два брикета мороженого у мрачного пуэрториканца и вернулись в Молл. Нортон повел Энни к рощице неподалеку от Двенадцатой стрит, где дюжины две подростков устроили базар под открытым небом. Товары их были разложены на ломберных столиках и индейских одеялах: керамика, картины, изделия из кожи, шали, украшения. Изготовители товаров, удивительно пассивные торговцы, стояли молча с блаженными улыбками и наивными глазами.

— Отсталые ребята,— объяснил Нортон.— Это какая-то особая программа. Джой Смоллвуд должен быть здесь, но я его не вижу.

Они медленно пошли вдоль столов. Энни купила несколько керамических чашек и индейское ожерелье. Один парень сказал Нортону, что Джой будет попозже.

— Ну и что теперь? — спросила Энни.

— Давай уйдем, а потом вернемся.

— Куда направимся?

— Я ни разу не бывал там,— сказал он, указав на большое здание между Моллом и Конститьюшн-авеню.

— Я тоже не бывала. А что это?

— Музей истории и технологии.

— Как это понять?

— Не знаю. Пошли посмотрим.

Музей оказался поразительной сокровищницей всякой всячины от самого большого в мире американского флага до моделей судов, старых автомобилей и громадной статуи Джорджа Вашингтона в образе Юпитера. Наверху они внимательно осмотрели зал, отведенный истории средств массовой информации. В маленьком кинотеатре показывали кинохронику, Рузвельта, произносящего речь «не бойтесь ничего, кроме страха», и улыбающихся молодых американцев, отплывающих за океан сражаться во второй мировой войне. Перешли к старым телевизорам, там показывали сенатора Джо Маккарти, разоблачающего коммунистов в правительстве, Айка, играющего в гольф, Кеннеди, произносящего инаугурационную речь, Джонсона, обещающего «великое общество», и улыбающихся молодых американцев, отплывающих сражаться во Вьетнаме. Нортон схватил Энни за руку и потащил к двери.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего,— ответил Нортон.— Только здесь воспроизводится мое прошлое, и я не хочу на него смотреть.

Он снова повел ее на базар в рощу.

— Вон Джой,— шепнул он ей.— Тот, что в бейсбольной кепке.

— У него такой унылый вид.

— Давай подойдем к нему, поговорим.

Джой Смоллвуд продавал грубые, яркие картины, на которых были изображены дома, лошади, играющие дети. Когда Энни стала разглядывать их, он радостно заулыбался.

— Мне нравится ваш колорит,— сказала она.— Давно вы пишете?

— Вроде бы,— сказал он.— Говорят, мне это на пользу.

— Я хочу купить эту,— сказала Энни, показав на картину, где двое детей играли в пшеничном поле.— Сколько она стоит?

— Если она вам нравится, возьмите так,— сказал Джой.

— Нет,— запротестовала Энни.— Вот, получите.— И протянула десятидолларовую бумажку. Джой, не глядя, сунул деньги в карман.

Нортон подошел и взглянул на парня.

— Джой, ты знаешь меня?

Джой отступил на шаг и задрожал.

— Ты знаешь меня? — повторил Нортон.— Видел ты меня раньше?

— Может быть.

— Где?

— Не знаю. Мало ли где. Вы из полиции?

— Нет, Джой, я не полицейский. Но ты говорил полицейским неправду обо мне.

Джой повернулся и побежал. Нортон и Энни смотрели, как парень лавирует между туристами, пока он не скрылся за старым зданием смитсоновского института.

— Необходимо было пугать его? — спросила Энни.

— Я хотел услышать, что он скажет. Это могло бы помочь.

— Ты поступил жестоко.

— Послушай, это с его помощью хотят навесить на меня убийство.

— Ну, пошли отсюда. А как быть с его картинами?

Нортон собрал картины Джоя и попросил девушку у соседнего столика приглядеть за ними.

Когда они повернулись и пошли, им заступил дорогу невысокий приземистый человек с короткой стрижкой.

— Привет, Бен.

— Привет, Ник.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Говори.

— Наедине.

Энни поглядела на Гальяно, потом на Нортона и демонстративно пожала плечами.

— Намек поняла,— сказала она.— Встретимся в Саду скульптур.

— Мы недолго,— сказал Нортон.— А это понесу я.

Он взял набитую сумку с кофейными чашками и картиной Джоя и посмотрел, как Энни, длинноногая, стройная, идет по Моллу. Потом повернулся к Гальяно.

— Ладно, Ник, слушаю тебя.

— Противно смотреть, какого ты валяешь дурака,— сказал Ник.— Я слышал, ты остался без работы.

— Об этом не волнуйся.

— Я не лишился сна. Но в твоем поведении нет смысла. Боссу оно не нравится.

— Он послал тебя поговорить со мной?

— Перестань мутить воду, пораскинь мозгами, и не будет никаких проблем. Черт возьми, Бен, ты мог бы вернуться и работать у нас. Как в прежние времена.

— От прежних дней ничего не осталось, Ник.

— От тебя ничего не останется, приятель, когда большое жюри разберется с тобой.

— Не думаю. Волноваться тут нужно кой-кому другому.

— Ты создаешь неприятности,— пробормотал Гальяно.— И напрашиваешься на них.

Какое-то время они шли молча. Перед ними была Национальная галерея, Нортон мельком глянул на вьющуюся по ступеням очередь туристов. И ему захотелось оказаться там, а не спорить на тротуаре с придворным шутом, уже не смешным.

— Ты сказал все, что хотел, Ник? Если да, передай своему другу, что я все продолжаю поиск.

Гальяно остановился, они повернулись друг к другу.

— Ты ничего не понял,— сказал Гальяно.— Босса это дело не волнует. Он почти ничего не знает о нем. Это ты подливаешь масла в огонь.

Нортону надоело.

— Ник, мне противно слушать о боссе. Пусть он твой босс. Пусть он твой кормилец. Пусть он президент — я это знаю. Но перед законом он отвечает, как и любой человек.

Гальяно подался вперед и приблизился лицом к Нортону.

— Зол я на тебя, Бен,— прошептал он.— Ну и зол же я на тебя.

Нортону показалось, что Ник хочет его ударить. Он напрягся, приготовясь встретить удар и дать сдачи, однако Ник резко повернулся и быстро зашагал к Капитолию.

Нортон поглядел ему вслед, потом направился к музею Хиршхорна и нашел Энни на скамье в Саду скульптур; она разглядывала роденовского Бальзака. Он взял ее за руку, и они пошли к памятнику Вашингтону. Конкурс воздушных змеев продолжался, змеи вздымались и опускались на фоне облаков, окрашенных предвечерним солнцем в розовый цвет.

— Какой прекрасный город, черт возьми,— сказал Нортон.— Как было бы замечательно, если...— Он умолк, подыскивая слова.— Если бы только люди не были сумасшедшими.

Энни рассмеялась.

— Ошибаешься,— сказала она.— Не будь люди сумасшедшими, этого города не было б вовсе.

Нортон сжал ее руку и, глядя на парящих змеев, изо всех сил старался забыть о Нике Гальяно.

В нескольких кварталах оттуда Чарлз Уитмор завязывал в спальне перед зеркалом черный галстук. Ругнувшись, он рывком распустил его, начал завязывать в третий раз, и тут раздался негромкий стук в дверь.

— Чарлз?

— Входи.

Клэр Уитмор вошла в комнату и улыбнулась стараниям мужа.

— Давай я,— сказала она. Он вздохнул и, пока супруга искусно завязывала ему галстук, держал подбородок задранным.

— Знаешь, тебе надо взять слугу,— сказала она.

— Хватит с меня и бывшего,— ответил Уитмор.— Готовил мне рубашки и все такое, это ладно, но ведь он постоянно крутился рядом, изображая старательность, и, когда я надевал брюки, бросался помогать. Черт возьми, можешь ты представить такое? Мужчина помогает другому надевать б р ю к и? Правда, он англичанин. Как его фамилия? Кливс? Ривс? По-моему, вот в чем беда Англии — слишком многим политикам слуга подает брюки.

— Отчасти может быть,— сказала его супруга.

— Внизу все готово? — спросил Уитмор.

— Все прекрасно,— ответила она.— Розовый сад выглядит восхитительно, и погода обещает быть отличной.

Уитмор надел смокинг и полюбовался на себя в зеркало.

— Встречалась ты раньше с этим королем? — спросил он.

— Нет.

— Неплохой парень. Поначалу немного скован, но стоит влить в него немного виски, расслабляется. В последнюю нашу встречу я рассказал ему анекдот «Во вторник твоя очередь сидеть в бочке», и он чуть животик не надорвал.

— Вечеринка обещает быть интересной,— сказала Клэр Уитмор.— Но твой мистер Мерфи благодарности не заслуживает.

— Как это понимать?

— Так, что, когда мы решили устроить обед в саду, оказалось, что можно пригласить еще кое-кого, я послала Элизабет обговорить кандидатуры с Мерфи, а он был с ней груб и упрям. Я понимаю, Чарлз, невоспитанность Мерфи иногда бывает тебе полезна, но когда он грубит моей секретарше, ведающей приемом гостей, это то же самое, что грубить мне.

— Я поговорю с ним,— пообещал Уитмор.— В последнее время у него масса дел.

— Не сомневаюсь.

— Хочешь шерри?

— Если время у нас есть, с удовольствием.

— Время есть,— сказал Уитмор и налил два бокала шерри. Он и она сели в кресла, обращенные к южному газону.

— Красиво, правда? — сказала Клэр.— Парящие змеи на закате, а позади них обелиск.

— Да,— рассеянно ответил Уитмор. Он не мог понять, зачем она пришла. Болтать о пустяках у них не было принято.

— Есть еще жалобы? — спросил он.— Не считая Эда Мерфи. Или конструктивная критика? Или комплименты?

Клэр улыбнулась и постаралась изобразить удивление.

— Ну, я считаю, что твоя речь вчера была превосходной.

— Спасибо.

— И что ты блестяще взялся за проект строительства школ.

— Я слышал, что и ты блеснула,— сказал он.— Эд рассказывал мне о твоей встрече с... как их, конгрессменами женского пола. Ты сразила их наповал.

— Они же люди, Чарлз. Главным образом это женщины средних лет, им нравится, когда их выслушивают и, может быть, немного льстят. Если бы ты обратил на них свое знаменитое обаяние, то, уверена, они бы тебе руки лизали.

— Только этого мне и не хватало,— сказал он и рассмеялся. Они посидели молча, глядя, как на фоне заката парят воздушные змеи.

— Чарлз,— сказала наконец Клэр.

— Да?

— Меня кое-что беспокоит.

— Что именно?

— Не знаю. Э т о дело. Смерть Донны Хендрикс. Потом старика сенатора, ее приятеля.

— Совпадение.

— Ходят всякие слухи, Чарлз.

— С этим я ничего не могу поделать.

— Один репортер из «Пост», бывший с ней в дружбе, сказал мне по секрету, что над этим делом у них работает группа репортеров.

— Пусть работают. Если они выяснят, что произошло, значит, сыск у них поставлен лучше, чем в полиции округа Колумбия.

— Чарлз, отнесись к этому посерьезнее. Я навела кой-какие справки...

— Что-что?

— Очень осторожно. Неужели ты думаешь, что я буду полагаться на твои слова и газетные сведения? Я не притворяюсь, что мне здесь все ясно, но, кажется, происходили очень неприятные истории, и в них замешаны твои служащие. Если так, то, пожалуй, тебе следует привести свой дом в порядок.

Уитмор встал и принялся расхаживать по спальне.

— Клэр, что прошло, то прошло. Ты всегда была несправедлива к Донне.

— Я говорю не о Донне! — выкрикнула она.— Неужели думаешь, что я ревную к покойнице? Я говорю о нескольких смертях. Говорю об этом Риддле, и его покровителе Уите Стоуне — ты знаешь, какого я мнения о нем,— и о слухах, которые собирает Бен Нортон.

— Постой,— повысил голос Уитмор.— Риддл вышел из игры. Навсегда. Стоун тоже, пока я президент. А Нортон... В общем, он хороший парень, но он был влюблен в Донну и теперь повсюду видит заговоры. Он успокоится.

— Вряд ли он успокоится,— сказала Клэр.— И вряд ли имеет значение, что ты уволил Риддла и порвал со Стоуном. Произошли неприятные вещи, Чарлз. И если ты ничего не предпримешь, последуют осложнения.

— Предоставь мне заниматься этим.

— Будешь ли ты заниматься? Или надеешься, что все уляжется само собой?

Уитмор присел на край кровати, и тут раздался звонок. Протянув руку, президент нажал кнопку ящичка на ночном столике.

— Да? — устало спросил он.

— Сэр, король и королева ждут,— произнес мужской голос.

— Через минуту мы будем.

— Хорошо, сэр. Еще одно дело, сэр.

— Да?

— Вас хочет видеть мистер Гальяно.

Прежде чем Уитмор успел ответить, Клэр прошептала:

— Только не приглашай его на обед.

Не взглянув на нее, Уитмор кивнул и сказал своему невидимому помощнику:

— Передай Нику, что я встречусь с ним после этой пирушки. Часов в одиннадцать.

— Слушаюсь, сэр.

Уитмор снова нажал кнопку и допил шерри.

— На чем мы остановились? — спросила его супруга.

— Не знаю, на чем остановились мы,— сказал он.— Но вот на чем остановился я. Произошло несколько неприятных историй. Хуже чем неприятных. Глупых. Но они позади. Единственный вопрос сейчас, попадает ли кое-кто в затруднительное положение или нет.

— Мне это не нравится,— сказала Клэр.

— Мне тоже,— сказал Уитмор.— Но дела обстоят так.

Она поднялась, и они поглядели друг на друга.

— Ты отлично выглядишь,— сказал он.— Это платье новое?

— Купила в Нью-Йорке на прошлой неделе.

— Ты всегда выглядишь отлично.

— Спасибо, Чарлз,— ответила она, поцеловала его в щеку и поправила галстук, хотя в этом не было необходимости. Он усмехнулся, открыл дверь и пропустил ее вперед. Стоявший в коридоре капитан морской пехоты щелкнул каблуками.

— Чарлз? — прошептала она.

— Что?

— Как зовут королеву?

— Ольга? Ирма? Забыл. Спроси у шефа протокола. Он получает жалованье за обязанность помнить имена королев. А я берегу себя для больших проблем.

Клэр засмеялась, взяла его за руку, и они грациозно пошли по коридору к комнате, где их ждали венценосные гости. Она решила, что он прав, что ей незачем беспокоиться из-за этого, потому что он поступит по-своему, он всегда поступал так. Но ее то одолевало волнение, то она думала, долго ли ему еще будет везти.

30

Нортон съежился, застонал, сунул голову под подушку, пытаясь отдалить пробуждение насколько возможно, но в конце концов настойчивый телефонный звонок поднял его, он подошел к аппарату и пробормотал:

— Алло?

— Бен? — произнес женский голос.— Надеюсь, я не разбудила вас? Это Джейн Макнейр.

Он сонным голосом пожелал ей доброго утра.

— Я звоню вот почему... Мы с Клэем долго обсуждали эту историю и наконец решили, что он должен рассказать вам все, что знает о Байроне Риддле и... всем остальном.

Нортон выпрямился и взглянул на часы.

— Когда? — спросил он.— Я могу приехать через час.

— Передаю трубку Клэю,— сказала она.

— Нортон?

— Когда бы ты хотел поговорить?

— Сейчас мы идем в церковь,— сказал Макнейр.— Потом едем в Виргинию. Я выступаю в теннисном турнире. Моя партия окончится часам к пяти. Может, встретимся там? Отвезешь меня домой, и по дороге поговорим?

— Клэй, это целых семь часов. Ты не можешь отменить матч?

— Я выступаю в финале,— сказал Макнейр.— Люди на меня ставят.

— Ладно, ладно,— раздраженно сказал Нортон.

— Только учти одно,— продолжал Макнейр.— Все, что я расскажу, должно храниться в секрете. Делай все, что угодно, но меня не впутывай. Договорились?

— Конечно,— снова солгал Нортон.— Объясни, как ехать к теннисному клубу?

Нортон выпил кофе и несколько минут листал воскресный выпуск «Пост». Никаких особых новостей, кроме того, что на шоссе люди гибнут в рекордных количествах, не было. Потом он наткнулся на маленькую заметку, озаглавленную: «Ограблен и сожжен дом адвоката». Там говорилось, что неизвестные лица проникли в усадьбу адвоката Уитни Стоуна на Потомаке, разграбили дом, взорвали встроенный сейф и, уходя, устроили пожар. Полиция полагает, что это работа профессионалов, Нортон подумал, что профессионалы, видимо, были наняты его другом Гейбом Пинкусом. Нашел ли Гейб наконец досье Гувера? Или оно никогда не дастся ему в руки? Нортон стал было звонить Гейбу, но передумал. Он включил телевизор и несколько минут смотрел передачу «Лицо нации». Передавали интервью с главным советником президента по экономическим вопросам, но казалось, что он говорит на каком-то непонятном языке. Вскоре Нортону пришла еще одна мысль.

Открывая дверь, Гвен улыбалась, но, едва она увидела Нортона, ее улыбка исчезла.

— Привет, Бен,— сказала она.— Никак не ждала.

— Я звонил тебе в твой новый кабинет, хотел поздравить,— сказал Нортон.— Как называется твоя новая должность? Специальный помощник по делам искусств? Очень впечатляюще, Гвен. Но на звонки надо отвечать.

— Я была занята,— сказала она.— Тебе что-нибудь нужно?

— Ты не хочешь пригласить меня в дом?

— Я жду кое-кого. Что тебе нужно?

— Может, просто хочу тебя поздравить. Я видел твою фотографию в «Тайм». Ты растешь. В следующий раз твой портрет будет на обложке. Самая популярная женщина года.

— Что тебе нужно?

— Хочу освежить свою память. После смерти Донны мы говорили о ее романе с Уитмором. Потом, недели две спустя, здесь, на вечеринке, ты сказала, что, возможно, никакого романа и не было. Гвен, на этой неделе мне предстоит давать показания перед большим жюри, и, возможно, я буду нуждаться в поддержке. Что же ты будешь говорить?

— Не впутывай меня, Бен.

— Не впутывать? Просто скажи правду.

— Правду? — Это слово она произнесла с отвращением.— Ты все очень упрощаешь.

— Все очень просто,— сказал он.— Что же ты скажешь?

Зеленые глаза Гвен сверкнули холодной яростью.

— Донна много говорила о нем. Была влюблена в него. Не знаю, правда это или нет. Она могла все выдумать.

Нортон не верил своим ушам.

— Гвен, она была твоей лучшей подругой...

— Перестань разыгрывать благородство!

— А ты продала ее за должность, которая тебе не нужна. За снимок в «Тайм».

— Пошел к черту, мальчишка, праведник, сукин сын!

Она сильно ударила его по лицу и захлопнула дверь. Нортон потер щеку и пошел к машине. Пора было ехать на теннисный матч.

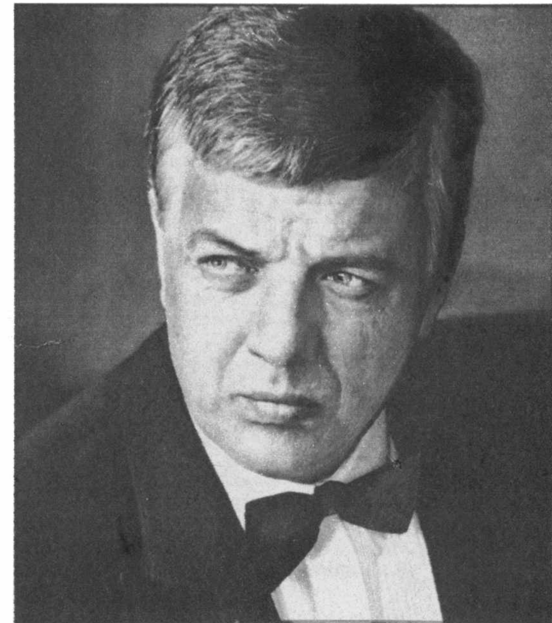
Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

ДВЕНАДЦАТЬ БАЛЛОВ В ЮРМАЛЕ

Ровно год назад в курортном городке на Рижском взморье со сцены небольшого концертного зала «Дзинтари» впервые прозвучали молодые голоса мало кому известных исполнителей. Но услышали их благодаря Центральному телевидению во всей стране.

Сегодня, перед началом II Всесоюзного телевизионного конкурса молодых исполнителей современной эстрадной песни «Юрмала-87» (30 июня в эфире вы услышите его позывные), мы беседуем с председателем жюри конкурса и его инициатором, народным артистом СССР, композитором Раймондом Паулсом.

— Признаться, после завершения конкурса «Юрмала-86» странно было слышать о том, что он не получился, что на нем «не открыли» новых эстрадных «звезд». Конкурс, собственно, такой задачи и не ставил. Мы взялись за организацию его исключительно ради выявления новых, перспективных исполнителей, из которых со временем могли бы получиться (или не получиться!) эти «звезды».

На конкурсе мы этих молодых певцов показали всей стране. Их могли заметить и начать с ними сотрудничество наши многочисленные эстрадные композиторы и поэты. Если бы большинство из них пошло на это, мы смогли бы значительно увеличить число песенных новинок года. Но почему-то многие авторы песен все-таки предпочитают ждать, когда у признанных эстрадных «звезд» появится несколько свободных минут, чтобы прослушать их песню, и надеются, что, если повезет, «звезда» включит эту песню в свой репертуар. А молодым чаще всего петь-то и нечего.

Кто-то обращался за помощью ко мне, кому-то я помог. Но я не могу всех собрать в свою авторскую программу. А молодые вокалисты, я это заметил еще на прошлогоднем конкурсе, очень нуждаются в работе с профессиональными, опытными музыкантами.

— В прошлом году, как мы помним, возникали вопросы: каким образом тот или иной участник попал на конкурс? Оказались на нем некоторые люди, мягко говоря, случайные. Каким образом отбирали кандидатов в этом году?

— По заданию Центрального телевидения были проведены республиканские, а в РСФСР зональные телевизионные смотры в Свердловске, Красноярске и Владивостоке. Центр России должен был состязаться в Ленинграде. Но по непонятным причинам ленинградцы смотра не организовали, и представители всего этого региона, к сожалению, на конкурс не приедут. Кандидатов Москвы отбирала по своему конкурсу музыкальная редакция Всесоюзного радио. Меня радует, что в списке соискателей нынешнего фестиваля двадцать четыре фамилии, причем большинство совершенно незнакомые. В этом году мы будем оценивать выступления открыто, как на спортивных состязаниях, по двенадцатибалльной системе.

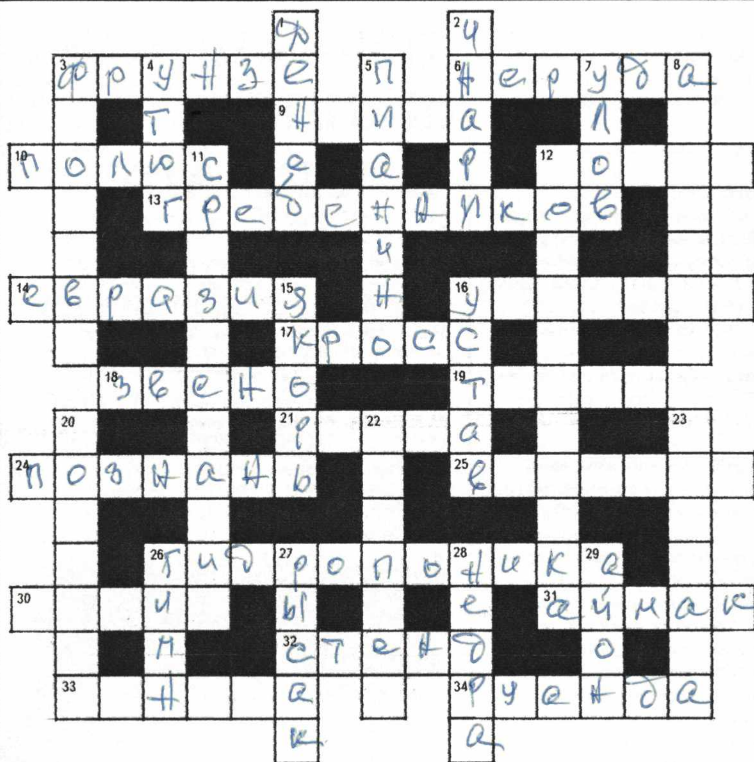
— И кто будет вместе с вами работать в жюри конкурса?

— В президиуме жюри — главный редактор музыкальных программ Центрального телевидения В. Упорин, секретарь Союза композиторов СССР Ю. Саульский, секретарь ЦК ВЛКСМ С. Рогожнин, а в составе жюри — Э. Пьеха, Д. Тухманов, И. Резник, М. Дунаевский, Ф. Закиров, Л. Лещенко...

В этом году телевидение предполагает вести прямую трансляцию всего конкурса, а 4 июля — заключительный гала-концерт.

Интервью взяла Татьяна СЕКРИДОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Советский военачальник, командовавший фронтами в годы гражданской войны. 6. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 9. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 10. Точка пересечения оси вращения Земли с ее поверхностью. 12. Картина Кукрыниксов на тему разгрома нацизма. 13. Советский химик-технолог, академик. 14. Материк. 16. Приспособление для проверки горизонтальности линий. 17. Спортивный бег. 18. Воинское подразделение в авиации. 19. Минерал, сырье для получения соды. 21. Героиня рассказа М. Горького «Макар Чудра». 24. Рассказ А. П. Чехова. 25. Административный центр воеводства в Польше. 26. Выращивание растений без почвы. 30. Украинская актриса, Герой Социалистического Труда. 31. Административно-территориальная единица в Монгольской Народной Республике. 32. Щит для размещения экспонатов. 33. Лекарственное травянистое растение. 34. Государство в Восточной Африке.

По вертикали: 1. Звезда в созвездии Лебедя. 2. Озеро на севере Финляндии. 3. Город в Волгоградской области. 4. Металлический прибор для глажения. 5. Клавишный музыкальный инструмент. 7. Количество пойманной рыбы. 8. Ранневесенний цветок. 11. Русский филолог, этнограф, академик XIX века. 12. Стихотворение Я. В. Смелякова. 15. Часть электромашины постоянного тока. 16. Свод правил, положений. 20. Песня А. Н. Пахмутовой. 22. Устройство для визуального отображения информации на экране. 23. Лирический жанр в поэзии. 26. Торжественная песня. 27. Породистая лошадь. 28. Месторождение полезных ископаемых в земной коре. 29. Остров в Восточно-Сибирском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

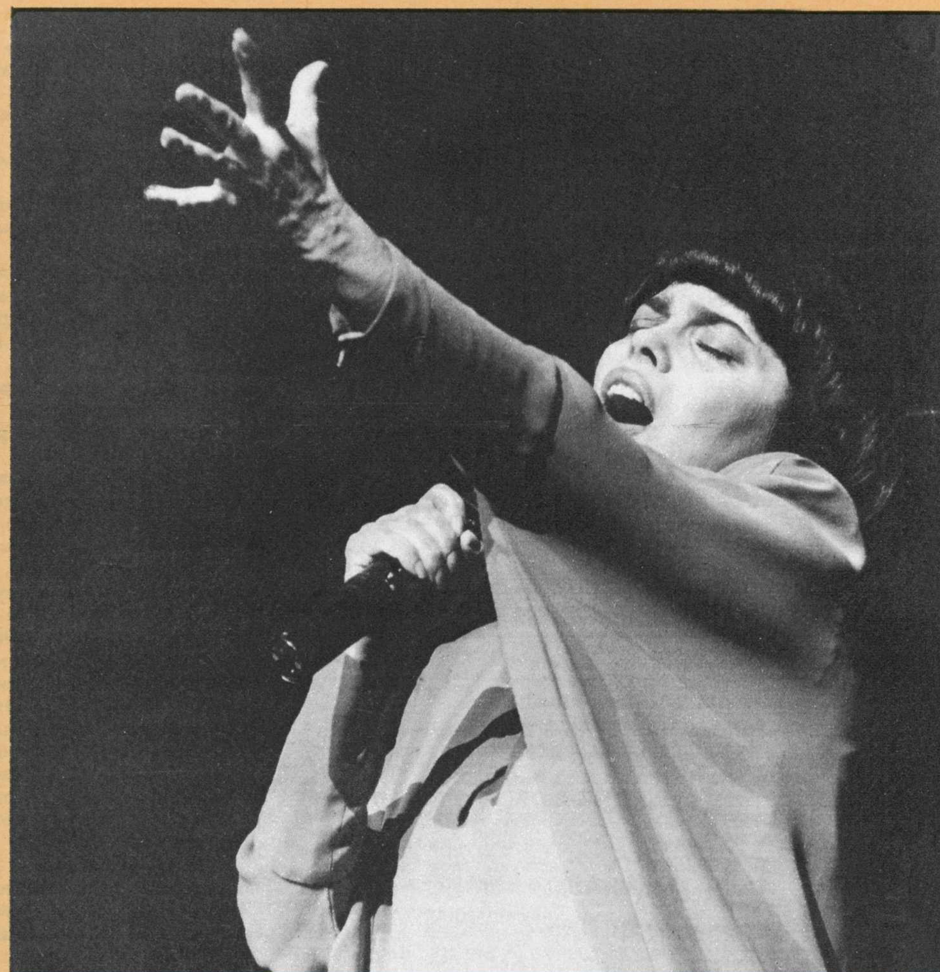
По горизонтали: 5. Опава. 7. Блантер. 9. Прибыль. 11. «Богатырская». 13. Кутуй. 14. Сборы. 15. Собинин. 19. Медь. 20. «Огни». 21. Дуадастанон. 22. Бюро. 24. Сода. 26. Свобода. 30. Билет. 32. Парик. 33. Ратификация. 34. Фронтон. 35. Елецкий. 36. Ивняк.

По вертикали: 1. «Торнадо». 2. «Ландыши». 3. Записки. 4. Строй. 6. Динас. 8. «Либуше». 10. Лебрен. 11. Бульдозер. 12. Яблонская. 15. Сеанс. 16. Благо. 17. Нетто. 18. Ненка. 23. Юпитер. 25. Джильи. 27. Влияние. 28. Брифинг. 29. Диалект. 31. Таити. 32. Пирей.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виктора **СКРЫЛЕВА**

РУССКИЕ СНЫ МИРЕЙ МАТЬЕ

— Все, что я здесь вижу,— это прекрасный сон...

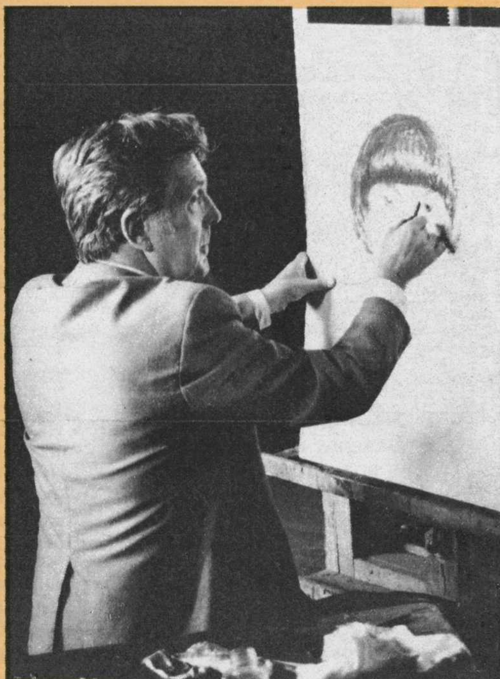
Мирей Матье разводит руками, приглашая нас еще и еще раз обозреть интерьер мастерской художника.

— Русское искусство — картины, иконы, предметы старинного убранства, полотна знаменитого Ильи Глазунова, особенно его работы, посвященные образам Достоевского,— это чудо, выражающее душу России,— восклицает гостья,— я не могу оторваться от всего этого.

Обаятельная, добродушная, живая, открытая — не хватает эпитетов, чтобы украсить ими облик знаменитой французской певицы. Она еще в Париже просила привести ее в этот дом, и вот уже не в первый раз за короткое пребывание в Москве она приходит сюда. Вместе с ней ее импресарио Джонни Старк, сестра Матильда, друзья, коллеги по работе, группа французских телевизионщиков, снимающих каждый шаг пребывания Мирей Матье в нашей стране.

Сегодняшний повод для съемок особенный — портрет. И все мы видим, как на наших глазах творится искусство: одно-два движения пальцев по картону — абрис, контуры глаз, выразительные губы, шапка черных волос, закрывающих лоб... Не более получаса понадобилось художнику, чтобы углем и пастелью запечатлеть образ «парижского соловья». Портрет готов, автор делает дарственную надпись...

...И вот уже совершенно освоившись, Мирей ведет себя раскованно, просто. Откуда только столько энергии, магии обаяния в этой маленькой женщине! Она поет, не щадя голоса, говорит — глубоко и точно — о связях между великими культурами наших народов, фотографируется со всеми по очереди, позирует ученику Глазунова по художест-

венному институту имени Сурикова Михаилу Шанькову, благодарно принимает шутливый экспромт поэта Андрея Дементьева.

С удивлением слушает мелодию песни Сольвейг, исполненную на экзотическом музыкальном инструменте — обыкновенной пиле — художником Петром Литвинским, аплодируя потом во все ладошки...

Наступает пауза, и снова голос Мирей заполняет пространство, уносясь в небо Москвы. Звучит французская песня. Потом на русском языке — «Подмосковные вечера». Все подпевают Мирей Матье...

Улучаю минуту и прошу Матье дать короткое интервью «Огоньку». Всего четыре вопроса, два серьезных и два... легкомысленных.

— Песня никогда не утратит своего значения. Исполняя народные французские песни и эстрадные произведения современных композиторов, чувствуете ли правоту своего искусства?

— Мне трудно сказать, права я или нет в своем пении. Я слишком требовательна к себе, и нет ничего того, чем бы я осталась довольна, хотя я стараюсь делать то, что я могу. У меня очень сложная профессия, профессия, которой можно отдавать всю себя.

— Вы не были в Москве десять лет. За это время у нас в стране произошли большие изменения. Заметили ли вы их?

— Первое, что бросилось в глаза, это то, что люди стали красивее, современнее, элегантнее одеваться. Изменилась сама одежда. На мужчинах, на женщинах. Больше появилось улыбок, раскованности, какой-то внутренней свободы...

— Вы такая молодая, Мирей, и такая красивая («Мерси, мерси»). У вас есть все: слава, богатство, наверное. Что вам хотелось бы еще иметь в жизни?

— Это слишком — иметь все. И то, чего у меня нет, я до сих пор не нашла.

— Вы заядлый коллекционер. Какими редкостями вы пополните ваш домашний музей, вернувшись из Москвы?

— Табакерками и работами талантливых мастеров из Палеха.

Я достаю блокнот, и моя собеседница быстро пишет: «Всем читателям «Огонька» мои наилучшие воспоминания! Мирей Матье!»

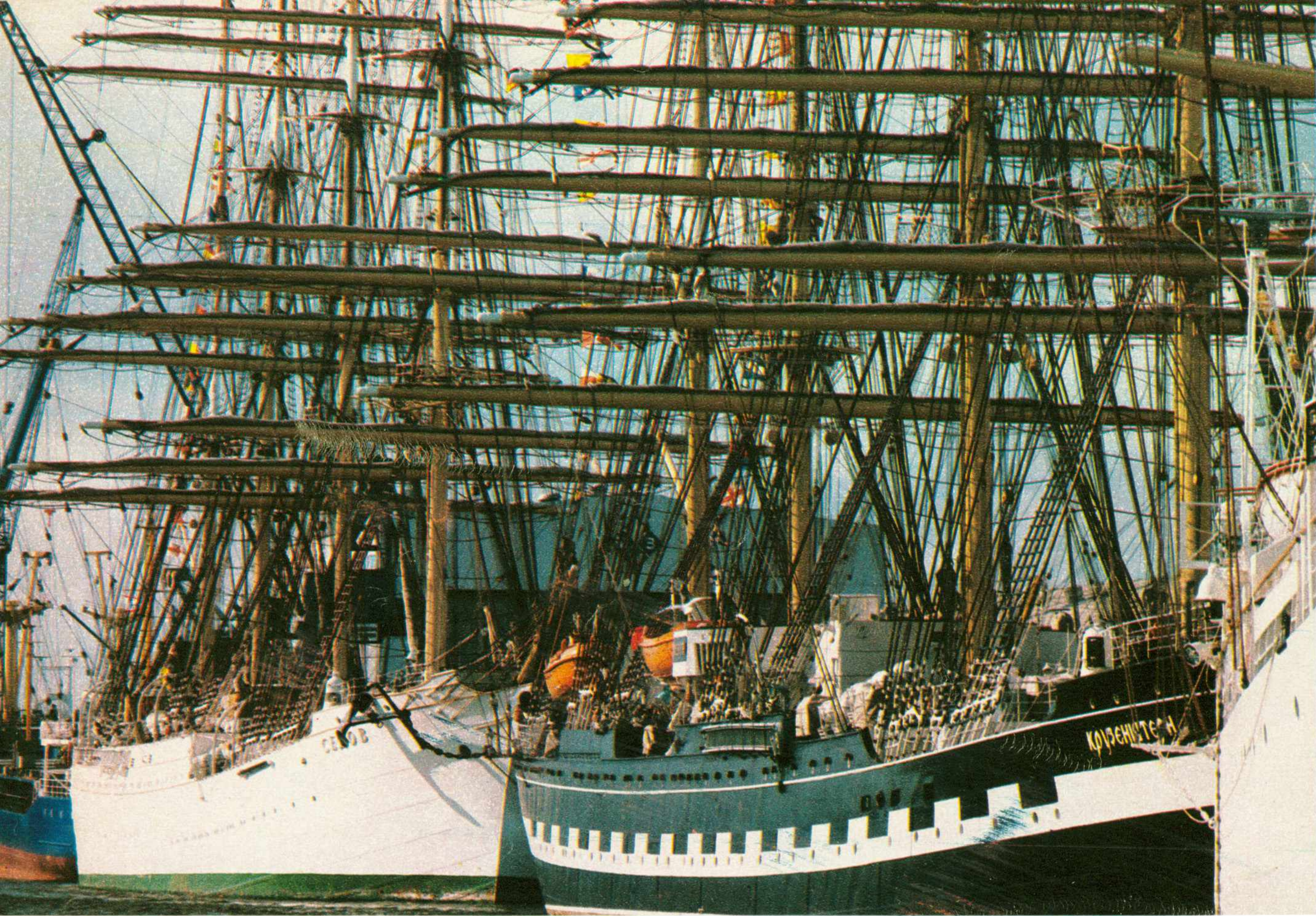
Время за полночь. Гостья немного устала. Она, улыбаясь, оглядывается, затем подходит к окну:

— Этот русский сон мне будет долго сниться...

Феликс МЕДВЕДЕВ,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Pour les lecteurs de
Ogonyok
Avec mon meilleur Souvenir

ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА

Начало на стр. 12.

Победа в первой гонке укрепила веру команды в свои силы. На старт следующего этапа — от норвежского порта Ларвик до центра Северного моря и обратно — к мысу Скаген в Датских проливах — молодые советские мореплаватели вышли явными фаворитами. Они не оставили никаких надежд своим ровесникам из Польши и Болгарии, Федеративной Республики Германии и Норвегии. Пятьсот двадцать девять миль были пройдены «с ветерком», и приз «Катти Сарк» оказался у сплоченной команды «Крузенштерна».

Когда официальная программа была завершена, часть матросов с «Крузенштерна» перебралась на суда своих недавних соперников, а те, в свою очередь, пересели на наши парусники. И долго потом ходили по морю, обмениваясь

друг с другом опытом и знаниями в непростом мореходном деле.

...Через несколько дней «Крузенштерн» покидал гостеприимный Ленинград. Ему предстоял нелегкий переход по вздыбленному Балтийскому морю в Северное, которое в эти дни умеет показывать свой норов.

Когда я приехал в порт, барк, плавно разворачиваясь, поднимал паруса, готовясь к привычному единоборству со стихией. С берега, вслед судну, мерно помахивая, тянулись десятки девичьих рук. И кто знает, может быть, и на этот раз сказочный парусник уносил с собой частичку чьего-то сердца.

ОГОНЁК

Цена номера 40 коп.

ISSN 0131—0097 Индекс 70663